СЕРАПІОНОВЫ БРАТЬЯ.

СОБРАНІЕ ПОВѢСТЕЙ И СКАЗОКЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Э. Т. А. ГОФФМАНА.

Переводъ съ Нѣмецкаго

И. Безсомыкина.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Февраля 19 дня, 1835 года.

Ценсоръ *Лазаревъ*.

СЕРАПІОНОВЫ БРАТЬЯ.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пришли Викентій и Сильвестръ. Лотарій говорилъ имъ длинную рѣчь, въ которой презабавнымъ образомъ и весьма обстоятельно излагалъ онъ обязанности достойнаго Серапіонова брата: »И такъ,« заключилъ онъ, »посредствомъ торжественнаго рукобитья, дайте мнѣ слово, дорогіе, достойные мои неофиты, вѣрно слѣдовать правиламъ незабвеннаго Серапіона, то есть, все стремленіе ва-

ше направить къ тому, чтобы въ собраніяхъ прекраснаго союза являть себя столь талантливыми, одушевленными, свободными духомъ, занимательными и остроумными, сколько позволятъ силы ваши.« — »Я съ своей стороны,« подхватилъ Викентій, »отъ всей души даю слово въ этомъ. Все свое умственное и нравственное достояніе приношу я въ даръ общинѣ, гдѣ потомъ вы можете питать и даже щедрою рукою утучнять меня. Всякій разъ, когда мнѣ вздумается посѣтить васъ, намѣренъ я, по пословицѣ, заранѣе дать добрую порцію сахару своей обезьянѣ, для того чтобы разохотить ее ко всякаго рода прыжкамъ и вычурамъ. А такъ какъ покровитель вашъ всю славу, всю честь пріобрѣлъ приличнымъ сумасшествіемъ, то и я преимущественно буду стараться идти по слѣдамъ его, такъ чтобы союзъ нашъ не имѣлъ недостатка въ достохвальномъ безуміи. Я могу, если ты требуешь того, мой достойный Лотарій, и если вамъ то угодно, мои почтен-

нѣйшіе Серапіоновы братья—я могу попеременно сходить съ ума на чудеснѣйшихъ мысляхъ. Могу, подобно какъ Профессоръ Тишель, вообразить себя Римскимъ Императоромъ, или, какъ Петръ Сгамбари, Кардиналомъ. Могу, какъ Тралiановы женщины, думать, что вселенная стоитъ у меня на лѣвомъ большомъ пальцѣ, или, что у меня стеклянный носъ, который прекрасными призматическими цвѣтами свѣтится на стѣнахъ и потолкѣ, или, какъ маленькій Шотландецъ Дональдъ Монро, почитать тебя зеркаломъ и подражать всѣмъ взорамъ, гримасамъ и тѣлоположеніямъ того, кто смотритъ мнѣ въ лице. Могу даже увѣрить себя, что моя anima sensitiva, подобно какъ Кавелеру д'Эпернею, обрила мнѣ всю голову, и что я внушаю вамъ почтеніе малымъ остаткомъ волосъ, сохранившихся у меня на зубахъ. — Вы, какъ достойные Серапіоновы братья, будете умѣть уважать такое безуміе.— Смотрите-же, уважайте! и да не придетъ вамъ мысль лечить меня, а еще

менѣе употреблять средства по методѣ Бёргаве, Меркуріалиса, Антіуса, Амиды, Фридриха Крафта, Г-на Рихтера, которые всѣ совѣтовали порядкомъ посѣкать такого рода больныхъ и слегка давать имъ пощечины. Между тѣмъ розги благодѣтельно дѣйствуютъ на умъ и сердце, и побуждаютъ тѣло къ важнѣйшимъ отправленіямъ. Что́ сталось бы съ нами, удержали ли бы мы въ головѣ хоть одну строку, учась въ 5 классѣ, если-бы не было наказаній? — Да, я помню еще, что будучи по двѣнадцатому году и читая страданія Вертера, я тотчасъ же влюбился въ одну тридцатилѣтнюю дѣвицу и хотѣлъ застрѣлиться. Отецъ мой счастливо вылѣчилъ слишкомъ пламенную чувствительность моего сердца, слѣдуя Разесу и Валуску де Таранта, которые, какъ самое дѣйствительное средство противъ любви, рекомендуютъ порядочное число ударовъ розгами. Въ то же время мой добрый старичокъ плакалъ горячими родительскими слезами, раду-

ясь открытію, что сынъ его въ самомъ дѣлѣ не оселъ, потому что это животное, по извѣстнымъ опытамъ, тѣмъ болѣе становится влюбленнымъ, чѣмъ болѣе сѣкутъ его.

»О забавнѣйшій изъ всѣхъ краснобаевъ,« вскричалъ Ѳедоръ, »ты цѣлый репертуаръ уморительныхъ шутокъ; какъ забавно мастеришь ты свои прыжки и курбеты! Пожалуйста, будь всегда таковъ. Если иногда будетъ у насъ слишкомъ тихо и пасмурно, то блесни ты своими затѣйливыми разсказами, и пуще всего одушеви нашего Сильвестра, который, какъ всегда за нимъ водится, по сію пору не вымолвилъ еще ни слова.«

»Признаюсь,« сказалъ Оттмаръ, »я никакъ не могу увѣриться, чтобы человѣкъ, сидящій вонъ тамъ на стулѣ и такъ привѣтливо намъ улыбающійся, былъ дѣйствительно Сильвестръ. Потому что мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, чтобъ онъ такъ скоро разстался съ сельскимъ житьемъ своимъ,

котораго преимущества онъ такъ высоко цѣнитъ передъ нашимъ городскимъ, и я, право, думаю, что это только прекрасное привидѣніе, и Сильвестръ, того гляди, изчезнетъ у насъ изъ глазъ въ живописныхъ облакахъ дыма, который выпускаетъ онъ изъ своей сигары.«

»Боже сохрани и помилуй!« вскричалъ Сильвестръ, засмѣявшись, »да неужели ты думаешь, что я, миролюбивый, спокойный человѣкъ, превратился въ чародѣя, который морочитъ честныхъ людей своею драгоцѣнною особою? Ужели ты думаешь, что я имѣю хоть малѣйшее отношеніе къ какому нибудь Филадельфію или Шведенборгу? — Если ты, Ѳедоръ, жалуешься на мою молчаливость, то знай, что именно ныньче я не даромъ щажу свое дыханіе, имѣя намѣреніе ни болѣе, ни менѣе, какъ прочесть вамъ довольно длинную повѣсть, къ которой воспламененъ я былъ прекрасною картиною нашего отличнѣйшаго Карла Кольбе, и которую написалъ я во время моего пребыванія въ дерев-

нѣ. — Если ты, Оттмаръ, удивляешься, что я, не смотря на то, что такъ высоко цѣню досуги деревенской жизни, все-таки опять пріѣхалъ сюда въ городъ, то представь себѣ, что хотя вѣчный, неутомимый шумъ и пустая заботливость большаго города ни мало не соотвѣтствуютъ моему существенному характеру, но я съ своей стороны, какъ поэтъ и писатель, имѣю нужду во многихъ побужденіяхъ, которыя нахожу я только здѣсь. Моя повѣсть, которую почитаю я хорошею, вовсе-бы не существовала, еслибъ я не видалъ Кольбевой картины на выставкѣ Изящныхъ Искуствъ, и еслибъ я послѣ того не предался досугамъ деревенской жизни. «

» Сильвестръ правъ, « подхватилъ Лотарій, » если онъ, какъ комическій и романическій писатель, ищетъ побужденій въ разнохарактерномъ шумѣ большаго города, и потомъ даетъ досугъ своему духу создавать то, къ чему онъ былъ побужденъ. Ту картину Сильвестръ могъ бы видѣть и въ деревнѣ,

но не могъ бы видѣть живыхъ лицъ, которыя толпились вокругъ картины и одушевлялись лицами, въ ней изображенными. Поэты такого рода никогда не должны предаваться уединенію; они должны жить въ свѣтѣ, въ самомъ разнохарактерномъ свѣтѣ, чтобы видѣть и схватывать его до безконечности разнообразныя явленія.«

»Га!« вскричалъ Викентій, »какъ Г-нъ Жакъ въ Шекспирѣ, найдя въ лѣсу Г-на Пробштейна, ликующимъ голосомъ взываетъ: дуракъ, дуракъ! — Я набрелъ на дурака въ лѣсу, на наряднаго дурака; — о плачевный свѣтъ! — Такъ точно ликуя, взываю и я: Поэтъ, Поэтъ! — Я набрелъ на Поэта! — Въ поздній полдень выходитъ онъ, шатаясь, изъ третьяго виннаго погреба, маслеными отъ упоенія глазами смотритъ на солнце и вдохновенно восклицаетъ: О сладостный, тихій свѣтъ мѣсяца, какъ лучи твои проникаютъ въ мою внутренность и обильнымъ свѣтомъ озаряютъ цѣлый міръ, который храню я въ душѣ

своей! — Шествуй предо мною, привѣтное свѣтило, чтобъ я, слѣдуя за тобою, очутился въ той странѣ, гдѣ опытность въ жизни и познаніе людей во всей полнотѣ представились-бы мнѣ для полезнаго употребленія. — Вотъ характеры! — Живой рисунокъ безъ изученія не возможенъ. — Чудесный напитокъ, дивный соревнователь, раскрывающій сердца и возжигающій фантазію! — Такъ, онъ живетъ во мнѣ, — онъ, наслаждающійся роскошнымъ Салами въ той комнатѣ. Это высокій, худощавый мужчина; онъ носитъ синій фракъ съ желтыми пуговицами, Англійскіе сапоги, нюхаетъ табакъ изъ черной лаковой табакерки, бѣгло говоритъ по Нѣмецки, и потому, не смотря на сапоги его и на Итальянскую колбасу, вотъ Нѣмецкій, чудесный, полный жизни характеръ для моего новаго Романа! — Но — болѣе познанія людей — болѣе характеровъ! — Тутъ мой поэтъ пустился по попутному вѣтру въ бухту четвертаго виннаго погреба! «

»Перестань,« вскричалъ Лотарій, »ты, Оливаріусъ текстоисказитель! — Такъ называю я тебя, потому что ты въ самомъ дѣлѣ испортилъ мнѣ весь текстъ! — Я очень хорошо знаю, о чемъ намѣкаешь ты своимъ пьянымъ поэтомъ, опытностью въ жизни и винными погребами, и кого разумѣешь ты подъ человѣкомъ въ синемъ фракѣ; теперь ни слова болѣе объ этой темѣ. Но иные люди также думаютъ, что они, со строгою точностью списавъ личность того или другаго повстрѣчавшагося имъ существа, представили полные жизни характеры. Странная коса, какую носитъ тотъ или другой старикъ, цвѣта, въ какіе одѣвается та или другая дѣвушка, ничего еще не значатъ. Надобно особенное чувство, проницательный взоръ, для того чтобы усматривать формы жизни въ ихъ глубочайшей характерности, но и это усматриваніе ничего еще не значитъ. Духъ, живущій въ истинномъ поэтѣ, всѣ схваченные образы, такъ какъ они являлись

ему въ вѣчныхъ, разноцвѣтныхъ переливахъ, кладетъ прежде всего, такъ сказать, въ пробирную чашечку, и будто изъ отстоя химическаго процесса, выходятъ всѣ образы, принадлежащіе міру и жизни въ полномъ ея развитіи. Вотъ дивныя лица, которыя, безъ всякаго отношенія къ мѣсту и времени, знаетъ каждый, съ которыми сдружился каждый, которыя, со всею полнотою жизни, существуютъ между нами! — Нужно ли упоминать о несравненномъ Санхо Пансѣ, о Фальстафѣ? — А такъ какъ ты, Викентій, говорилъ именно о синемъ фракѣ, то весьма естественно, что существо, созданное истиннымъ поэтомъ, такъ какъ я сказалъ, одѣвается само по себѣ затѣйливо и соотвѣтственно своему характеру. « — » Да вѣдь и въ жизни-то, « прервалъ Оттмаръ, » все дѣлается не иначе. По случаю какого нибудь необыкновеннаго повстрѣчавшагося намъ явленія, мы всѣ, безъ сомнѣнія, живо чувствовали, что, на примѣръ, такой-то господинъ, сооб-

разно со всею своею характерностью, не можетъ носить другаго картуза, другой шляпы, другаго сертука, кромѣ такого именно, какой онъ носитъ. Все это не столько странно само по себѣ, какъ потому что мы сознаемъ это. «

» Но и то, что все это само по себѣ происходитъ, не заключается-ли только въ нашемъ сознаніи? « прервалъ Кипріанъ друга. « — » О неслыханная утонченность! « вскричалъ Викентій. » И все то, « сказалъ Сильвестръ болѣе одушевленнымъ тономъ, нежели ему было свойственно, » и все то, что утверждаетъ Лотарій, такъ истинно, такъ вѣрно взято прямо изъ души моей! — Но не забывайте, что пользуясь нашимъ усладительнымъ братствомъ, и я оставилъ въ деревнѣ такое наслажденіе, которое, проникая все существо мое, до небесъ возвышаетъ его. Я разумѣю не иное что, какъ многообразныя музыкальныя произведенія, пѣніе дивныхъ образцовыхъ твореній тоническаго искусства. Нынче только, въ истинно высокомъ

значеніи слова, былъ я восхищенъ обѣднею Бетговена, которую, какъ вы знаете, пѣли въ Католической церкви. «

» И это, « сказалъ Кипріанъ сквозь зубы, » не удивляетъ меня, именно по той причинѣ, что тебѣ, Сильвестръ, это лишеніе представляетъ въ лучшемъ свѣтѣ вещи такого рода. Голодный радъ и ржаному сухарю. Потому что, скажу откровенно, Бетговенъ въ обѣднѣ своей создалъ истинно превосходную, геніальную музыку, но только вовсе не обѣдню. — Гдѣ тутъ строгій церковный стиль? «

» Вѣдь ужъ я знаю, « подхватилъ Ѳедоръ, » что ты, Кипріанъ, ободряешь только старыхъ композиторовъ, пугаешься всякой черной ноты въ церковной партитурѣ, и до несправедливости простираешь эту строгость на все новѣйшее. «

» Надобно признаться однако-же, « сказалъ Лотарій, » что въ Бетговеновой обѣднѣ многое звучитъ для меня слишкомъ ликующимъ, слишкомъ по-земному

восклицательнымъ тономъ. Вообще мнѣ хотѣлось-бы знать, отъ чего происходитъ совершенная, одна другой противоположная разность духа, въ какомъ композиторы сочиняли свои обѣдни?

»Да, да!« вскричалъ Сильвестръ: вотъ что такъ часто казалось мнѣ необъяснимымъ. Слѣдовало бы полагать, что на примѣръ, слова: Benedictus qui venit in nomine Domini (*), должны быть принимаемы въ одинаково благочестивомъ, спокойномъ духѣ, между тѣмъ я знаю не только, что эти слова великими композиторами полагались на музыку въ совершенно различномъ характерѣ, но что я, проникнутый самыми различными ощущеніями, никогда не могъ отвернуть, какъ неудачное, сочиненіе того или другаго мужа. — Ѳедоръ могъ-бы въ этомъ случаѣ вразумить насъ.«

»Отъ всей души,« сказалъ Ѳедоръ, »я бы сдѣлалъ это какъ-бы только могъ лучше; но тогда мнѣ надлежало-бы про-

* Благословенъ грядый во имя Господне.

изнести вамъ небольшое разсужденіе, которое своею важностью не соотвѣтствовало-бы веселому духу, въ какомъ началось нынѣшнее собраніе наше.«

»Да въ томъ-то именно,« возразилъ Оттмаръ, « и состоитъ Серапіоновскій характеръ, чтобы мѣшать важное съ забавнымъ. И потому ты можешь, Ѳеодоръ, смѣло говорить о предметѣ, который въ высочайшей степени занимаетъ всѣхъ насъ, исключая развѣ одного Викентія, который ничего не разумѣетъ въ музыкѣ. И я прошу нашего новаго Сарапіонова брата, Викентія, проглотить смѣшную шутку, готовую слетѣть съ устъ его и не прерывать нашего оратора.«

»О Серапіонъ!« вскричалъ со вздохомъ Викентій, бросивъ взоръ къ верху, а Ѳеодоръ, безъ дальныхъ околичностей, началъ слѣдующее:

»Молитва, благоговѣніе, безъ сомнѣнія возвышаютъ душу сообразно ея существенному, въ ней господствующему, или минутному расположенію, по мѣрѣ

шого, какъ оно возбуждаешся физическимъ или психическимъ благосостояніемъ, или шакимъ-же шочно сшраданіемъ. И потому благоговѣніе сшановишся шо внушреннимъ умиленіемъ, доходя до ошверженія и поверженія самого себя въ прахъ предъ сокрушающимъ, молніеноснымъ лучемъ гнѣвающагося на грѣшника Господа міровъ, шо мощнымъ возвышеніемъ къ Безконечному, сыновнимъ упованіемъ на милосердіе Божіе, предвкушеніемъ обѣщаннаго блаженсшва.

Изъ эшого слѣдуешъ уже, чшо композиторъ, который, какъ обыкновенно бываетъ, одушевляясь истиннымъ благоговѣніемъ, приступаетъ къ сочиненію обѣдни, долженъ допускашь, чшобы въ немъ преобладало индивидуальное религіозное расположеніе его духа, съ копорымъ свободно согласуется каждое слово, и посредшсвомъ Miserere Gloria, Qui tollis и ш. д. не увлекаться несовмѣстнымъ смѣшеніемъ раздирающихъ сердце мученій сокрушенной души съ ея ликующи-

ми изліяніями. Всѣ произведенія этого послѣдняго рода, такъ какъ они въ высочайшей степени безразсуднымъ образомъ являются въ новѣйшее время, суть уроды, порожденные нечистою душою, которыхъ я такъ-же горячо отвергаю, какъ и Кипріанъ, но приношу дань высокаго уваженія къ дивнымъ церковнымъ сочиненіямъ Михаила и Іосифа Гайденовъ, Гассе, Наумана и другихъ, не забывая древнихъ твореній благочестивыхъ Итальянскихъ мейстеровъ (Лео, Дуранте, Перли и друг.), которыхъ высокая, достойная простота, которыхъ чудесное искусство модулировать безъ всякихъ затѣйливыхъ уклоненій, но проникая прямо въ душу, по видимому, совершенно утратилось въ новое и новѣйшее время. По этому уже самому, не останавливаясь на первобытномъ, чистомъ церковномъ стилѣ, потому что Священное пренебрегаетъ пестрымъ украшеніемъ земныхъ утонченностей, несомнѣнно должны мы сознаться, что и эта простая музыка въ церкви имѣетъ болѣе

сильное дѣйствіе, потому что чѣмъ скорѣе тоны слѣдуютъ одни за другими, тѣмъ болѣе отзываются они въ высокихъ сводахъ и дѣлаютъ цѣлое неяснымъ и невразумительнымъ. Отсюда частію происходитъ великое дѣйствіе простаго церковнаго пѣнія всемъ хоромъ. Согласно съ тобою, Кипріанъ, безусловно отдаю я преимущество возвышеннымъ церковнымъ пѣснямъ древнихъ временъ, по ихъ истинно священному стилю, передъ новѣйшею церковною музыкою; между тѣмъ я придерживаюсь мнѣнія, что посредствомъ богатства, пріобрѣтеннаго музыкою въ новѣйшее время, преимущественно вразсужденіи употребленія инструментовъ, хотя и не слѣдуетъ роскошно блистать въ церкви, но можно благороднымъ, достойнымъ образомъ имъ пользоваться. Смѣлое сравненіе, что древняя церковная музыка Итальянцевъ содержится къ новѣйшей Нѣмецкой такъже, какъ церковь Св. Петра къ Стразбургскому Минстеру, мнѣ кажется довольно удачнымъ. Грандіозныя содержа-

нія того зданія возвышаютъ душу, будучи соизмѣримы; но съ какимъ-то страннымъ внутреннимъ безпокойствомъ смотритъ наблюдатель на Минстеръ, который въ отважнѣйшихъ извитіяхъ, въ чудесныхъ переплетеніяхъ разнохарактерныхъ фантастическихъ лицъ и украшеній, высоко возносится въ воздухѣ. Но это самое безпокойство возбуждаетъ чувство чего-то невѣдомаго, чудеснаго, и духъ свободно предается мечтанію, въ которомъ онъ воображаетъ видѣть надземное, безконечное. Вотъ именно впечатлѣніе чисто Романтическаго, такое, какимъ одушевлены сочиненія Моцарта и Гайдена. Не трудно объяснить, почему ныньче не такъ легко для композитора положить на ноты церковную пѣснь въ высокомъ, простомъ стилѣ древнихъ Итальянцевъ. Не говоря уже о томъ, что истинная благочестивая вѣра, дававшая силу тѣмъ мейстерамъ въ высокихъ, достойныхъ тонахъ возвѣщать священнѣйшее, рѣдко бываетъ удѣломъ души артиста новѣйшихъ вре-

менъ, упомяну шолько о безсиліи, происходящемъ опгъ недосшапка въ испшинномъ геніи, и пошомъ о недосшапкѣ въ самоошверженіи. Не въ высочайшей ли просшошѣ разширяешъ геній свои мощныя крылья? Кшо не желаешъ блисшашь своимъ богашсшвомъ предъ взорами всѣхъ, а довольсшвуешся шолько одобреніемъ одного знашока, кошорому и безъ всякаго блеска одно *чистое* есшь уже пріяшнѣйшее, или, лучше сказашь, единсшвенно пріяшное? Тѣмъ, чшо всюду начали пользовашься одинаковыми средсшвами выраженія, дошли почши до шого, чшо нѣшъ болѣе никакого сшиля. Въ комической операѣ не рѣдко слышишь шоржесшвенныя, великолѣпныя выраженія, въ важной оперѣ шушливыя пѣсенки, а въ церкви орашоріи и обѣдни на манеръ оперъ. Но необыкновенная глубина духа, высокій геній шребуешся для шого, чшобы при упошребленіи самаго фигурированнаго пѣнія, всего богашсшва инсшрументовъ, сохранящь важносшь и досшоинсшво,

словомъ, все соотвѣтствующее характеру церковной музыки. Моцартъ, какъ ни щеголеватъ онъ въ обѣихъ извѣстныхъ обѣдняхъ своихъ изъ C dur, прекрасно рѣшилъ эту задачу въ Requiem: вотъ по истиннѣ романтически-священная музыка, вылившаяся изъ глубины души композитора. Не должно-ли сознаться, что и Гайденъ во многомъ изъ своихъ обѣденъ дивными звуками говоритъ о Священномъ и Высокомъ, хотя его по справедливости можно во многихъ мѣстахъ упрекнуть игривостью. — Лишь только узналъ я, что Бетговенъ сочинилъ обѣдню, то, не читая и не слыша еще ни одной ноты изъ этого творенія, я тотчасъ предположилъ, что вразсужденіи стиля и выраженія, этотъ артистъ принялъ образцемъ стариннаго Іосифа. Между тѣмъ я обманулся насчетъ того, какимъ образомъ Бетговенъ постигъ слова обѣдни. Впрочемъ, геній Бетговена не рѣдко возбуждаетъ трепетъ и ужасъ. Такъ, думалъ я, воззрѣніе на надземное напол-

нитъ душу его внутреннимъ трепетомъ, и онъ выразитъ это чувство въ звукахъ. Но напротивъ, вся обѣдня носитъ характеръ дѣтски-ясной души, которая, утверждаясь на чистотѣ своей, со всею простотою уповаетъ на милосердіе Бога, и молится Ему, какъ Отцу, который печется о благѣ дѣтей своихъ и внемлетъ мольбамъ ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ общимъ характеромъ сочиненія, внутреннее строеніе, равно и благоразумное распредѣленіе инструментовъ, вполнѣ достойны геніальнаго художника, если только примемъ въ соображеніе направленіе, предположенное мною относительно употребленія въ церкви музыкальнаго богатства.«

» Но это самое направленіе,« подхватилъ Кипріанъ,« по моему убѣжденію, совершенно превратно и можетъ довести до безбожнаго нарушенія святыни. — Дай мнѣ высказать то, чтó я думаю о церковной музыкѣ, и ты найдешь, что я, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ самому себѣ, совершенно правъ въ

этомъ случаѣ. Нѣтъ искусства, по моему мнѣнію, которое-бы наиболѣе происходило изъ внутренней одухотворенности человѣка; нѣтъ искусства, требующаго болѣе чисто духовныхъ, эѳирныхъ средствъ, нежели музыка. Предощущеніе Высочайшаго и Священнѣйшаго—духовной силы, возжигающей искру жизни въ цѣлой Природѣ, слышимо высказывается въ звукѣ. Такимъ образомъ музыка и пѣніе становятся выраженіемъ Высочайшей полноты существованія — хвалою Творца. Слѣдственно по своему внутреннему, существенному характеру, музыка есть религіозное поклоненіе, и ея происхожденіе надобно слѣдить и находить единственно въ религіи — въ церкви. Являясь болѣе и болѣе богатою и могущественною, она сыпала на людей свои неистощимыя сокровища, такъ что и свѣтскость осмѣлилась потомъ, какъ бы съ дѣтскою радостью, украшаться блескомъ, которымъ музыка озаряла самую жизнь во всѣхъ ея мелочныхъ отношеніяхъ. Но

и свѣтскость явилась въ этомъ убранствѣ, какъ-бы тоскуя по возвышеннѣйшемъ, божественномъ мірѣ и стремясь войдти въ его явленія. Именно по этому существенному характеру своему музыка не могла быть собственностью древняго міра, гдѣ все сливалось въ чувственное отѣлотвореніе, но долженствовала быть принадлежностью новѣйшихъ вѣковъ. Оба одинъ другому противоположные полюса язычества и Христіанства въ искуствѣ суть пластика и музыка. Христіанство уничтожило первую и создало послѣднюю, равно и ближайшую къ ней—живопись. Въ живописи древніе не знали ни перспективы, ни колорита; въ музыкѣ ни мелодіи, ни гармоніи. Мелодію принимаю я въ высшемъ смыслѣ, какъ выраженіе внутренняго аффекта, безъ всякаго отношенія къ словамъ и къ ихъ ритмическому содержанію. И эта недостаточность собственно ничего не значитъ; она показываетъ только низкую степень, на которой находились тогда

музыка и живопись; но самый зародышь этихъ искуствъ, покоясь въ безплодной почвѣ, не могъ развиться; въ Христіанствѣ же онъ взошелъ чудесно, и въ роскошной полнотѣ разцвѣлъ и принесъ плоды. Оба искуства, музыка и живопись, только видимо удерживаютъ свое мѣсто въ древнемъ мірѣ; они угнетены были могуществомъ пластики, или, лучше сказать, въ мощныхъ массахъ пластики не могли имѣть никакого вида; оба искуства ни мало не были тѣмъ, что̀ мы называемъ теперь живописью и музыкою, равно и пластика, по причинѣ противящагося всякому отѣлотворенію направленія Христіанскаго міра, какъ-бы прибѣгнувъ къ духовности, ускользнула изъ тѣлесной жизни. Но и первый зародышъ нынѣшней музыки, въ которомъ заключалась священная, для одного Христіанства разрѣшимая тайна, однимъ только существеннѣйшимъ назначеніемъ своимъ могъ служить древнему міру, т. е., для религіознаго поклоненія. Потому что ни чѣмъ инымъ,

какъ только симъ послѣднимъ, даже въ древнѣйшее время, были Драмы, употреблявшіяся для торжественнаго представленія страданій и радостей какого нибудь бога. Декламація поддерживалась инструментами, и это уже доказываетъ, что музыка древнихъ была чисто ритмическая, не имѣя иныхъ способовъ, и, такъ какъ я сказалъ уже, мелодія и гармонія, два полюса, между которыми движется наша музыка, оставались неизвѣстными древнему міру. По этому, можетъ статься, Амвросій, и въ послѣдствіи Григорій, въ пятьсотъ девяносто первомъ году, приняли древніе гимны въ основаніе Христіанскимъ гимнамъ, и мы въ такъ называемомъ canto fermo, въ анифоніяхъ находимъ еще слѣды того просто ритмическаго пѣнія: это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что они пользовались зародышемъ, который перешелъ къ нимъ, и несомнѣннымъ остается, что болѣе глубокое изслѣдованіе этой древней музыки можетъ имѣть занимательность только для на-

блюдающаго антикварія; но для опытнаго практическаго композитора священнѣйшая глубина этого дивнаго, истинно Христіанскаго искусства, является тогда только, когда въ Италіи Христіанство блистало высочайшею славою, и великіе мейстеры, посвященные божественнымъ вдохновеніемъ, въ превосходныхъ, никогда неслыханныхъ звукахъ, возвѣщали святую тайну религіи.—Достойно примѣчанія, что вскорѣ послѣ того, какъ Гвидо Ареццо глубже проникъ въ тайны тоническаго искуства, оно сдѣлалось предметомъ математическихъ спекуляцій для неразумныхъ, и такимъ образомъ его внутренній, существенный характеръ, лишь только началъ онъ развиваться, не былъ постигнутъ. Дивные звуки языка духовъ пробудились и понеслись по землѣ; удалось уже уловить ихъ; гіероглифы тона, въ его мелодическомъ и гармоническомъ переплетеніи, были найдены. Я разумѣю музыкальныя письмена — ноты. Но теперь означеніе заступило мѣсто означаемаго;

мейстеры углубились въ гармоническія искуственности, и такимъ образомъ музыка, обезображенная до созерцательной науки, едва не перестала быть музыкою. Святыня Богослуженія, когда наконецъ эти искуственности дошли до высочайшей степени, была нарушаема тамъ, гдѣ въ него входила музыка; между тѣмъ для души, проникнутой этимъ священнымъ искуствомъ, музыка была истиннымъ Богослуженіемъ. Слѣдственно могла быть только кратковременная борьба, прекратившаяся славною побѣдою вѣчной истины надъ неправдою. Съ этимъ искуствомъ примирился Папа Маркеллъ Второй, имѣвшій намѣреніе изгнать изъ церквей всякую музыку, и такимъ образомъ похитить у Богослуженія величественный блескъ его, когда великій мейстеръ Палестрина открылъ ему священныя чудеса тоническаго искуства въ его существеннѣйшемъ характерѣ. Музыка навсегда сдѣлалась собственно Богослуженіемъ Католической Церкви, и тогда-то пробудилось въ

благочестивомъ духѣ мейстеровъ глубочайшее познаніе этой внутренней сущности тоническаго искуства, и въ дѣйствительно священномъ вдохновеніи полились изъ сердецъ ихъ безсмертныя, неподражаемыя пѣнія. Ты знаешь, Өедоръ, что шестигласная обѣдня, которую сочинилъ въ то время Палестрина (въ 1555 году, какъ кажется), для того чтобы дать случай разгнѣванному Папѣ слышать истинную музыку, весьма извѣстна подъ названіемъ Missa Papae Marcelli. Палестриною начинается, безспорно, прекраснѣйшій періодъ церковной музыки, а съ нею и музыки вообще, которая почти двѣсти лѣтъ, при безпрестанно возрастающемъ богатствѣ, сохранялась въ своемъ благочестивомъ достоинствѣ и силѣ, хотя и надобно сознаться, что уже въ первомъ столѣтіи послѣ Палестрины эта высокая, неподражаемая простота и достоинство потерялись въ какомъ-то щегольствѣ, котораго домогались композиторы. Что́ за мейстеръ Палестрина!—Безъ всякаго украшенія, безъ

мелодическихъ движеній, въ сочиненіяхъ его по большой части совершенно созвучные аккорды слѣдуютъ одни за другими, силою и смѣлостью которыхъ съ непреодолимымъ могуществомъ объемлется духъ и возносится къ Высочайшему. — Любовь, единозвучіе всего духовнаго въ Природѣ, такъ какъ оно обѣщано Христіанину, высказывается въ аккордѣ, который по этому въ Христіанствѣ только пробудился къ жизни, и такимъ образомъ аккордъ становится гармоніею, образомъ и выраженіемъ духовной общины, соединенія съ вѣчнымъ, съ идеаломъ, который владычествуетъ надъ нами, и между тѣмъ заключаетъ насъ въ себѣ. По этому музыка должна быть чистѣйшею, священнѣйшею, наиболѣе церковною, какъ только выраженіе той любви, — возникающею изъ души и пренебрегающею всемъ свѣтскимъ. Таковы простыя, полныя достоинства творенія Палестрины, которыя, будучи проникнуты высочайшею силою благочестія и любви, могущественно и чу-

десно возвѣщаютъ Божественное. Его музыкѣ собственно приличны слова, которыми Итальянцы опредѣляютъ многія произведенія въ сравненіи съ нимъ сухихъ, ничего назначащихъ композиторовъ: это настоящая музыка изъ другаго міра — Musica del'altro mondo.

Послѣдовательность созвучныхъ, совершенныхъ троегласій такъ чужда намъ теперь въ нашей изнѣженности, что многіе, которыхъ душа закрыта для священнаго, видятъ въ этомъ одну неловкость техническаго строенія. Не говоря уже ни о какихъ высшихъ видахъ и принимая въ соображеніе только то, что въ кругу обыкновеннаго называется дѣйствіемъ, ясно видимъ, что, такъ какъ ты замѣтилъ, Ѳедоръ, въ церкви, этомъ обширномъ зданіи, гдѣ звуки такъ далеко разносятся, именно всякое утонченіе, посредствомъ переходовъ и маленькихъ междунотъ, ослабляетъ силу пѣнія. Въ Палестрининой музыкѣ всякій аккордъ всею силою своею поражаетъ слушателя, и самыя ис-

кусныя модуляціи не могутъ, такъ какъ эти смѣлые, мощные, подобно ослѣпительнымъ лучамъ проникающіе аккорды, дѣйствовать на душу. Палестрина простъ, истиненъ, дѣтски простодушенъ, мощенъ и силенъ, существенно Христіанствененъ въ своихъ твореніяхъ, такъ какъ въ живописи Петръ Кортона и нашъ Альбрехтъ Дюреръ. Сочиненіе музыки было для него благоговѣйною молитвою. Но я не забуду и великихъ мейстеровъ: Кальдары, Барнабея, Скарлатти, Марцелло, Лотти, Парторы, Бернардо, Лео, Валотти и другихъ, которые всѣ отличались простотою, достоинствомъ и силою. Живо вспоминаю я въ сію минуту семигласную alla capella обѣдню, сочиненную Александромъ Скарлатти, которую ты, Ѳедоръ, подъ твоимъ руководствомъ, заставилъ однажды пѣть своихъ лучшихъ учениковъ и ученицъ. Эта обѣдня есть образецъ истиннаго, мощнаго церковнаго стиля, не смотря на то, что она заключаетъ въ себѣ мелодическія

движенія, свойственныя музыкѣ того времени (1705 года). «

» И ты, « сказалъ Ѳедоръ, » ты вовсе не упоминаешь о мощномъ Генделѣ, о неподражаемомъ Гассе, о глубокомысленномъ Севастьянѣ Бахѣ. «

» Да какъ-же! « возразилъ Кипріанъ, » вѣдь и ихъ я вполнѣ причисляю къ священному сонму, котораго духъ укрѣплялся силою вѣры и любви. Эта самая сила произвела вдохновеніе, которымъ входили они въ союзъ съ возвышеннымъ, и воспламенялись къ созданіямъ, которыя не соотвѣтствуютъ видамъ свѣтскимъ, но суть только хвала — славословіе Религіи и Существа Высочайшаго. И потому тѣ произведенія носятъ печать истиннаго, и никакое заботливое стремленіе къ такъ называемому дѣйствію, никакая изысканная игривость и обезьянство не нарушаютъ чистоты дара небеснаго, потому-то вовсе не встрѣчается здѣсь такъ называемыхъ поражающихъ модуляцій, затѣйливыхъ фигуръ, нѣжныхъ мелодій, безсильнаго,

смѣшаннаго шума инструментовъ, который оглушаетъ слушателя, для того чтобы онъ не примѣчалъ внутренней пустоты, и потому однѣ только творенія этихъ мейстеровъ и немногихъ, въ новѣйшее время оставшихся вѣрными служителями исчезнувшей въ нашемъ краю церкви, истинно возвышаютъ и назидаютъ благочестивую душу. Здѣсь намѣренъ я упомянуть и о превосходномъ мейстерѣ Фальшѣ, который принадлежитъ древнему благочестивому времени, и котораго глубокомысленныя творенія, по смерти его, столь мало были уважаемы легкомысленною толпою, что изданіе его шестнадцатигласной обѣдни, по недостатку способовъ, не было даже предпринято.«

»Ты весьма несправедливъ ко мнѣ, Ѳедоръ,« возразилъ Кипріанъ, »если думаешь, что я не умѣю цѣнить новѣйшей музыки. Гайденъ, Моцартъ, Бетговенъ развиваютъ дѣйствительно новое искусство, зародышь котораго началъ обнаруживаться только

въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія. Что легкомысліе, неразумѣніе дурно распоряжались пріобрѣтеннымъ богатствомъ, что наконецъ дѣлатели фальшивой монеты мишурному золоту своему хотѣли придать видъ благороднаго металла, въ томъ не виноваты эти мейстеры, въ которыхъ духъ чудесно обнаруживался. Правда, что почти до такой же степени, до какой достигла инструментальная музыка, пренебрегаемо было пѣніе, и что наровнѣ съ этимъ пренебреженіемъ шло совершенное прекращеніе хорошихъ хоровъ, произведенное многими церковными постановленіями (уничтоженіемъ монастырей и т. д.); въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что теперь не возможно уже возвратиться къ простотѣ и величію Палестрины; но остается еще вопросъ, какимъ способомъ вновь пріобрѣтенное богатство безъ пышности можетъ быть внесено въ церковь? — Теперь все далѣе и далѣе стремится господствующій духъ міра; исчезнувшіе образы никогда не возвраща-

ются такъ, какъ они движились въ радостной полнотѣ жизни; но истинное — вѣчно, непреложно, и дивное духовное братство таинственными узами своими совокупляетъ минувшее, настоящее и будущее. Духовно живутъ еще великіе старинные мейстеры, и звуки пѣсней ихъ не умолкли; имъ не внемлютъ только въ бурномъ, клокочущемъ шумѣ буйнаго, неистоваго стремленія, овладѣвшаго нами. Да не будетъ отдаленнымъ отъ насъ время исполненія надеждъ нашихъ, да начнется благочестивая жизнь въ мирѣ и радости, и музыка свободно и мощно да расширитъ серафимскія крылья свои, чтобы снова начать полетъ свой за предѣлы земной жизни, туда, гдѣ отчизна ея, и откуда ниспосылаются утѣшеніе и спасеніе въ мятежную грудь человѣка! «

Кипріанъ произнесъ послѣднія слова съ такимъ благоговѣніемъ, которое ясно показывало, что все истинно изливалось изъ души его. Глубоко тронутые его рѣчью друзья хранили минутное мол-

чаніе; потомъ началъ Сильвестръ. «Дѣйствительно, не будучи музыкантомъ, такъ какъ вы, Θедоръ и Кипріанъ, я однако-же очень хорошо понялъ все, что ни говорили вы о Бетговеновой обѣднѣ и вообще о церковной музыкѣ. Но если ты, Кипріанъ, жалуешься, что почти нѣтъ болѣе никакого истинно церковнаго композитора, то я съ своей стороны замѣчу, что теперь трудно найдти поэта, который написалъ-бы достойный церковный текстъ.«

»Безъ сомнѣнія,« подхватилъ Θедоръ, »именно Нѣмецкій текстъ, взятый для Бетговеновой обѣдни, доказываетъ справедливость этого. Три главныя части обѣдни суть, какъ извѣстно: *Господи помилуй*, *Вѣрую* и *Святъ*, *Святъ*, *Святъ*. Между первымъ и вторымъ входитъ Graduale (по большой части церковная симфонія), а между вторымъ и третьимъ Offertorium (обыкновенно употребляемый какъ церковная арія). Такъ и цѣлое, вѣроятно для того, чтобы этой чудесной музыкѣ открыть дорогу въ Протестант-

скія церкви, даже въ концертныя залы, будучи обработано Нѣмцами, раздѣлено также на три части. Что-жъ касается до словъ, то они, чтобы не утратить смысла—значенія цѣлаго, долженствовали быть, сколько можно, просты, а именно, для поддержанія красоты и силы, чисто библейскія. Гендель, какъ извѣстно, велѣлъ спросить у Епископа, который вызвался сочинить ему текстъ для Мессіады, ужели Его Преосвященство надѣется изобрѣсть лучшія слова, нежели какія находитъ онъ Гендель въ Библіи? Не льзя справедливѣе этого опредѣлить истинное направленіе церковнаго текста. Чтó вышло изъ простаго Kyrie eleison, Christe eleison, въ Бетговеновой обѣднѣ? — слушайте:

Во прахѣ молимъ мы Тебя,
Превѣчнаго Творца міровъ,
Тебя, Всемощнаго Владыку.
Кто можетъ постигать Тебя?
О Безконечный! мѣры нѣтъ,
Нѣтъ словъ для Твоего величья,
Лишь дѣтскимъ лепетомъ взываемъ
Всесвятое имя: Богъ!

»Вотъ, что называется,« вскричалъ Сильвестръ, »въ новѣйшемъ духѣ, изыскано, великолѣпно и вмѣстѣ съ тѣмъ плодовито. Вообще я долженъ сознаться, что внутренній характеръ древнихъ Латинскихъ гимновъ мнѣ кажется совершенно недостижимъ, и что даже переводы отличнѣйшихъ поэтовъ ни коимъ образомъ не удовлетворяютъ меня. Самый вѣрный переводъ часто, по крайней мѣрѣ, звучитъ какъ-то странно, на примѣръ, Ave maris stella: радуйся звѣзда морей!«

»По этому-то,« сказалъ Θедоръ, »никогда не могъ бы рѣшиться я, еслибъ имѣлъ намѣреніе сочинить церковную музыку, отказаться отъ этихъ древнихъ гимновъ.«

»Но теперь,« сказалъ Викентій, вскочивъ со стула, »теперь, подобно разгнѣванному Папѣ Маркеллу, исключаю я всякій разговоръ о музыкѣ изъ капеллы незабвеннаго Серапіона! — Вы оба прекрасно говорили, ты Θедоръ, равно и Кипріанъ; но полно объ этомъ; возвратим-

тесь къ старому порядку, котораго именно я, какъ новикъ, крѣпко придерживаюсь!«

»Викентій правъ,« подхватилъ Лотарій. »Для непосвященныхъ въ тайны музыки, ваши разсужденія были не совсѣмъ-то усладительны, и потому не худо прекратить ихъ. Сильвестръ долженъ прочесть намъ повѣсть, которую онъ взялъ съ собою.«

Друзья согласились съ желаніемъ Лотарія, и Сильвестръ безъ дальныхъ околичностей началъ слѣдующимъ образомъ.

МЕЙСТЕРЪ МАРТИНЪ, БОНДАРЬ, И ЕГО РАБОТНИКИ.

Сердце твое, любезный читатель! наполняется какою-то пріятно-томительною грустью, когда ты бываешь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чудесные памятники древняго Нѣмецкаго искусства, какъ краснорѣчивые свидѣтели, возвѣщаютъ блескъ, благочестивое усердіе и право-

ту прекраснаго, давно минувтаго времени. Не то-ли же самое случается, когда входишь ты въ покинутый домъ? — Раскрытая лежитъ еще на столѣ благочестивая книга, которую читалъ отецъ семейства; тамъ виситъ еще богатая разноцвѣтная ткань, надъ которою трудилась сама хозяйка: всякаго рода драгоцѣнныя произведенія промышленности, подаренныя въ торжественные дни, стоятъ вокругъ комнаты въ опрятныхъ шкапахъ. Тебѣ думается, что вотъ войдетъ одинъ изъ домашнихъ и встрѣтитъ тебя съ простодушнымъ гостепріимствомъ. Но напрасно ожидаешь ты тѣхъ, которыхъ увлекло вѣчно вращающееся колесо времени; и такъ ты можешь предаваться сладкимъ мечтаніямъ, которыя представляютъ тебѣ древнихъ мейстеровъ, благочестиво и сильно бесѣдующихъ съ тобою, такъ, что рѣчи ихъ внутренно проникаютъ тебя. Теперь только понимаешь ты глубокій смыслъ ихъ твореній, потому что живешь въ ихъ вѣкѣ и по-

спигаешь по время, которое могло произвести шакихъ мейсшеровъ и внушишь имъ подобныя шворенія. Но ахъ! не случаешся-ли, что прелестные, мечшающіеся шебѣ образы, въ пу самую минушу, какъ шы намѣренъ заключишь ихъ въ полныя любви объяшія, на свѣшлыхъ, упренниxъ облакахъ улешаюшъ ошъ шумной дневной сueшливосши, и шы, съ горячими слезами на глазахъ, смошришь въ слѣдъ болѣе и болѣе блѣднѣющему сіянію? — И вошъ шы мгновенно пробуждаешься ошъ прекраснаго мечшанія, сильно запронушый волнующеюся вокругъ шебя жизнію, и шебѣ ничего болѣе не осшаешся, кромѣ глубокаго шомишельнаго желанія, пошрясающаго грудь швою сладкимъ шрепешомъ.

Такія чувсшвованія всякій разъ наполняли шого, кшо пишешъ для шебя, любезный чишашель, эши лисшы, когда пушь его пролегалъ чрезъ знаменишый городъ Нирнбергъ. То осшанавливаясь передъ чудеснымъ сшроеніемъ колодезя на рынкѣ, шо разсмашривая

надгробный памятникъ въ церкви Св. Себальда, скинію для Святыхъ Даровъ въ церкви Св. Лаврентія, или въ замкѣ и ратушѣ глубокомысленныя, дивныя произведенія Альбрехта Дюрера, вполнѣ предавался онъ сладостному мечтанію, которое переносило его въ прекрасныя времена древняго Имперскаго города. Онъ вспоминалъ эти простодушные стихи Патера Розенблюта:

» O Nürnberg, du edler Fleck,
Deiner Ehren Bolz steckt am zweck,
Den hat die Wahrheit darau geschossen,
Die Wahrheit ist in dir entsprossen. «

» О Нирнбергъ, благородный градъ, стрѣла чести твоей достигла своей цѣли: истина вонзила ее туда; истина въ тебѣ самомъ возникла. «

Многія картины полезной гражданской жизни того времени, когда искуство и ремесло въ дѣятельномъ стремленіи подавали другъ другу руки, представлялись ему въ полномъ свѣтѣ, и съ особеннымъ веселіемъ и ясностью запечатлѣвались въ душѣ его. Теперь вообрази

себѣ, любезный читатель, что одна изъ подобныхъ картинъ выставлена передъ тобою. Можетъ быть, ты не безъ удовольствія, даже съ искреннею улыбкою, взглянешь на нее; можетъ быть, самъ войдешь въ домъ мейстера Мартина, и остановишься посреди его чановъ и бочекъ. И такъ! да будетъ на самомъ дѣлѣ то, чего отъ всей души желаетъ сочинитель этихъ листовъ.

КАКЪ Г-НЪ МАРТИНЪ ИЗБИРАЕТСЯ ВЪ КЕРЦЕНМЕЙСТЕРЫ И ИЗЪЯВЛЯЕТЪ ЗА ТО СВОЮ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Перваго Маія тысяча пятьсотъ осьмидесятаго года, почтенное Общество бондарей, соотвѣтственно древнему обычаю, имѣло свое торжественное ремесленное собраніе въ вольномъ Имперскомъ городѣ Нирнбергѣ. Не задолго до того умеръ одинъ изъ старшинъ, или такъ называемыхъ Керценмейстеровъ; надлежало выбрать новаго. Выборъ палъ на мейстера Мартина. Въ самомъ дѣлѣ, ни-

кто почти не могъ равняться съ нимъ въ прочномъ и красивомъ дѣланіи бочекъ; никто не умѣлъ такъ хорошо, какъ онъ, хозяйничать въ винномъ погребѣ, почему онъ всегда имѣлъ дѣло съ знатными господами, и жилъ въ цвѣтущемъ благосостояніи, даже въ полномъ богатствѣ. И потому, когда Мейстеръ Мартинъ былъ избранъ, почтенный Ратсгеръ, Яковъ Паумгартнеръ, бывшій Предсѣдателемъ Общества, сказалъ: »Вы весьма хорошо поступили, друзья мои, избравъ въ Старшины свои мейстера Мартина, потому что эта должность приличествуетъ ему болѣе, нежели кому нибудь иному. Мейстеръ Мартинъ высоко уважается всѣми, кто знаетъ его, по своему отличному умѣнью и глубокой опытности въ искуствѣ сохранять благородное вино. Его дѣятельность, его благочестивая жизнь, не смотря на все богатство, имъ пріобрѣтенное, могутъ для всѣхъ васъ служить примѣромъ. И такъ, любезный мой мейстеръ Мартинъ, примите отъ меня искреннее поздравле-

ніе съ возведеніемъ васъ на степень нашего достойнаго Старшины!« Сказавъ это, Паумгартнеръ всталъ съ своего мѣста и съ распростертыми руками ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, ожидая, чтобы мейстеръ Мартинъ пришелъ къ нему на встрѣчу. Послѣдній тотчасъ оперся обѣими руками объ ручки креселъ и тяжеловѣсно, медленно всталъ съ мѣста, такъ какъ только позволяло его утучненное тѣло. Потомъ съ такою-же медленностію пошелъ онъ въ сердечныя объятія Паумгартнера, на которыя едва отвѣчалъ. »Скажите,« продолжалъ Паумгартнеръ, нѣсколько удивленный всѣмъ этимъ, »скажите, мейстеръ Мартинъ, ужели вамъ непріятно, что мы избрали васъ своимъ Керценмейстеромъ?« — Мейстеръ Мартинъ, по обыкновенію своему, голову назадъ, забарабанилъ пальцами по толстому брюху своему, вытянулъ нижнюю губу, и выпучивъ глаза, окинулъ взоромъ собраніе. Потомъ обратился къ Паумгартнеру, и началъ слѣдующимъ образомъ: »Да какъ-же, мило-

стивѣйшій государь, можетъ мнѣ быть непріятно принимать то, что мнѣ приличествуетъ? Кто пренебрегаетъ возмездіемъ за усердную дѣятельность, кто отвергаетъ неисправнаго должника, приходящаго наконецъ уплатить деньги, давно имъ занятыя? А вамъ, мои почтенные господа (такъ обратился Мартинъ къ сидѣвшимъ вокругъ комнаты мейстерамъ), вамъ угодно наконецъ видѣть во мнѣ—именно во мнѣ, Старшину нашего почтеннаго Общества. Чего-жь требуете вы отъ Старшины? — Долженъ-ли онъ быть искуснѣйшимъ въ ремеслѣ? — Подите и посмотрите мою двухфудерную бочку, сдѣланную безъ помощи огня, мою образцовую работу, и скажите, можетъ ли кто нибудь изъ васъ похвалиться, что онъ сдѣлалъ подобное, принимая въ соображеніе прочность и красоту работы. Угодно ли вамъ, чтобы Старшина былъ человѣкъ зажиточный?— Пожалуйте въ мой домъ; я открою вамъ свои ларцы и ящики, и вы порадуетесь блескомъ яркаго серебра и золота. Хо-

тите ли, чтобъ Старшина былъ уважаемъ и знатными? — Спросите у почтеннѣйшихъ Членовъ нашего Магистрата, спросите у Князей и господъ, спросите во всемъ нашемъ добромъ городѣ Нирнбергѣ, спросите у высокопочтеннаго Епископа Бамбергскаго, спросите, что́ всѣ они думаютъ о мейстерѣ Мартинѣ? — Да, я надѣюсь, что вы ничего дурнаго не услышите!« — Тутъ Г-нъ Мартинъ съ самодовольствіемъ ударилъ себя по толстому брюху, улыбнулся, прищуривъ глаза, и потомъ, такъ какъ всѣ молчали, и только тамъ и сямъ слышался значительный внутренній кашель, онъ продолжалъ: »Но я вижу, я знаю очень хорошо, что мнѣ еще болѣе надобно быть признательну за то, что наконецъ Господь просвѣтилъ ваши головы при выборѣ. И такъ, если я получаю возмездіе за работу, если должникъ платитъ мнѣ данныя ему въ заемъ деньги, то я охотно подписываю на счетѣ или на векселѣ: *сполна заплачено, Ѳома Мартинъ, мейстеръ бон-*

даръ.—Примите-же и вы отъ меня сердечную признательность за то, что вы, избирая меня своимъ Старшиною или Керценмейстеромъ, платите мнѣ старый долгъ. Впрочемъ, я обѣщаю вамъ со всемъ усердіемъ и правотою исполнять свою должность; какъ Обществу, такъ и каждому изъ васъ, по силамъ моимъ, буду я помогать словомъ и дѣломъ. Мнѣ слѣдуетъ вмѣнить себѣ въ главнѣйшую обязанность—поддерживать наше ремесло въ той полной славѣ, въ которой оно теперь находится. Приглашаю васъ, нашъ почтенный Предсѣдатель, и васъ всѣхъ, мои любезные друзья и мейстеры, на веселый обѣдъ въ слѣдующее Воскресенье. Тогда, въ радостномъ расположеніи духа, за добрымъ стаканомъ Гохгеймера, или Іоганнисбергера, или другихъ благородныхъ винъ изъ моего погреба, какія вамъ угодно будетъ кушать, мы станемъ разсуждать о томъ, какимъ образомъ поступать для нашего общаго блага! — Еще разъ отъ всего сердца приглашаю васъ.«

*

Лица почтенныхъ мейстеровъ, которыя примѣтно омрачались отъ гордой рѣчи Мартина, теперь снова просвѣтлѣли, и за глухимъ молчаніемъ послѣдовалъ радостный говоръ, гдѣ слышались многія похвалы великимъ заслугамъ Г-на Мартина и его отличному погребу. Всѣ обѣщали явиться въ воскресенье, и подавали руки новоизбранному Керценмейстеру, который равнодушно потрясалъ ихъ, и нѣкоторыхъ изъ мейстеровъ прижималъ немного къ своему брюху, какъ-бы желая обнять ихъ. Всѣ разошлись въ радости и добромъ согласіи.

ЧТО ПРОИСХОДИЛО ПОТОМЪ ВЪ ДОМѢ МЕЙСТЕРА МАРТИНА.

Случилось, что Ратсгеръ Яковъ Паумгартнеръ, возвращаясь въ свое жилище, долженъ былъ идти мимо дома мейстера Мартина. Когда и тотъ и другой, Паумгартнеръ и Мартинъ, поровнялись у воротъ этого дома, и Паумгартнеръ хотѣлъ идти далѣе, то мейстеръ Мартинъ, снявъ шапку съ голо-

вы и съ почтеніемъ кланяясь такъ низко, какъ только могъ, сказалъ Ратсгеру: »О еслибъ вамъ не противно было хоть на часочекъ зайдти въ скромный домъ мой, любезный, достойный господинъ!— Не откажите доставить мнѣ удовольствіе слышать мудрыя, назидательныя рѣчи ваши.« —»Помилуйте, любезный мейстеръ Мартинъ,« возразилъ Паумгартнеръ, улыбаясь, »я охотно побесѣдую съ вами, но зачѣмъ называете вы свой домъ скромнымъ? вѣдь я знаю, что въ убранствѣ и въ отличной утвари васъ не перещеголяетъ ни одинъ изъ богатѣйшихъ гражданъ; вы недавно еще окончили такое строеніе, которое дѣлаетъ домъ вашъ украшеніемъ нашего знаменитаго Имперскаго города; о внутреннемъ расположеніи нечего и говорить, потому что всякій патриційй могъ-бы имъ похвалиться.«

Старикъ Паумгартнеръ былъ правъ; потому что когда отворяли свѣтло налакированную, яркую, мѣдною насѣчкою украшенную дверь, то обширныя сѣни

съ чистымъ наборнымъ поломъ, съ прекрасными изображеніями на стѣнахъ, со шкапами и стульями отличной работы, бросались въ глаза, какъ великолѣпная зала. Тутъ каждый охотно слѣдовалъ совѣту, сообразно съ древнимъ обычаемъ, начертанному стихами на дощечкѣ, висѣвшей возлѣ самой двери:

» Wer tretten will die Stiegen hinein,
Dem sollen die Schue fein sauber seyn,
Oder vorhero streiffen ab,
Dass man nicht drüber zu klagen hab.
Ein verständiger weiss das vorhin,
Wie er sich halten soll darinn. «

» Кому угодно взойдти на лѣстницу, у того башмаки должны быть чисты и опрятны, т. е. ихъ надобно заранѣе обтереть, такъ, чтобы на то не льзя было пожаловаться. Человѣкъ умный знаетъ заблаговременно, какъ въ такомъ случаѣ поступать надлежитъ. «

День былъ жаркій, воздухъ въ комнатахъ, теперь, когда наступили сумерки, теплый и удушливый, и потому мейстеръ Мартинъ повелъ дорогаго гостя своего въ обширную, прохладную

гостиную кухню. Такъ называлось въ то время мѣсто въ домахъ богатыхъ гражданъ, хотя и устроенное на подобіе кухни, но не для употребленія, а только для вида, украшенное всякаго рода дорогою утварью для домашняго обиходу. Едва успѣли они войдти, какъ мейстеръ Мартинъ вскричалъ громкимъ голосомъ: »Роза, Роза!« Тотчасъ отворилась дверь, и Роза, единственная дочь мейстера Мартина, явилась въ комнатѣ.

Прошу тебя, любезный читатель, въ сію самую минуту живо привести себѣ на память отличныя произведенія нашего Альбрехта Дюрера. Пусть дивныя женскія изображенія, полныя высокой прелести, полныя сладостной скромности и благочестія, какими онѣ тамъ являются, со всею полнотою жизни воскреснутъ въ твоемъ воображеніи. Представь себѣ благородный, гибкій станъ, прекрасно округленное, лилейно-бѣлое чело, румянецъ, подобно душистымъ розамъ, играющій на щекахъ,

нѣжныя, вишневымъ цвѣтомъ пылающія уста, съ благочестиво-томнымъ желаніемъ взирающіе глаза, полузакрытые густыми ресницами, какъ лучи мѣсяца темною сѣнью листьевъ; представь себѣ шелковые волоса, заплетенные въ красивыя косы и искусно убранные на головѣ; представь себѣ всю небесную красоту тѣхъ женщинъ, и ты увидишь прелестную Розу. Да и могъ-ли бы иначе разсказчикъ сей повѣсти описать тебѣ того ангела? — Да позволено будетъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ отличномъ молодомъ художникѣ, въ грудь котораго проникнулъ свѣтлый лучь того прекраснаго стариннаго времени. Это Нѣмецкій живописецъ Корнеліусъ, котораго полагаютъ теперь въ Римѣ. — *„Я не барышня и не прекрасна!“* Какою въ Корнеліусовыхъ картинахъ къ Гёте-ву мощному Фаусту представлена Маргарита, когда говоритъ она эти слова, такою-же можно вообразить себѣ и Розу, когда она чувствовала себя принужденною, съ непритворною, милою

стыдливостью отказываться отъ руки надменныхъ молодыхъ людей.

Роза съ дѣтскою покорностью поклонилась Паумгартнеру, взяла у него руку и прижала ее къ устамъ своимъ. Блѣдныя щеки старика покрылись яркимъ румянцемъ, и подобно какъ вечерній свѣтъ, исчезая на западѣ, еще разъ вспыхнетъ и мгновенно озолотитъ темную сѣнь деревъ, въ глазахъ его снова блеснулъ огонь давно минувшей юности. »Да,« вскричалъ онъ звонкимъ голосомъ, »любезнѣйшій мейстеръ Мартинъ, вы зажиточный, богатый человѣкъ, но прекраснѣйшій небесный даръ, которымъ наградилъ васъ Господь, есть милая дочь ваша Роза. Если ужъ у насъ стариковъ, сколько ни есть насъ въ Магистратѣ, радуется сердце, и мы не можемъ отвести потухающихъ глазъ нашихъ, коль скоро видимъ эту прекрасную дѣвушку; то какъ взыскивать на молодыхъ людяхъ, что они недвижимо, какъ будто окаменѣлые, останавливаются, встрѣчаясь на улицѣ съ вашею до-

черью, что въ церкви смотрятъ они на дочь вашу, а не на священника, что они на гуляньѣ, или гдѣ нибудь на праздникѣ, къ досадѣ всѣхъ дѣвушекъ, со вздохами, влюбленными взорами и сладкими рѣчами окружаютъ дочь вашу. И такъ, мейстеръ Мартинъ! вы можете выбрать себѣ любаго зятя между нашими молодыми патриціями, или гдѣ вамъ только заблагоразсудится.«

Лице Мартина съёжилось крупными морщинами; онъ велѣлъ своей дочери принести благороднаго стараго вина, и когда она, болѣе и болѣе краснѣя въ лицѣ, съ потупленнымъ взоромъ вышла изъ комнаты, сказалъ старику Паумгартнеру: »Помилуйте, дорогой мой господинъ: хотя и правда, что дочь моя одарена необыкновенною красотою и что въ этомъ отношеніи небо щедро обогатило меня, да какъ-же можно говорить объ этомъ въ присутствіи самой дѣвушки, а объ зятѣ патриціѣ вовсе не нужно и словъ терять.«

»Полноте,« возразилъ Паумгартнеръ,

улыбаясь, » полноте, мейстеръ Мартинъ, не отъ избытка-ли сердца глаголютъ уста? Ужели вы думаете, что лѣнивая кровь не начинаетъ дурить въ старомъ сердцѣ моемъ, когда я вижу Розу? а если я попросту и выболтаю то, что̀ сама она очень хорошо знать должна, такъ изъ этого ничего дурнаго не выйдетъ. «

Роза принесла вино и двѣ большія рюмки. Мартинъ пододвинулъ тяжелый, чудесною рѣзьбою украшенный столъ. Лишь только старики успѣли расположиться, лишь только мейстеръ Мартинъ наполнилъ рюмки, какъ передъ домомъ послышался лошадиный топотъ. Казалось, что остановился всадникъ, котораго голосъ раздавался въ сѣняхъ. Роза поспѣшила внизъ, и возвратилась съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ старикъ помѣщикъ Гейнрихъ фонъ Шпангенбергъ, и желаетъ видѣться съ мейстеромъ Мартиномъ. » Хорошо, хорошо! « вскричалъ Мартинъ, » стало быть, нынче для меня пріятный, счастливый вечеръ,

потому что ко мнѣ заѣхалъ мой добрый старинный покупщикъ. Ужь вѣрно закажетъ что нибудь новое, ужь вѣрно зедастъ работку.« — Тутъ онъ отправился, какъ только могъ скорѣе, на встрѣчу дорогому гостю.

КАКЪ МЕЙСТЕРЪ МАРТИНЪ СТАВИТЪ РЕМЕСЛО СВОЕ ВЫШЕ ВСѢХЪ ПРОЧИХЪ.

Гохгеймеръ пѣнился въ красивыхъ шлифованныхъ рюмкахъ, развязалъ языкъ и раскрылъ сердце тремъ старикамъ нашимъ. Шпангенбергъ, при пожилыхъ лѣтахъ, проникнутый еще свѣжею бодростью жизни, мастерски умѣлъ разсказывать о разгульныхъ шалостяхъ беззаботной своей молодости, такъ что у мейстера Мартина порядкомъ трялось брюхо, и онъ отъ чрезмѣрнаго смѣху нѣсколько разъ долженъ былъ отирать съ глазъ слезы. Да и Г-нъ Паумгартнеръ болѣе обыкновеннаго забывалъ свою судейскую важность, наслаждаясь благороднымъ напиткомъ и

веселымъ разговоромъ. Но теперь, когда опять вошла Роза съ чистенькою корзинкою въ рукахъ, изъ которой вынула она ослѣпительной бѣлизны столовое бѣлье, подобное только-что напавшему снѣгу; когда она, съ хозяйскою суетливостью поспѣшно расхаживая туда и сюда, накрывала столъ и располагала на немъ всякими пряностями приправленныя блюда, когда она съ милою улыбкою пригласила господъ не взыскать и покушать того, что̀ въ скорости было приготовлено, тогда и разговоръ и смѣхъ умолкли. Оба, Паумгартнеръ и Шпангенбергъ, не сводили свѣтлыхъ взоровъ съ прелестной дѣвушки, да и самъ мейстеръ Мартинъ, прислонясь къ спинкѣ креселъ и сложивъ руки, съ самодовольною улыбкою посматривалъ на ея хозяйскую ловкость. Роза хотѣла удалиться, но старикъ Шпангенбергъ, какъ юноша, стремительно вскочилъ съ мѣста, схватилъ дѣвушку за плеча и вскричалъ нѣсколько разъ, между тѣмъ какъ свѣтлыя слезы брыз-

нули изъ глазъ его: »О ты, тихій, кроткій ангелъ — ты прелестная дѣвушка,« потомъ два-три раза поцѣловалъ ее въ лобъ, и какъ-бы въ глубокой задумчивости возвратился на свое мѣсто. Паумгартнеръ предложилъ выпить за здоровье Розы. »Да,« началъ Шпангенбергъ, когда Роза удалилась, »да, мейстеръ Мартинъ, небо наградило васъ сокровищемъ въ лицѣ вашей дочери, сокровищемъ, которому нѣтъ цѣны. Она прославитъ васъ, и всякій, всякій, изъ какого-бы состоянія онъ ни былъ, вмѣнитъ себѣ въ честь быть вашимъ зятемъ.« — »Вотъ видите-ли,« подхватилъ Паумгартнеръ, »видите-ли, мейстеръ Мартинъ, что благородный господинъ фонъ Шпангенбергъ думаетъ точно такъ-же, какъ и я? Я уже представляю себѣ мою милую Розу невѣстою патриція, въ богатомъ жемчужномъ уборѣ на прекрасныхъ, свѣтлыхъ волосахъ ея.« — »Любезнѣйшіе господа,« началъ мейстеръ Мартинъ съ примѣтною досадою, »вы все изволите го-

ворить объ одномъ и томъ-же дѣлѣ, о которомъ я теперь вовсе еще и не думаю. Моей Розѣ недавно исполнилось семнадцать лѣтъ, а такая молоденькая дѣвушка не должна еще заглядываться на жениховъ. Все, что будетъ впередъ, предоставляю я волѣ Божіей, но въ томъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что ни патрицій, ни другой кто не женится на моей дочери, кромѣ бондаря, который докажетъ собою отличнѣйшаго, искуснѣйшаго мейстера. Разумѣется, если онъ только понравится моей дочери, потому что ни къ чему на свѣтѣ не стану я принуждать милую мою Розу, а тѣмъ болѣе къ замужству, которое ей не по сердцу.« Шпангенбергъ и Паумгартнеръ посмотрѣли другъ на друга, чрезвычайно удивленные такимъ страннымъ отзывомъ мейстера. Наконецъ, послѣ нѣкотораго тихаго внутренняго кашля, началъ Шпангенбергъ: »И такъ, дочь ваша не должна выходить изъ своего состоянія?« — »Да сохранитъ ее Господь отъ этого!« возразилъ Мар-

шинъ. » Но, « продолжалъ Шпангенбергъ, » еслибы молодой, достойный мейстеръ какого нибудь благороднаго ремесла, на примѣръ, золотыхъ дѣлъ, или молодой, отличный художникъ присватался къ вашей дочери и нравился бы ей рѣшительно болѣе всѣхъ другихъ молодыхъ людей, что̀ тогда?« — »Покажите мнѣ,« возразилъ Мартинъ, забросивъ назадъ голову, » покажите мнѣ, дорогой мой пріятель, сказалъ бы я ему, прекрасную двухфудерную бочку, какъ отличнѣйшее свое произведеніе; а еслибъ онъ не могъ сдѣлать этого, то я привѣтливо отворилъ-бы дверь и вѣжливо попросилъ бы его поискать счастія гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.«—»Но если-бы,« снова началъ Шпангенбергъ, »этотъ дорогой пріятель сказалъ, что такой мѣлкой вещи показать не могу, но пожалуйте со мною на рынокъ, посмотрите на тотъ большой домъ, который отважно высится въ воздухѣ — вотъ мое отличное произведеніе.« — » Ахъ, милостивый государь, « нетерпѣливо прервалъ мей-

стеръ Мартинъ рѣчь Шпангенберга, »что вамъ за охота убѣждать меня совершенно въ противномъ? Зять мой непремѣнно долженъ принадлежать къ нашему Обществу, потому что ремесло свое почитаю я прекраснѣйшимъ, какое только есть на свѣтѣ. Ужели вы думаете, что довольно умѣть набивать обручи на доски, для того чтобы связать бочку? Не чудесно-ли уже и то, что наше ремесло предполагаетъ умѣнье ухаживать за прекраснымъ даромъ неба, за благороднымъ виномъ, для того чтобы оно улучшалось, и со всею силою и сладостью, подобно истинной, огненной жизненной эссенціи, проникало насъ? Теперь, дѣланіе самыхъ бочекъ. Не должны-ли мы, для удачной работы, предварительно все исчислить и размѣрить? Мы должны быть и счетчики и мѣрильщики; потому что какъ-же иначе могли-бы мы опредѣлить пропорцію и видъ сосудовъ? Эхъ, милостивый государь, сердце прыгаетъ отъ радости, когда я начинаю отдѣлывать какую ни-

будь стоящую бочку, тогда какъ доски исправно вытесаны и поставлены, когда потомъ товарищи взмахиваютъ молотами, и клиппъ-лаппъ, клиппъ-лаппъ, раздается отъ долотьевъ, эхъ! то-то веселая музыка! И вотъ исправный сосудъ совсѣмъ отдѣланъ; я, конечно, нѣсколько приосанившись, беру въ руки рѣзецъ, и на днѣ бочки надрѣзываю свой ремесленный крыжъ, извѣстный всѣмъ виноградарямъ и уважаемый ими. — Вы говорили объ архитекторахъ, милостивый государь; ну, конечно, такой видный домъ — славное дѣло; но еслибъ я былъ архитекторъ, еслибъ случилось мнѣ проходить мимо своего собственнаго произведенія, и сверху на меня взглянула-бы ничего незначущая, глупая рожа, какой нибудь оселъ, которому достался домъ, то мнѣ стыдно было-бы войдти во внутренность, съ тоски и досады мнѣ пришла-бы охота разрушить мое собственное произведеніе. Между тѣмъ ничего подобнаго не можетъ случиться съ моими сосудами. Въ нихъ единожды на всегда

наливается чистѣйшая эссенція на землѣ — благородное вино. Я благодарю Бога за ремесло свое.« — »Ваша похвала,« сказалъ Шпангенбергъ, »хорошо придумана и выражена. Вамъ приноситъ честь то, что такъ высоко цѣните ремесло свое, но не сѣтуйте на меня, если я повторю сказанное мною прежде. Что́, ежели-бы въ самомъ дѣлѣ какой нибудь патрицій явился къ вамъ и сталъ-бы неотступно просить руки вашей дочери?«

»Ахъ,« довольно вспыльчиво вскричалъ мейстеръ Мартинъ, »что-жь бы мнѣ оставалось еще дѣлать, какъ только вѣжливо поклониться и сказать: Милостивый государь! если-бъ вы были исправный бондарь; но такъ какъ —« »Слушайте далѣе,« прервалъ его Шпангенбергъ: »если бы въ прекрасный лѣтній день какой нибудь видный собою господинъ, на гордомъ конѣ, съ блестящею свитою, въ раскошной одеждѣ остановился у вашего дома и сталъ-бы свататься къ вашей Розѣ« — »Эге!«

вскричалъ Мартинъ еще вспыльчивѣе, нежели прежде, »со всѣхъ ногъ бросился-бы я къ дверямъ, накрѣпко заперъ бы ихъ и сталъ бы кричать: извольте ѣхать далѣе, извольте ѣхать далѣе, высокопочтенный господинъ! Такія Розы, какова моя, цвѣтутъ не для васъ; мой винный погребъ, мои деньги, если угодно, къ услугамъ вашимъ; а что касается до дѣвушки, прошу не взыскать; но извольте ѣхать далѣе!« — Старикъ Шпангенбергъ, багрово-красный во всемъ лицѣ, всталъ съ мѣста, оперся обѣими руками объ столъ и опустилъ глаза. »И такъ, « началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, »еще одинъ вопросъ, мейстеръ Мартинъ. Еслибы молодой господинъ у вашего дома былъ собственный сынъ мой, если-бы я самъ остановился съ нимъ у вашего дома, ужели-бы и тогда заперли вы двери, ужели-бы вы стали думать, что мы пріѣхали только для вашего погреба, для вашихъ денегъ?« — »Нимало, мой почтеннѣйшій господинъ, « возразилъ мейстеръ Мартинъ, »я бы съ радостью

отперъ вамъ двери, все, что ни есть въ домѣ моемъ, къ услугамъ вашимъ и любезнаго сына вашего, но что касается до моей Розы, я бы сказалъ: если-бы Небу угодно было, чтобъ этотъ любезный господинъ сдѣлался отличнымъ бондаремъ, то я не могъ бы желать инаго достойнѣйшаго зятя, но теперь! — Впрочемъ, милостивѣйшій государь, для чего угодно вамъ затрогивать и мучить меня такими странными вопросами? Вотъ видите-ли, какъ нашъ веселый разговоръ вовсе прекратился, и какъ рюмки остались наполненными. Оставьте-ка въ покоѣ и зятя моего и свадьбу Розы, а не угодно ли выкушать за здоровье вашего почтеннаго сына, который, какъ я слышу, прекрасный собою господинъ.« Мейстеръ Мартинъ взялъ свою рюмку, Паумгартнеръ послѣдовалъ его примѣру, и вскричалъ: »Да будетъ конецъ всякому неумѣстному разговору, и за здоровье вашего почтеннаго сына!« Шпангенбергъ чокнулся, и сказалъ съ принужденною улыбкою:

»Вѣдь вы можете себѣ представить, что я шутя говорилъ съ вами, потому что одна безумная любовь могла-бы побудить моего сына, который между благороднѣйшими фамиліями долженъ выбрать себѣ супругу — не обращая вниманія на чинъ и происхожденіе, свататься къ вашей дочери. Но вы нѣсколько поласковѣе могли-бы отвѣчать мнѣ.« — »Ахъ, милостивѣйшій государь!« возразилъ Мартинъ, »да и шутя-то не могъ я говорить иначе, нежели какъ-бы поступилъ я, еслибы такое дивное дѣло, какое вы выдумали, дѣйствительно приключилось. Впрочемъ, оставьте мнѣ мою гордость, потому что вы сами должны сознаться, что я во всѣхъ отношеніяхъ исправнѣйшій бондарь, что я знаю толкъ въ винахъ, что я крѣпко и вѣрно придерживаюсь мудраго Устава о винѣ, даннаго нашимъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Максимиліаномъ; что я, какъ богобоязливый человѣкъ, ненавижу всякую неправду, что я на свою двухфудерную бочку ни-

когда не сжигаю болѣе одного лота чистой сѣры, что́ необходимо для сохраненія крѣпости; во всемъ этомъ, мои почтеннѣйшіе господа, вы убѣдитесь по вкусу вина моего.« Шпангенбергъ, снова занявъ свое мѣсто, пытался принимать на себя веселый видъ, а Паумгартнеръ говорилъ о посторонних предметахъ. Но какъ иногда случается, что струны какого нибудь инструмента, разстроившись, безпрестанно ослабѣваютъ, и музыкантъ напрасно старается снова вызывать благозвучные аккорды, какіе звучали сначала, такъ и между тремя старикамп нашими не ладился уже никакой разговоръ; каждое слово казалось не впопадъ. Шпангенбергъ кликнулъ своего стременнаго, и въ совершенномъ нерасположеніи духа оставилъ домъ Мартина, куда вошелъ онъ такъ весело, такъ радушно.

ПРЕДСКАЗАНІЕ СТАРОЙ БАБУШКИ.

Мейстеръ Мартинъ нѣсколько смутился невеселымъ прощаньемъ старин-

наго, добраго покупщика своего, и сказалъ Паумгартнеру, который, выпивъ послѣднюю рюмку, также хотѣлъ съ нимъ проститься: »Я, право, не знаю, что намѣренъ былъ сказать своими рѣчами нашъ старый господинъ, и отъ чего напослѣдокъ онъ сдѣлался такъ невеселъ?.« — »Любезный мейстеръ Мартинъ,« началъ Паумгартнеръ, »вы хорошій, благочестивый человѣкъ, и, конечно, позволительно дорожить тѣмъ, что съ Божіею помощію идетъ добрымъ порядкомъ и приноситъ намъ честь и богатство; но только не надобно предаваться кичливой гордости, противной всякому христіанскому чувству. Во время нынѣшняго ремесленнаго собранія не хорошо уже было съ вашей стороны превозноситься передъ прочими мейстерами; положимъ, что вы дѣйствительно болѣе разумѣете въ своемъ ремеслѣ, нежели другіе, но прямо высказывать имъ это, значитъ возбуждать только неудовольствіе и досаду. И вотъ еще нынче вечеромъ! Вамъ

не слѣдовало бы ослѣпляться до того, чтобы не видѣть въ рѣчахъ Шпангенберга просто шутливой пытливости, какъ далеко будете вы простирать свою упорную гордость. Этотъ достойный господинъ тяжко долженъ былъ оскорбиться, когда вы въ сватаньи каждаго дворянина къ вашей дочери находили одно низкое корыстолюбіе. И все еще бы ничего, еслибъ вы посмягчились, когда Шпангенбергъ началъ говорить о своемъ сынѣ. Что̀, если-бъ вы сказали: О, милостивѣйшій государь, коль скоро вы сами сватомъ пожаловали бы съ вашимъ сыномъ; то я, право, никакъ не ожидалъ-бы такой чести и поколебался-бы въ своей твердой рѣшимости. Да, вотъ если-бы вы такимъ образомъ отвѣчали ему, такъ изъ этого не вышло бы ничего инаго, какъ только то, что старикъ Шпа̀нгенбергъ, забывъ прежнее неудовольствіе, сталъ бы улыбаться и развеселился бы по прежнему. « — » Браните, браните меня, « сказалъ мейстеръ Мартинъ, » я точно заслужилъ это, но

когда старикъ завелъ рѣчь о такихъ пустякахъ, такъ у меня сперлось дыханье, и я не могъ отвѣчать иначе.« — »И потомъ,« продолжалъ Паумгартнеръ, »къ чему это безумное предложеніе выдать дочь свою именно за бондаря. Отъ Неба, говорите вы, зависитъ судьба вашей дочери, а между тѣмъ земнымъ ограниченнымъ умомъ вы вмѣшиваетесь въ предопредѣленіе вѣчнаго Всемогущества, заранѣе упорно предполагая выбрать себѣ зятя изъ такого малаго круга. Это можетъ довести до несчастія и васъ и вашу Розу. Бросьте, мейстеръ Мартинъ, такую нехристіанскую, ребяческую глупость, предоставьте это дѣло волѣ Божіей, которая въ благочестивое сердце вашей дочери вложитъ на этотъ счетъ доброе желаніе въ свое время.« — »Ахъ, мой достойнѣйшій господинъ,« сказалъ мейстеръ Мартинъ съ примѣтнымъ уничиженіемъ, »теперь только вижу, какъ дурно поступилъ я, не высказавъ всего за одинъ разъ. Вы думаете, что одно только высокое ува-

женіе къ ремеслу моему довело меня до этого непремѣннаго предположенія выдашь Розу за бондаря; но нѣтъ, не въ томъ дѣло, для этого есть еще другая, дивная, таинственная причина. Я не могу разстаться съ вами, не высказавъ вамъ всего; не хочу, чтобы вы и одну эту ночь сѣтовали на меня. Присядьте, усерднѣйше прошу васъ о томъ; повремените еще нѣсколько минутъ. Вотъ видите ли, здѣсь есть еще бутылка стараго вина, которымъ пренебрегъ раздосадованный господинъ; не откажите распить ее вмѣстѣ со мною.« Паумгартнеръ удивился довѣрчивой просьбѣ мейстера Мартина, что̀ прежде не было ему свойственно; казалось, какое-то тяжкое бремя лежало на сердцѣ у этого человѣка, и онъ хотѣлъ освободиться отъ него. Теперь, когда Паумгартнеръ сѣлъ и выпилъ рюмку вина, мейстеръ Мартинъ началъ слѣдующимъ образомъ: Вы знаете, мой любезнѣйшій, достойнѣйшій господинъ, что добрая жена моя, вскорѣ по-

слѣ рожденія Розы, отъ слѣдствій тяжкаго разрѣшенія, скончалась. Въ то время жила еще моя престарѣлая бабушка, совсѣмъ глухая, слѣпая, едва владѣвшая языкомъ, онѣмѣвшая всѣми членами, лежавшая въ постели день и ночь, ну словомъ—полумертвая. Розу окрестили; кормилица сѣла съ ребенкомъ въ той комнатѣ, гдѣ лежала бубушка. Я былъ чрезвычайно печаленъ, а когда взглянулъ на прекраснаго ребенка, то мнѣ стало вдругъ необыкновенно радостно и вмѣстѣ грустно; я былъ такъ глубоко растроганъ, что вовсе не могъ работать, и погруженный въ самого себя, безмолвно стоялъ я у постели своей старой бабки, которую почиталъ я счастливою, потому что она здѣсь уже чужда была всякой земной горести. Лишь только я посмотрѣлъ ей въ блѣдное лице, какъ вдругъ начала она странымъ образомъ смѣяться; казалось, что морщинистыя черты ея разгладились, блѣдныя щеки покрылись румянцемъ. Она приподнимается, какъ будто вне-

запно одушевленная какою-то чудесною силою, простираетъ окостенѣлыя руки свои, чего прежде никакъ не могла сдѣлать, и тихимъ, пріятнымъ голосомъ явственно восклицаетъ: Роза, моя милая Роза! — Кормилица встаетъ и подноситъ ей ребенка, котораго беретъ она и качаетъ на рукахъ. Но теперь, мой почтеннѣйшій, теперь представьте себѣ мое изумленіе, даже испугъ мой, когда старуха яснымъ, твердымъ голосомъ начинаетъ пѣть пѣсню въ высокомъ, хвалебномъ тонѣ Г-на Ганса Берхлера, содержателя гостинницы Духа въ Стразбургѣ; вотъ стихи.

» Mägdlein zart mit rothen Wangen,
Rosa, hör das Gebot,
Magst dich wahren vor Noth und Bangen.
Halt im Herzen nur Gott,
Treib keinen Spott,
Heg'kein thöricht Verlangen.
Ein glänzend Häuslein wird er bringen,
Würzige Fluthen treiben drinn,
Blanke Englein gar lustig singen,
Mit frommen Sinn
Horch treuster Minn
Ha! lieblichem Liebesklingen.
Das Häuslein mit guldnem Prangen,

Der hat's ins Haus getrag'n,
Den wirst dy süss umfangen,
Darf'st nicht den Vater frag'n,
Ist dein Bräut'gam minniglich.
Ins Haus das Häuslein bringt allwegen
Reichthum, Glück, Heil und Hort,
Iungfräulein! — Augen klar!
Oehrlein auf vor treuem Wort,
Magst wohl hinfort,
Blühen in Gottes Segen! «

» Дѣвица нѣжная, съ румяными щеками, Роза, послушайся совѣта; остерегайся бѣды и напасти. Храни въ сердцѣ только Бога, не предавайся шуткамъ, не питай никакого безсмысленнаго желанія. Онъ принесетъ блестящій домикъ, душистые потоки тамъ льются, милые птенчики радостно поютъ: съ набожнымъ чувствомъ и съ твердою любовью внемли, ахъ! прекраснымъ звукамъ, полнымъ благочестивой любви. Кто принесетъ въ домъ этотъ домикъ съ золотымъ убранствомъ, того сладостно обнимешь ты; не должна спрашивать у отца: милъ ли тебѣ женихъ. Этотъ домикъ внесетъ въ домъ богатство, счастіе и благодать. Дѣвица! взгляни ясными очами, внемли искреннимъ рѣчамъ; живи счастливо отнынѣ и цвѣти съ благословеніемъ Божіимъ! «

Пропѣвъ эту пѣсню, тихо и бережно кладетъ она ребенка на одѣяло, и положивъ ему на лобъ свою изсохшую руку

шепчетъ невнятныя слова; но просвѣтленное лице старушки ясно показываетъ, что она читаетъ молитву. Тутъ падаетъ она головою на подушку, и въ ту минуту, когда кормилица уноситъ ребенка, глубоко вздыхаетъ. Она умерла! « — » Это, « сказалъ Паумгартнеръ, когда умолкъ мейстеръ Мартинъ, » это странное событіе! но я вовсе не вижу, какое отношеніе имѣетъ эта предвѣщательная пѣсня старой бабушки къ вашему упорному намѣренію—выдать Розу непремѣнно за бондаря. « — » Ахъ! « возразилъ мейстеръ Мартинъ, » да что-же можетъ еще быть яснѣе? старушка, въ послѣднюю минуту своей жизни, совершенно особеннымъ образомъ озаренная свѣтомъ небеснымъ, предвѣщательнымъ голосомъ объявила, какъ должна поступить Роза, если она хочетъ быть счастливою. Женихъ, который съ блестящимъ домикомъ внесетъ въ домъ богатство, счастіе и благодать, долженъ быть не иной кто, какъ искусный бондарь, который представитъ мнѣ свое

отличнѣйшее произведеніе, свой свѣтлый домикъ. Въ какомъ же иномъ домикѣ льются душистые потоки, если не въ бочкѣ съ виномъ? А когда вино разыграется, тогда оно шипитъ, шумитъ и плещетъ, вотъ милые пѣнчики, которые поднимаются и опускаются въ потокахъ и поютъ радостныя пѣсенки. Да, да! не инаго какого жениха разумѣла моя старая бабушка, какъ только бондаря; ужь такъ тому дѣлу и быть.« — » Вы, любезный мейстеръ Мартинъ, « сказалъ Паумгартнеръ, » вы совершенно по своему объясняете слова старой бабушки. А мнѣ ваше толкованье вовсе непонятно, и я остаюсь при томъ мнѣніи, что вы должны непремѣнно предоставить это дѣло волѣ Божіей и сердцу вашей дочери, въ которомъ, безъ сомнѣнія, заключается праведное рѣшенье. « — » А я, « нетерпѣливо подхватилъ Мартинъ, » остаюсь при томъ, что мой зять единожды на всегда долженъ быть не иной кто, какъ отличный бондарь. « Паумгартнеръ чуть бы-

ло не разсердился на упрямство Мартина, но удержался, и вставь съ мѣста, сказалъ: »Теперь уже поздно, мейстеръ Мартинъ, пора намъ перестать пить и бесѣдовать; и то и другое, кажется, для насъ не нужно болѣе.« — Когда они вошли въ сѣни, то тамъ стояла молодая женщина съ пятью мальчиками, изъ которыхъ старшему могло быть не болѣе осьми лѣтъ, а младшему полугода. Женщина была въ отчаяніи и рыдала. Роза поспѣшила навстрѣчу вошедшимъ и сказала; »Ахъ, Боже мой, вѣдь Валентинъ-то умеръ; вотъ и жена его съ дѣтьми.«— »Что такое?—Валентинъ умеръ?« съ изумленіемъ вскричалъ мейстеръ Мартинъ, — этакое несчастіе, этакое несчастіе— Представьте себѣ, мой почтеннѣйшій, Валентинъ былъ у меня отличнѣйшій работникъ, и при томъ весьма усерденъ и добръ. Недавно, отдѣлывая большую бочку, онъ опасно ранилъ себя долотомъ; рана становисась все хуже и хуже; онъ занемогъ сильною лихорадкою, и вотъ теперь умеръ въ лѣтахъ самыхъ цвѣту-

щихъ. « Потомъ мейстеръ Мартинъ подошелъ къ безутѣшной женщинѣ, которая заливалась слезами и жаловалась, что ей остается только погибнуть отъ нищеты и бѣдствія. » Помилуйте, « сказалъ Мартинъ, » да что-жь вы думаете обо мнѣ? Работая на меня, вашъ мужъ нанесъ себѣ опасную рану, а я покину васъ въ бѣдствіи? Нѣтъ, отнынѣ вы всѣ принадлежите къ моему дому. Завтра, или когда вамъ угодно, мы похоронимъ вашего бѣднаго мужа, а потомъ переѣзжайте съ дѣтьми своими на мой загородный дворъ близь Дѣвичьихъ воротъ, гдѣ у меня славная открытая мастерская и гдѣ я всякій день работаю съ своими товарищами. Тамъ вы можете присматривать за моимъ хозяйствомъ, а вашихъ добрыхъ мальчиковъ стану я воспитывать какъ собственныхъ сыновей своихъ. Скажу вамъ, что и престарѣлаго отца вашего возьму я къ себѣ въ домъ. Въ прежнее время онъ былъ также исправный бондарь, когда еще силы не оставляли его.

Чтожъ такое, если онъ не можетъ владѣть молотомъ, долотомъ или стругомъ, то все-таки онъ будетъ въ состояніи работать легкимъ топоромъ, или скобелемъ очищать обручи. Но только онъ долженъ вмѣстѣ съ вами жить въ моемъ домѣ.« Еслибъ мейстеръ Мартинъ не удержалъ этой женщины, то она отъ горести и глубокой признательности безъ души бросилась бы къ ногамъ его. Старшіе мальчики повисли у него на камзолѣ, а оба младшіе, которыхъ Роза взяла къ себѣ на руки, протянули къ нему рученки свои, какъ будто и они все поняли. Старикъ Паумгартнеръ, улыбаясь и съ полными слезъ глазами, сказалъ: » Мейстеръ Мартинъ, на васъ не льзя сердиться,« и потомъ отправился домой.

Какъ оба молодые товарища Фридрихъ и Рейнгольдъ познакомились другъ съ другомъ.

На прекрасномъ, покрытомъ зеленью и осѣненномъ большими деревьями воз-

вышеніи лежалъ молодой рабошникъ, сшашный мужчина, по имени Фридрихъ. Солнце уже сѣло, и розовые лучи его догорали на горизонтѣ. Вдалекѣ ясно можно было видѣть знаменитый Имперскій городъ Нирнбегъ, который разстилался въ долинѣ и отважно возвышалъ гордыя башни свои по зарѣ вечерней, обливавшей золотомъ верхи ихъ. Молодой рабошникъ облокотился на дорожную сумку, лежавшую возлѣ него, и полными томнаго желанія взорами смотрѣлъ на долину. Онъ сорвалъ нѣсколько цвѣтовъ, которые росли около него въ травѣ, и побросалъ ихъ въ воздухъ, въ ту сторону, гдѣ свѣтилась заря; потомъ онъ опять печально посмотрѣлъ впередъ, и горячія слезы заблистали въ глазахъ его. Наконецъ онъ поднялъ голову, простеръ обѣ руки, какъ бы желая обнять милый образъ, и яснымъ, пріятнымъ голосомъ запѣлъ слѣдующую пѣсню:

Schau ich dich wieder,
O Heimath süss,

Nicht von dir liess
Mein Herz getreu und bieder.
O rosiges Roth, geh'mir auf,
Mag nur schauen Rosen,
Blüh'nde Liebesblüth,
Neig'dem Gemüth
Dich zu mit wonnigem Kosen,
Willst du springen, o schwellende Brust?
Halt'dich fest in Schmerz und süsser Lust.
O goldnes Abendroth!
Schöner Strahl sey mein frommer Bot',
Seufzer — Thränen musst
Freulich zu ihr tragen.
Und stürb'ich nun,
Möchte Röslein dich fragen,
Sprich! — in Lieb'verging sein Herz.

» Снова вижу я тебя, отчизна дорогая; вѣрное, доброе сердце мое не разлучалось съ тобою. О розовая заря, взойди ты для меня; пусть вездѣ цвѣтутъ лишь розы; милый цвѣтъ любви, пролей въ душу сладкую отраду! Не разрывайся волнующаяся грудь, будь тверда въ печали и сладкой радости! О золотая заря вечера! Прекрасный лучь, будь моимъ вѣрнымъ вѣстникомъ и донеси къ ней мои вздохи, мои слезы. Если-жь я умру, и Роза спроситъ обо мнѣ, то скажи: любя, въ немъ перестало биться сердце. «

Пропѣвъ пѣсню, Фридрихъ вынулъ изъ дорожной сумки своей кусокъ воску,

разогрѣлъ его у груди своей, и началъ чисто и искусно вылѣпливать прекрасвую розу о ста тоненькихъ листьяхъ. Во время работы напѣвалъ нѣкоторыя строфы изъ пѣсни, которую пропѣлъ, и такимъ образомъ, совершенно углубленный въ самого себя, не замѣтилъ онъ прекраснаго юношу, который давно уже стоялъ позади него и внимательно смотрѣлъ на его работу. »Ну, любезный другъ,« началъ юноша, »признаюсь, вы дѣлаете прекраснѣйшую вещь.« Фридрихъ, испугавшись, оглянулся; но когда онъ посмотрѣлъ въ темные, привѣтливые глаза юноши, то ему показалось, что онъ уже давно знаетъ его; улыбаясь, возразилъ онъ: »Ахъ, милостивый государь, какъ можете вы разсматривать бездѣлку, которая служитъ мнѣ только времяпрепровожденіемъ на пути.« — »Хорошо,« продолжалъ незнакомый юноша, »если вы называете бездѣлкою такъ естественно и изящно сдѣланный цвѣтокъ, то вы должны быть отличный, искуснѣйшій ваятель. Вы доставляете

мнѣ двоякое удовольствіе. Сперва проникла мнѣ прямо въ сердце пѣсня, которую вы такъ прекрасно пѣли нѣжнымъ тономъ Мартина Гешера, а теперь я долженъ удивляться отличному таланту вашему въ образовательномъ искуствѣ. Куда намѣрены вы отправиться нынче?« — »Цѣль моего путешествія,« возразилъ Фридрихъ,« у насъ передъ глазами. Я иду на свою родину, въ знаменитый Имперскій городъ Нирнбергъ. Но солнце уже сѣло, и потому я хочу переночевать вотъ въ этой деревнѣ; на разсвѣтѣ отправлюсь въ путь, и къ обѣду поспѣю въ Нирнбергъ.« — »Прекрасно! какъ не льзя лучше!« радостно вскричалъ юноша, »намъ одна и та же дорога, вѣдь я также иду въ Нирнбергъ. Вмѣстѣ съ вами переночую я въ деревнѣ, и по утру пойдемъ далѣе. А теперь поговоримте-ка немного.« Юноша, по имени Рейнгольдъ, бросился на траву возлѣ Фридриха, и продолжалъ: »Не правда-ли, я не ошибаюсь, вы искусный литейщикъ, это вижу я

по способу вылепливанія, или вы работаете золотыя и серебряныя вещи?« — Фридрихъ печально опустилъ взоры, и началъ скромнымъ голосомъ: »Ахъ, милостивый государь, вы почитаете меня чѣмъ-то лучшимъ и возвышеннѣйшимъ, нежели каковъ я въ самомъ дѣлѣ. Но я скажу вамъ откровенно, что я учился бочарному ремеслу, и иду на работу въ Нирнбергъ къ одному извѣстному мастеру. Теперь вы вѣрно будете презирать меня, потому что я не вылепливаю и не выливаю прекрасныхъ изображеній, а дѣлаю только чаны, бочки и кадки.« — Рейнгольдъ громко засмѣялся и вскричалъ: »Вотъ, что въ самомъ дѣлѣ презабавно. Мнѣ презирать васъ, потому что вы бондарь, а я—я и самъ не иное что, какъ то-же самое.« Фридрихъ пристально взглянулъ на него; онъ не зналъ, что́ и подумать, потому что Рейнгольдовъ нарядъ вовсе не соотвѣтствовалъ путешествующему бондарю. Камзолъ тонкаго чернаго сукна, обшитый бархатомъ, нарядный воротникъ,

корошкій широкій мечь, барешъ съ длиннымъ, внизъ спускающимся перомъ, скорѣе обнаруживали въ немъ зажиточнаго купца, нежели ремесленника; между шѣмъ въ лицѣ и во всей осанкѣ юноши заключалось нѣчшо сшранное, несоошвѣшсшвующее поняшію о купцѣ. Рейнгольдъ замѣшилъ Фридрихово недоумѣнье; онъ сбросилъ съ себя дорожную сумку, вынулъ кожаный фаршукъ, инсшруменшный приборъ, и вскричалъ: »Вошъ, видишь ли, любезный другъ, видишь ли? еще-ли сшанешь шы сомнѣвашься въ шомъ, чшо я швой шоварищъ? Я знаю, шебѣ удивишеленъ мой нарядъ; но я иду изъ Сшразбурга, а шамъ бондари одѣваюшся шочно шакъ, какъ дворяне. Прежде и я, подобно шебѣ, имѣлъ охошу къ другимъ заняшіямъ, но шеперь бочарное ремесло для меня выше всего, и я основываю на немъ многія надежды въ жизни. Не шо-ли же и съ шобою, шоварищъ? Но мнѣ сдаешся, будшо мрачная шѣнь шучи невзначай облегла ясную юношескую жизнь швою, и пошому шы не радосш-

но смотришь на окружающіе тебя предметы. Пѣсня, недавно тобою пѣтая, была полна томнаго желанія, любви и печали; но тамъ встрѣчались звуки, какъ бы вылетавшіе изъ собственной груди моей, и мнѣ кажется, что я уже знаю все заключающееся въ тебѣ. Тѣмъ болѣе долженъ ты открыться мнѣ во всемъ; вѣдь и безъ того развѣ мы не будемъ и не останемся добрыми пріятелями въ Нирнбергѣ?« Рейнгольдъ обнялъ рукою Фридриха и привѣтливо посмотрѣлъ ему въ глаза. Потомъ Фридрихъ сказалъ: »Чѣмъ болѣе смотрю я на тебя, тѣмъ болѣе влечетъ меня къ тебѣ, явственно слышу я чудесный голосъ въ душѣ своей, который, какъ вѣрное эхо, отвѣчаетъ на призывъ дружественнаго духа. Я долженъ все разсказать тебѣ! Не такъ, какъ бѣдный человѣкъ, который намѣренъ повѣрить свои важныя тайны, буду я говорить съ тобою, нѣтъ, но потому только, что грудь вѣрнаго друга живымъ участіемъ облегчаетъ печаль нашу; а я съ первой минуты на-

шего недавняго знакомства почитаю тебя своимъ вѣрнѣйшимъ другомъ. — Теперь я сдѣлался бондаремъ, и могу сказать, что разумѣю ремесло свое, но къ иному, прекраснѣйшему искуству стремился я съ самаго дѣтства. Я хотѣлъ сдѣлаться великимъ художникомъ въ литейномъ искуствѣ и въ дѣланіи серебряныхъ вещей, такъ какъ Петръ Фишеръ, или Бенвенуто Челлини. Съ пламенною ревностью работалъ я у Г-на Ивана Гольцшуера, знаменитаго серебряника въ моей отчизнѣ, который, не будучи собственно литейщикомъ, могъ руководствовать меня въ этомъ дѣлѣ. Въ домъ Г-на Гольцшуера приходилъ не рѣдко Г-нъ Ѳома Мартинъ, бондарь, съ своею дочерью, прилестною Розою. Я полюбилъ ее, вовсе не думая о томъ. Я оставилъ родину и отправился въ Аугсбургъ для усовершенствованія себя въ отливаніи изображеній; но тогда только вспыхнулъ во мнѣ весь пламень любви. Я видѣлъ и слышалъ одну Розу; всякое стремленіе, всякое

стараніе, которое не вело меня къ обладанію ею, становилось мнѣ противнымъ. Я проложилъ себя единственную къ тому дорогу. Мейстеръ Мартинъ намѣренъ выдать дочь свою ни за кого инаго, какъ за бондаря, который въ домѣ его сдѣлаетъ отличнѣйшую бочку, и притомъ будетъ нравиться его дочери. Я бросилъ свое искуство и выучился бочарному ремеслу. Хочу остаться въ Нирнбергѣ и приняться въ работники къ мейстеру Мартину. Но вотъ родина передо мною, образъ Розы въ полномъ свѣтѣ представляется взорамъ моимъ, и я гибну отъ тоски и отчаянія. Теперь ясно вижу я безуміе моего предпріятія. Да знаю ли я, что Роза любитъ меня, что она когда нибудь полюбитъ меня? « — Рейнгольдъ съ возрастающимъ вниманіемъ слушалъ разсказъ Фридриха. Теперь онъ подгорюнился одною рукою, и закрывъ глаза ладонью, спросилъ глухимъ, мрачнымъ голосомъ: »Развѣ Роза никогда не подавала вамъ знаковъ любви? «

— »Ахъ,« возразилъ Фридрихъ, »Роза была болѣе ребенкомъ, нежели дѣвушкою, когда я оставилъ Нирнбергъ. Правда, она охотно оставалась со мною, прелестно улыбалась мнѣ, когда я вмѣстѣ съ нею неутомимо рвалъ цвѣты и плелъ вѣнки, но« — »Такъ вамъ не для чего терять и надежду,« вдругъ вскричалъ Рейнгольдъ такъ сильно и такимъ непріятно визгучимъ голосомъ, что Фридрихъ почти ужаснулся. Тутъ онъ вскочилъ, мечь зазвенѣлъ у него на боку, и когда онъ, вытянувшись, остановился, то густая ночная тѣнь упала ему на блѣдное лице и такъ обезобразила пріятныя черты юноши, что Фридрихъ съ изумленіемъ вскричалъ: »Что сдѣлалось съ тобою?« Тутъ онъ отступилъ шага на два назадъ и задѣлъ ногою дорожную сумку Рейнгольда. Вдругъ раздался звукъ струнъ, и Рейнгольдъ вскричалъ гнѣвно: »Смотри, недобрый товарищъ, не раздави моей лютни!« Инструментъ былъ привязанъ къ дорожной сумкѣ, Рейнгольдъ отвязалъ его, и пре-

громко заигралъ, какъ-бы желая перервать всѣ струны. Но игра скоро сдѣлалась тихою и мелодическою. »Пойдемъ,« сказалъ онъ ласковымъ голосомъ, какъ и прежде, » пойдемъ же, любезный товарищъ, въ эту деревню. Вотъ видишь ли, у меня въ рукахъ славное средство для прогнанія недобрыхъ духовъ, если они встрѣтятся намъ на дорогѣ, и особливо если нападутъ на меня.« — » И, полно, любезный другъ, « возразилъ Фридрихъ, » какое до насъ дѣло недобрымъ духамъ? Но игра твоя прекрасна, продолжай, сдѣлай милость.« Золотыя звѣзды взошли на темной лазури неба. Ночной вѣтеръ съ глухимъ шепотомъ пролеталъ по душистымъ лугамъ. Громко журчали ручьи, вокругъ шумѣли мрачныя деревья далекаго лѣса. Фридрихъ и Рейнгольдъ, съ игрою и пѣніемъ, спускались съ возвышенія, и сладкіе звуки томныхъ пѣсенъ ихъ ясно и свободно, какъ-бы на свѣтлыхъ крыльяхъ, волновались въ воздухѣ. Достигнувъ до ночлега, Рейнгольдъ поспѣшно сбросилъ съ себя лютню и

дорожную сумку, и съ сильнымъ движеніемъ прижалъ къ груди своей Фридриха, который чувствовалъ на щекахъ своихъ горячія слезы, проливаемыя Рейнгольдомъ.

Оба молодые товарища, Рейнгольдъ и Фридрихъ, приходятъ въ домъ мейстера Мартина.

Фридрихъ, проснувшись по-утру, не нашелъ болѣе новоизбраннаго друга своего, который спалъ возлѣ него на соломенной подстилкѣ; а такъ какъ онъ не видалъ ни дорожной сумки, ни лютни, то и подумалъ, что по неизвѣстной причинѣ Рейнгольдъ оставилъ его и отправился по другой дорогѣ. Едва только вышелъ онъ за ворота, какъ Рейнгольдъ, съ дорожною сумкою за спиною и съ лютнею подъ мышкою, одѣтый совершенно иначе, нежели вчера, явился къ нему навстрѣчу. Онъ вынулъ перо изъ барета, скинулъ съ себя мечь, и вмѣсто наряднаго камзола съ бархат-

ною общивкою, надѣлъ простой, полинялый камзолъ. »Ну вотъ,« вскричалъ онъ, весело улыбаясь и подходя къ удивленному Фридриху, »ну вотъ, любезный другъ, теперь ты вѣрно почитаешь меня своимъ настоящимъ собратомъ и добрымъ товарищемъ. Но послушай, ты, какъ влюбленный, поспалъ таки довольно долго. Видишь-ли, какъ высоко поднялось солнце? Пойдемъ же, не мѣшкая.« Фридрихъ былъ тихъ и погруженъ въ самого себя; онъ едва отвѣчалъ на вопросъ Рейнгольда, едва внималъ его шуткѣ. Рейнгольдъ рѣзво бѣгалъ туда и сюда, восклицалъ и махалъ баретомъ въ воздухѣ. Но и онъ становился все тише и тише, чѣмъ ближе подходили они къ городу. »Нѣтъ болѣе силъ отъ тоски, отчаянія и сладостной грусти; отдохнемъ немного вотъ здѣсь, подъ этимъ деревомъ.« Такъ говорилъ Фридрихъ, когда они достигли почти до воротъ Нирнберга, и совершенно истощенный бросился на траву. Рейнгольдъ сѣлъ возлѣ него, и началъ послѣ нѣкотораго

молчанія: »Вчера вечеромъ, любезный другъ мой, я, вѣрно, показался тебѣ необыкновенно страннымъ. Но когда ты разсказывалъ о любви своей, когда ты былъ такъ безутѣшенъ, то мнѣ пришла всякая дурь въ голову, смутила меня, и могла бы довести до безумія, если-бы твое прекрасное пѣніе и моя лютня не прогнали злыхъ духовъ. Ныньче, когда первый лучь утренняго солнца пробудилъ меня, вся радость жизни вполнѣ возвратилась въ мою душу, тѣмъ болѣе, что еще вечеромъ духъ возмутитель оставилъ меня. Я вышелъ подъ открытое небо, и между тѣмъ какъ бродилъ по кустарнику, мнѣ приходили на умъ всякаго рода чудесныя вещи. Я думалъ о томъ, какъ встрѣтился съ тобою, какъ предался тебѣ всѣмъ сердцемъ! — Прекраснѣйшее событіе, случившееся нѣсколько времени тому назадъ въ Италіи, именно тогда, какъ я тамъ былъ, пришло мнѣ на мысль; я разскажу тебѣ о немъ, потому что оно весьма живо доказываетъ, до чего мо-

жетъ простираться истинная дружба. Случилось, что одинъ извѣстный Князь, ревностный любитель и покровитель Изящныхъ Искусствъ, предложилъ значительную награду за картину, которой чудесный, но трудный для исполненія предметъ, былъ обстоятельно опредѣленъ. Два молодые живописца, которые, будучи соединены тѣснѣйшими узами дружбы, работали обыкновенно вмѣстѣ, рѣшились состязаться для полученія этой награды. Они сообщили другъ другу свои планы, и много говорили о томъ, какимъ образомъ преодолѣть трудность предмета. Старшій, болѣе опытный въ рисовкѣ, въ расположеніи группъ, скоро постигнулъ картину, сдѣлалъ рисунокъ, и началъ разсуждать объ этомъ съ младшимъ, который, потерявъ уже бодрость при составленіи плана, совсѣмъ-бы отказался отъ картины, если-бы старшій не ободрилъ его неотступнымъ убѣжденіемъ и не далъ ему добрыхъ совѣтовъ. Когда принялись они за работу, то младшій, обладавшій

отличнымъ искусствомъ наводить краски, умѣлъ съ своей стороны сдѣлать многія замѣчанія старшему, который съ успѣхомъ воспользовался ими, такъ что оба превзошли самихъ себя: младшій въ рисовкѣ, а старшій въ раскрашиваніи изображеній. Когда картины были окончены, то художники бросились обнимать другъ друга; каждый искренно радовался, восхищался работою другаго, одинъ другому обѣщая отлично заслуженную награду. Но случилось, что младшій получилъ награду; тогда вскричалъ онъ со стыдомъ: » О, да какъ-же могъ я получить эту награду; что значитъ заслуга моя въ сравненіи съ заслугою моего друга; могъ-ли бы я произвести что нибудь хорошее безъ его совѣтовъ, безъ его отличныхъ замѣчаній? « — Старшій отвѣчалъ на это: » Да развѣ ты не содѣйствовалъ мнѣ также добрыми совѣтами. « Правда, моя картина не дурна, но ты по заслугамъ получилъ награду. Отважно и чистосердечно стремиться къ одной цѣли,

вотъ истинное дѣло друзей; лавръ, получаемый побѣдителемъ, приноситъ честь и побѣжденному; я люблю тебя еще болѣе, потому что ты храбро состязался, и своею побѣдою мнѣ также доставилъ честь и славу. « — » Какъ ты думаешь, Фридрихъ, вѣдь живописецъ-то правъ? — Отважное, чуждое всякой коварной хитрости состязаніе для полученія одной и той-же награды, не должно-ли, вмѣсто того, чтобы ссорить друзей, еще болѣе соединять ихъ? Ужели малодушная зависть, или адская ненависть можетъ гнѣздиться въ душахъ благородныхъ? « — » Никогда, « возразилъ Фридрихъ, » разумѣется, никогда. Теперь мы сдѣлались искренними друзьями, въ короткое время мы оба сдѣлаемъ въ Нирнбергѣ по чудеснѣйшей вещи, по славной двухфудерной бочкѣ, безъ помощи огня. Но сохрани меня Богъ, чтобы я сталъ хоть сколько нибудь завидовать, если твоя работа, любезный братъ, будетъ удачнѣе моей. « — » Ха, ха, ха! « громко засмѣялся Рейнгольдъ, » поди ты съ сво-

ею мастерскою бочкою, ужь эта работа пусть остается за тобою, и ты, вѣрно, приведешь ею въ восторгъ всѣхъ отличныхъ бондарей. Я долженъ предупредить тебя, что вразсужденіи надлежащей величины, пропорціи и прекрасной округлости, ты найдешь во мнѣ дѣльнаго помощника. Да и насчетъ дерева ты можешь положиться на меня. Мы сыщемъ доски изъ рубленнаго зимою каменнаго дуба, безъ червоточинъ, безъ бѣлыхъ и красныхъ полосъ, безъ разводовъ; ужь все это предоставь ты мнѣ. Я буду помогать тебѣ словомъ и дѣломъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ и моя бочка должна быть не менѣе удачна« — » Ахъ, Боже мой! « прервалъ Фридрихъ друга! » да чтожь тутъ еще долго говорить, кому удастся сдѣлать лучшую бочку? Развѣ мы споримъ объ этомъ? — Лучшую бочку — чтобы быть достойнымъ Розы! Да какъ попали мы на это! У меня, право кружится голова.» — »Эхъ! любезный другъ,« вскричалъ Рейнгольдъ, продолжая смѣяться,

» объ Розѣ я вовсе и не думалъ. Ты мечтаешь. Пойдемъ-ка поскорѣе въ городъ. « Фридрихъ вскочилъ съ мѣста, и въ совершенномъ смущеніи пошелъ далѣе. Когда они умывались и чистились въ гостинницѣ, Рейнгольдъ сказалъ Фридриху: » Я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать, къ какому мастеру приняться въ работники? У меня здѣсь вовсе нѣтъ знакомыхъ; что́, если-бы ты взялъ меня съ собою къ мейстеру Мартину, любезный братъ! Можетъ быть, мнѣ удалось-бы наняться у него. « — » Ты, « возразилъ Фридрихъ, » избавилъ мое сердце отъ тяжкаго бремени, потому что, если ты останешься со мною, мнѣ будетъ легче преодолѣть свою тоску, свое отчаяніе. « И такъ оба молодые товарища поспѣшно отправились въ домъ знаменитаго бондаря мейстера Мартина. Въ тотъ день было Воскресенье, въ которое мейстеръ Мартинъ давалъ свой Керценмейстерскій обѣдъ, и наступилъ самый полдень. И потому, когда Рейнгольдъ и Фридрихъ

вошли въ домъ Маршина, що они услышали звонъ стакановъ и смѣшанный говоръ пирующаго за столомъ общества. »Ахъ,« сказалъ смущенный Фридрихъ, »мы пришли не вовремя.« — »А я такъ думаю,« возразилъ Рейнгольдъ, »что именно во время, потому что за веселымъ обѣдомъ мейстеръ Маршинъ, вѣрно, въ добромъ расположеніи, и готовъ исполнить наши желанія.« Скоро и мейстеръ Маршинъ, которому они велѣли сказать о себѣ, одѣтый въ праздничное платье, съ яркимъ румянцемъ на носу и щекахъ, вышелъ въ сѣни. Лишь только увидѣлъ онъ Фридриха, какъ и вскричалъ громкимъ голосомъ: »Ну вотъ, Фридрихъ! добрый малый, ты опять пришелъ на родину? Хорошо, хорошо! Ты также посвятилъ себя бочарному достохвальному ремеслу! Хотя Г-нъ Гольцшуэръ, когда рѣчь заходитъ о тебѣ, и строитъ разныя недовольныя лица, полагая, что въ тебѣ погубили великаго художника, и что ты могъ-бы отливать такія-же прекрасныя изобра-

женьеца и перила, какія находятся въ церкви Св. Себальда и въ Фуггеровомъ домѣ въ Аугсбургѣ, но все это только болтовня; ты хорошо сдѣлалъ, что обратился на истинный путь. Добро пожаловать, добро пожаловать! « Тутъ Г-нъ Мартинъ взялъ его за плеча и прижалъ къ себѣ, что̀ обыкновенно дѣлывалъ онъ, когда былъ сердечно веселъ. Фридрихъ совершенно ожилъ отъ ласковаго пріема мейстера Мартина; вся тоска оставила его, и онъ свободно и рѣшительно не только-что предложилъ себя мейстеру въ работники, но рекомендовалъ и Рейнгольда. — » Въ самомъ дѣлѣ, « сказалъ мейстеръ Мартинъ: » вы не могли выбрать времени удобнѣе теперешняго, когда у меня накопилась работа и не достаетъ работниковъ. Сердечно радъ вамъ обоимъ. Скиньте свои дорожныя сумки и войдите; хотя обѣдъ почти и кончился, но вы можете еще сѣсть за столъ, а Роза должна объ васъ позаботиться. « Тутъ мейстеръ Мартинъ съ обоими работниками вошелъ въ

комнашу. Тамъ сидѣли почшенные мейсшеры, и въ первомъ мѣсшѣ Предсѣдашель Общесшва—Яковъ Паумгаршнеръ, всѣ съ пылающими лицами. Только-чшо подали дессершъ, и благородное вино перлами играло въ большихъ бокалахъ. Каждый мейсшеръ громкимъ голосомъ говорилъ Богъ знаешъ чшò, а между шѣмъ всѣ думали, чшо понимаюшъ другъ друга, и по временамъ шо шошъ, шо другой начиналъ громко хохошашь, самъ не зная чему. Но когда мейсшеръ Маршинъ, войдя рука въ руку съ обоими юношами, громко возвѣсшилъ, чшо оба шоварища, снабженные хорошими свидѣшельсшвами о ремеслѣ своемъ, весьма ксшаши явились къ нему для рабошы, шогда все умолкло, и каждый съ удовольсшвіемъ смошрѣлъ на видныхъ собою молодыхъ людей. Рейнгольдъ ясными взорами съ нѣкошорою гордосшью обозрѣвалъ общесшво, но Фридрихъ пошупилъ глаза и вершѣлъ барешъ въ рукахъ своихъ. Мейсшеръ Маршинъ показалъ мѣсша юношамъ на заднемъ концѣ сшола, но за шо самыя лучшія, пошому

что тотчасъ явилась Роза, сѣла между ними и усердно угощала ихъ вкусными блюдами и благороднымъ напиткомъ. Милая Роза, блистающая высокою красотою и прелестью, посреди двухъ прекрасныхъ собою юношей, окруженная брадатыми старцами-мейстерами — все это представляло восхитительное зрѣлище; можно было подумать, что свѣтлое утреннее облачко одинокое появилось на мрачномъ небѣ, или что прекрасные весенніе цвѣты возвышаютъ блестящія головки свои изъ темной безцвѣтной травы. Фридрихъ едва переводилъ духъ отъ неизъяснимаго наслажденія и блаженства, только изрѣдко бросалъ онъ украдкою взоры на ту, которая наполняла его душу; онъ пристально смотрѣлъ на свою тарелку, ничего не ѣлъ, да и могъ-ли онъ думать о пищѣ? Напротивъ, Рейнгольдъ не сводилъ полныхъ искрящагося огня взоровъ съ прекрасной дѣвушки. Онъ началъ столь чудеснымъ образомъ разсказывать о своемъ далекомъ странствованіи, что

Роза никогда еще не слыхала подобнаго. Ей казалось, будто все, о чемъ только говорилъ Рейнгольдъ, со всею полнотою жизни являлось ей въ тысячѣ безпрестанно смѣняющихся образовъ. Она вся превратилась въ слухъ и зрѣніе; не знала, что дѣлалось съ нею, когда Рейнгольдъ, воспламеняясь во время разсказа, бралъ ея руку и прижималъ къ груди своей. »Но, Фридрихъ,« мгновенно прервалъ Рейнгольдъ рѣчь свою, »что ты сидишь тутъ какъ нѣмой и вкопанный? — Ужь не отнялся-ли у тебя языкъ? Давай-ка, чокнемся за здоровье милой, прекрасной дѣвицы, которая такъ радушно угощаетъ насъ.« Фридрихъ дрожащею рукою взялъ большой бокалъ, который до самыхъ краевъ налилъ ему Рейнгольдъ, и который, по неотступной просьбѣ друга, онъ долженъ былъ выпить до послѣдней капли. »Теперь за здоровье нашего почтеннаго мейстера,« вскричалъ Рейнгольдъ, налилъ снова, и Фридрихъ опять долженъ былъ опростать бакалъ. Тутъ огненные духи ви-

на проникли его внутренность и возбудили застоявшуюся кровь его, такъ что она взволновалась и быстро потекла во всѣхъ пульсахъ и жилахъ. » Ахъ, мнѣ такъ невыразимо хорошо, « говорилъ онъ шепотомъ, и яркій румянецъ заигралъ на лицѣ его, » ахъ, такъ хорошо мнѣ никогда еще не было. « Роза, которая, вѣроятно, по-своему толковала слова его, смотря на него, улыбалась съ невыразимою прелестью. Тутъ Фридрихъ, освободясь отъ всякой застѣнчивости, сказалъ: « Милая Роза, вы, думаю, вовсе не помните меня? « — » Помилуйте, любезный Фридрихъ, « возразила Роза, потупивъ глаза, » возможно-ли, чтобъ я позабыла васъ въ столь короткое время. У стараго Г-на Гольцтуэра (правда, я была тогда ребенкомъ) вы не отказывались играть со мною, и всегда умѣли затѣвать что нибудь пріятное, забавное. Да и маленькая, премиленькая коробочка изъ тонкой серебряной проволки, которую вы подарили мнѣ тогда на Рождество, у меня

еще цѣла, и я усердно храню ее, какъ драгоцѣнный памятникъ.« Слезы заблистали въ глазахъ упоеннаго блаженствомъ юноши; онъ хотѣлъ говорить, но, подобно глубокому вздоху, изъ груди его вылились слова: »О Роза — милая, милая Роза!«—» Всегда,« продолжала Роза, »всегда отъ души желала я увидѣться съ вами; но чтобъ вы посвятили себя бочарному ремеслу, этого я никакъ не ожидала. Ахъ, если вспомнишь прекрасныя вещи, какія дѣлали вы тогда у мейстера Гольцшуэра, то, право, пожалѣешь, что вы не остались при своемъ искуствѣ.« — »Ахъ, Роза!« сказалъ Фридрихъ, »вѣдь для васъ только измѣнилъ я своему любимому искуству.« Едва произнесены были эти слова, какъ Фридрихъ хотѣлъ-бы провалиться сквозь землю отъ тоски и стыда! Необдуманное признаніе невольно сорвалось у него съ языка. Роза, какъ-бы чувствуя все это, отворотилась отъ него; напрасно искалъ онъ словъ. Тутъ Г.-нъ Паумгартнеръ сильно ударилъ ножемъ по

столу и объявилъ обществу, что Г-нъ Фольрадъ, достойный пѣвецъ, будетъ пѣть пѣсню. Г-нъ Фольрадъ тотчасъ всталъ съ мѣста, кашлянулъ, и запѣлъ столь прекрасную пѣсню въ златозвучномъ тонѣ Ганса Фогельгезанга, что у всѣхъ забились сердца отъ радости, и даже Фридрихъ освободился отъ своего несноснаго стѣсненія. Пропѣвъ еще нѣсколько прекрасныхъ пѣсенъ другими изящными напѣвами, каковы: Кудрявоцинковый, цвѣтущій Райскій, свѣжій померанцовый и проч., Фольрадъ сказалъ, что если кто нибудь изъ присутствующихъ владѣетъ дивнымъ искуствомъ мейстерзингеровъ, то пусть также споетъ пѣсню. Тутъ Рейнгольдъ всталъ съ мѣста и сказалъ, что если позволятъ ему, по обычаю Итальянцевъ, сопровождать пѣніе игрою на лютнѣ, то и онъ споетъ пѣсню, и при томъ вполнѣ сохранитъ Нѣмецкій тонъ. Такъ какъ никто ничего не возразилъ ему, то онъ принесъ свой инструментъ, и послѣ чудесныхъ прелюдій запѣлъ слѣдующую пѣсню:

» Wo steht das Brünnelein,
Was sprudelt würzigen Wein?
Im tiefen Grund.
Das kunt
Ihr fröhlich schau'n
Sein lieblich goldnen Rinnen,
Das schöne Brünnelein,
Drinn sprudelt goldner Wein,
Wer hat's gemacht,
Bedacht
Mit hoher Kunst,
Und wackrem fleiss daneben?
Das lust'ge Brünnelein
Mit hoher Kunst gar fein
Allein
Thät es der Küper machen.
Erglüht von edlem Wein,
Im Herzen Liebe rein,
Iung Küpers Art,
Gar zart
Ist das in allen Sachen. «

» Гдѣ тотъ маленькій колодезь, откуда бьетъ душистое вино? Въ глубокомъ основаньи. Тамъ весело вы можете взглянуть на прекрасные, душистые потоки. Дивный маленькій колодезь, откуда бьетъ онъ золотое вино! Кто-же такъ разумно сдѣлалъ его съ помощію высокаго искуства и при томъ съ отличнымъ прилежаньемъ? Этотъ радостный колодезь, при помощи высокаго искуства, съ чудеснымъ изяществомъ — его

сдѣлалъ бондарь. Воспламеняться благороднымъ виномъ, хранить чистую любовь въ сердцѣ — вотъ свойство молодаго бондаря, прекрасное во всякомъ дѣлѣ!«

Эта пѣсня всѣмъ чрезвычайно понравилась, но еще болѣе мейстеру Мартину, у котораго отъ радости и восторга заблистали глаза. Не обращая вниманія на Фольрада, который много говорилъ о глухомъ, отрывистомъ напѣвѣ Ганса Миллера, на который довольно удачно попалъ молодой бондарь — не обращая на него вниманія, мейстеръ Мартинъ всталъ съ мѣста и закричалъ, поднявъ вверхъ свой бокалъ: »Сюда ко мнѣ, мой достойный бондарь и мейстерзингеръ, сюда ко мнѣ, вмѣстѣ со мною, съ своимъ мейстеромъ Мартиномъ долженъ ты выпить этотъ бокалъ.« Рейнгольдъ принужденъ былъ повиноваться. Когда онъ возвратился на свое мѣсто, то шепнулъ на ухо задумчивому Фридриху: »Теперь очередь за тобою, спой-ка намъ вчерашнюю пѣсню.« — »Въ умѣ-ли ты?« возразилъ Фридрихъ съ досадою.

Тогда Рейнгольдъ громкимъ голосомъ сказалъ обществу: »Почтенные господа и мейстеры! мой любезный братъ Фридрихъ умѣетъ пѣть еще болѣе прекрасныя пѣсни, и у него голосъ несравненно пріятнѣе, нежели у меня, но у него запылилось горло отъ дороги, и потому онъ въ другое время споетъ вамъ свои дивныя пѣсни чудеснѣйшими напѣвами!« Тутъ всѣ начали разсыпаться въ похвалахъ Фридриху, какъ будто онъ уже спѣлъ свою пѣсню. Наконецъ многіе мейстеры находили даже, что голосъ его въ самомъ дѣлѣ пріятнѣе, нежели голосъ Рейнгольда, равно и Г-нъ Фольрадъ, осушивъ еще полный бокалъ вина, убѣжденъ былъ въ томъ, что Фридрихъ болѣе приближается къ прекраснымъ Нѣмецкимъ напѣвамъ, нежели Рейнгольдъ, въ пѣніи котораго слишкомъ много Итальянскаго. Но мейстеръ Мартинъ закинулъ голову назадъ, ударилъ себя по круглому брюху, такъ что раздалось въ комнатѣ, и вскричалъ: »Теперь это мои работники, говорю я,

бочарнаго мейстера Ѳомы Мартина въ Нирнбергѣ работники!« — И всѣ мейстеры кивнули головами, и выхлебнувъ послѣднія капли изъ высокихъ бокаловъ, сказали: »Такъ, такъ! ваши, мейстеръ Мартинъ, бравые, славные работники!« Наконецъ гости разошлись по домамъ. Рейнгольду и Фридриху мейстеръ Мартинъ назначилъ опрятную, свѣтлую комнату въ своемъ домѣ.

Какъ третій работникъ является къ мейстеру Мартину, и что потомъ происходитъ.

Оба работника, Рейнгольдъ и Фридрихъ, нѣсколько уже недѣль работали въ мастерской мейстера Мартина, и послѣдній замѣтилъ, что вразсужденіи измѣренія линейкою и циркулемъ, соображенія и правильнаго глазомѣра, Рейнгольдъ былъ чрезвычайно искусенъ; но совсѣмъ иное обнаруживалось, когда дѣло доходило до большаго струга, долота, или молота. Тогда Рейнгольдъ ско-

ро истощался, и работа медленно подвигалась, какъ бы онъ ни старался. Фридрихъ, напротивъ, мастерски стругалъ, работалъ долотомъ, и не зналъ усталости. Но ихъ общимъ качествомъ было благородное поведеніе, и они, преимущественно по характеру Рейнгольда, проводили жизнь по большой части беззаботно и весело. Во время работы, особливо когда приходила Роза, они не щадили груди, и пріятными голосами своими, которые чудесно гармонировали одинъ съ другимъ, пѣли прекрасныя пѣсни. Если иногда Фридрихъ, украдкою бросая взоры на Розу, вдавался въ задумчиво-грустный тонъ, Рейнгольдъ тотчасъ же запѣвалъ шутливую пѣсню, имъ сложенную, которая начиналась такъ: »Бочка не гитара, гитара не бочка,« и не рѣдко старикъ Мартинъ, поднявъ колотушку, просто опускалъ ее и держался за брюхо, которое тряслось отъ смѣху. Вообще оба работника, особливо Рейнгольдъ, пріобрѣли отличную благосклонность Мартина; не льзя было не

замѣтить, что и Роза находила многіе предлоги чаще приходить въ мастерскую и оставаться тамъ долѣе, нежели какъ бывало прежде.

Однажды Г-нъ Мартинъ съ примѣтною задумчивостью пришелъ въ свою открытую мастерскую близь городскихъ воротъ, гдѣ производилась работа лѣтомъ. Въ это самое время Рейнгольдъ и Фридрихъ отдѣлывали одну маленькую бочку. Вдругъ мейстеръ Мартинъ остановился передъ ними, сложивъ накрестъ руки, и сказалъ:« Я и выразить не могу вамъ, мои любезные товарищи, какъ много я доволенъ вами; но теперь я нахожусь въ великомъ затрудненіи. Съ Рейна пишутъ, что нынѣшній годъ, вразсужденіи виподѣлія, несравненно благодатнѣе, нежели всѣ прочіе годы, сколько старики запомнить могутъ. Одинъ мудрый человѣкъ сказалъ, что комета, появившаяся на небѣ, дивными лучами своими оплодотворитъ землю, такъ что она изъ глубочайшихъ шахтъ своихъ выпуститъ весь жаръ, производящій

благородные металлы, и вдохнетъ его въ жаждущія лозы, которыя въ роскошномъ созрѣваніи развѣсятъ кисти на кисти, и текучій огонь, которымъ напоены онѣ, вольютъ въ растѣніе. Не прежде, какъ по истеченіи трехъ сотъ лѣтъ, снова появится это благодѣтельное свѣтило. Такъ стало быть и намъ достанется поработать. Къ тому же высокопочтенный господинъ Епископъ Бамбергскій пишетъ ко мнѣ и заказываетъ большую бочку. Выходитъ, что намъ не управиться работою, и что надобно позаботиться еще объ одномъ дѣльномъ работникѣ. Вѣдь не льзя же мнѣ взять къ себѣ кого ни попало съ улицы, а между тѣмъ время не терпитъ отсрочки. Если вы знаете гдѣ нибудь дѣльнаго работника, который бы не отставалъ отъ васъ, такъ скажите мнѣ, я выпишу его, во что бы то ни стало.« Лишь только мейстеръ Мартинъ сказалъ это, какъ вдругъ появился у воротъ высокій, плотный собою молодой человѣкъ, и закричалъ гром-

кимъ, мужественнымъ голосомъ: » Гей, послушайте-ка! не здѣсь ли мастерская мейстера Мартина?« — » Точно такъ,« возразилъ мейстеръ Мартинъ, подходя къ молодому человѣку, » здѣсь точно эта самая мастерская, но вамъ не надобно во всю голову кричать и шумѣть; такъ не приходятъ къ добрымъ людямъ.« — » Ха, ха, ха!« засмѣялся молодой человѣкъ, » вы, вѣрно, самъ мейстеръ Мартинъ, потому что у васъ толстое брюхо, пухлый подбородокъ, сверкающіе глаза, красный носъ, ну точь въ точь такъ, какъ мнѣ его описывали. Отъ всей души привѣтствую васъ, мейстеръ Мартинъ!« — » Ну, а что угодно вамъ отъ мейстера Мартина?« съ досадою спросилъ послѣдній. » Я бондарь,« отвѣчалъ молодой человѣкъ, » и хотѣлъ только спросить, могу ли приняться къ вамъ въ работники?« Мейстеръ Мартинъ отступилъ шага на два назадъ отъ удивленія, что къ нему является работникъ въ ту самую минуту, когда онъ имѣлъ намѣреніе искать

такого человѣка, и съ ногъ до головы мѣрилъ глазами незнакомца. Но тотъ смѣло смотрѣлъ на него полными огня взорами. Теперь, замѣтивъ широкую грудь, мужественное тѣлосложеніе, жилистыя руки молодаго человѣка, Мартинъ подумалъ про самого себя: »Вотъ такого-то молодца мнѣ и надобно,« и тотчасъ спросилъ у него объ инструментахъ. »Ихъ не случилось со мною,« возразилъ молодой человѣкъ, »но въ короткое время они у меня будутъ, и я даю вамъ теперь честное слово — вѣрно и усердно работать, такъ что вы останетесь довольны.« Сказавъ это и не ожидая отвѣта мейстера Мартина, молодой работникъ вошелъ въ мастерскую, сбросилъ съ себя беретъ и дорожную сумку, скинулъ камзолъ, надѣлъ фартукъ и сказалъ: »Ну, теперь назначьте мнѣ работу, мейстеръ Мартинъ.« Послѣдній, приведенный въ недоумѣніе смѣлымъ обращеніемъ незнакомаго юноши, долженъ былъ нѣсколько собраться съ мыслями; потомъ сказалъ: »Хорошо,

хорошо, товарищъ, докажите-ка намъ поскорѣе, что вы исправный бондарь, возьмите-ка буравъ, и вонъ къ той бочкѣ, что стоитъ на верстакѣ, сдѣлайте втулку. Незнакомецъ исполнилъ то, что ему было велѣно, съ особенною силою, проворствомъ и ловкостью, и потомъ вскричалъ, громко засмѣявшись: » Ну, мейстеръ Мартинъ, сомнѣваетесь-ли вы еще въ томъ, что я исправный бондарь? — Но, « продолжалъ онъ, расхаживая взадъ и впередъ по мастерской и осматривая инструменты и приготовленный лѣсъ, » есть-ли у васъ надежный инструментный приборъ? да что это за молоточки и за колотушечки? ими вдоволь наиграются и дѣти; а долотьеца? ну, право, только-что для слабосильныхъ учениковъ. « Тутъ онъ началъ, какъ легкою тростью, махать большимъ тяжелымъ молотомъ, за который вовсе не могъ приняться Рейнгольдъ и которымъ не безъ труда дѣйствовалъ Фридрихъ; съ такою же легкостью повертывалъ и тяжеловѣсное

долото, которымъ работалъ мейстеръ Мартинъ. Потомъ, какъ два шарика, покатилъ онъ двѣ большія бочки, и схватилъ одну изъ толстыхъ необдѣланныхъ досокъ. »Вотъ видите-ли, мейстеръ Мартинъ, вѣдь это славное дубовое дерево, а разобьется какъ стекло!« Сказавъ это, ударилъ онъ доскою о точильный камень такъ, что она съ громкимъ стукомъ разлетѣлась на двѣ части. »Однако-же, любезный товарищъ,« сказалъ мейстеръ Мартинъ, »не тронь вонъ эту двухфудерную бочку, да и всю нашу мастерскую не поверни вверхъ дномъ. Вмѣсто молота ты можешь употреблять, ну вотъ, хоть это бревно; а чтобы доставить тебѣ долото по твоимъ силамъ, я выпрошу въ Ратушѣ мечь Роланда въ три локтя длиною.« — »Вотъ что́ дѣло, такъ дѣло!« вскричалъ молодой человѣкъ, засверкавъ глазами, но вдругъ онъ потупилъ взоръ, и сказалъ, понизивъ голосъ: »Я подумалъ только, любезный мейстеръ, что для своей крупной работы вы имѣете нужду въ силь-

ныхъ работникахъ, и потому я довольно таки шумно и хвастливо показалъ свою тѣлесную крѣпость. Но не смотря на это, примите меня къ себѣ въ работу, и я усердно буду исполнять все, что́ вамъ угодно.« Мейстеръ Мартинъ посмотрѣлъ въ лице юношѣ, и долженъ былъ сознаться, что никогда еще не встрѣчалъ онъ болѣе благородныхъ, и при томъ выражающихъ необыкновенное прямодушіе чертъ лица. Ему казалось даже, что при видѣ этого юноши, въ немъ пробуждалось темное воспоминаніе о какомъ-то человѣкѣ, котораго онъ давно уже любилъ и уважалъ; но онъ никакъ не могъ привести себѣ въ ясность это воспоминаніе, и потому тотчасъ исполнилъ желаніе юноши, прося его немедленно доказать свое умѣнье на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ Рейнгольдъ и Фридрихъ сплотили уже бочку и стали набивать первые обручи. При этомъ они имѣли обыкновеніе пѣть пѣсни, то-же сдѣлали они и теперь, запѣвъ нѣжную пѣсню въ щеглячьемъ то-

нѣ Адама Пушмана. Но Конрадъ (такъ назывался молодой работникъ), дѣйствуя теперь большимъ стругомъ, за который поставилъ его мейстеръ Мартинъ, вдругъ закричалъ: »Эй, что̀ это за пискотня? Можно, право, подумать, что здѣсь въ мастерской завелись мыши. Если хотите пѣть, то пойте такъ, чтобы отрадно было сердцу и чтобъ живѣе шла работа. Отъ этого, пожалуй, и я не прочь.« Тутъ началъ онъ удалую охотничью пѣсню съ разными припѣвами, на пр. Галло-гусса! и при томъ, подражая лаю гончихъ собакъ и громкимъ восклицаніямъ охотниковъ, столь пронзительнымъ, громозвучно разсыпающимся голосомъ, что раздавалось въ большихъ бочкахъ и дрожала вся мастерская. Мейстеръ Мартинъ зажалъ руками оба уха, и дѣти Мароы (вдовы Валентиновой), игравшія въ мастерской, подползли подъ доски. Въ эту минуту вошла Роза, изумленная, перепуганная ужаснымъ крикомъ, котораго вовсе не льзя было назвать пѣніемъ. Лишь только Конрадъ

примѣтилъ Розу, какъ тотчасъ же и замолчалъ, отошелъ отъ большаго струга, приблизился къ ней и поклонился ей съ благородною осанкою. Потомъ темные глаза его заблистали яркимъ огнемъ, и онъ сказалъ тихимъ голосомъ: »милая фрейлина *, какое сладостное розовое сіяніе разлилось въ этомъ простомъ рабочемъ мѣстѣ, когда вошли вы! о, еслибъ я только прежде видѣлъ васъ, то не оскорбилъ-бы нѣжныхъ ушей вашихъ своею удалою охотничьею пѣснею!—О,« такъ вскричалъ онъ, обращаясь къ мейстеру Мартину и къ другимъ работникамъ, »послушайте, прекратите, пожалуйста, вашу несносную стукотню! Пока милая фрейлина удостоиваетъ насъ своихъ взоровъ, должны умолкнуть всѣ молоты и долотья. Одинъ только милый голосъ ея будемъ мы слушать, и съ преклоненною головою ожидать, что

* Словомъ Fräulein привѣтствуютъ въ Германіи только дѣвицъ дворянскаго происхожденія. Чтобы сохранить вполнѣ значеніе оригинала, это слово удерживается и въ переводѣ.

прикажетъ она намъ, своимъ покорнѣйшимъ служителямъ.« Рейнгольдъ и Фридрихъ съ изумленіемъ взглянули другъ на друга, но мейстеръ Мартинъ громко захохоталъ и вскричалъ: »Послушай-ка, Конрадъ! въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что ты призатѣйливый чудакъ изъ чудаковъ, который когда-либо надѣвалъ кожаный фартукъ. Сперва являешься ты сюда и намѣреваешься, какъ будто неугомонный великанъ, все разбить и разрушить, потомъ ревешь ты такъ, что оглушилъ было насъ всѣхъ, а въ достойное заключеніе всякой глупости, принимаешь мою дочь Розу за благородную дѣвицу, и кривляешься какъ влюбленный дворянчикъ!« »Вашу прекрасную дочь,« свободно отвѣчалъ Конрадъ, »я очень хорошо знаю, любезный мейстеръ Мартинъ, но говорю вамъ, что она по красотѣ своей единственная фрейлина на свѣтѣ, и даруй Небо, чтобы она удостоила благороднѣйшаго изъ Бароновъ, съ вѣрною, рыцарскою любовью быть ея паладиномъ.« Мейстеръ Мартинъ схватился за бока,

и чуть было не задохнулся, пока, кашляя и охая, не далъ воли своему смѣху. Едва собравшись съ силами, сказалъ онъ потомъ, запинаясь: »Хорошо—очень хорошо—мой любезнѣйшій, пусть Роза моя будетъ для тебя высокопочтенною фрейлиною—согласенъ—но не смотря на это, сдѣлай милость, изволь-ка приниматься за большой стругъ!« Конрадъ, потупивъ глаза, стоялъ какъ вкопанный, потиралъ себѣ лобъ, и сказалъ тихимъ голосомъ: »Такъ, это правда,« потомъ исполнилъ что́ ему было сказано. Роза—какъ обыкновенно дѣлала она, приходя въ мастерскую — сѣла на маленькій боченокъ, который тщательно обтерь Рейнгольдъ, а Фридрихъ пододвинулъ къ ней. Оба, по приказанію мейстера Мартина, снова запѣли прекрасную пѣсню, которую прервалъ неугомонный Конрадъ, принявшійся теперь за большой стругъ, умолкнувшій и совершенно погруженный въ самого себя.

По окончаніи пѣсни, мейстеръ Мартинъ сказалъ: »Небо надѣлило васъ пре-

краснымъ даромъ, любезные мои товарищи! Вы не повѣрите, какъ высоко уважаю я чудесное искусство пѣнія. Мнѣ также хотѣлось быть пѣвцомъ; но дѣло ни коимъ образомъ не шло на ладъ, ужь какъ ни старался я. При всемъ своемъ усиліи я возбуждалъ только смѣхъ, и позорился. Въ вольномъ пѣніи * я употреблялъ то неправильные припѣвы, то неправильныя украшенія, то выходилъ изъ тона и начиналъ совершенно неправильныя мелодіи. Но вы это дѣло разумѣете лучше, и, какъ говорится, чего не сможетъ хозяинъ, то сдѣлаютъ его работники. Въ слѣдующее Воскресенье, въ церкви Св. Екатерины, по окончаніи послѣ-полуденной проповѣди, въ обыкновенное время будутъ пѣть мейстерзингеры; тогда вы оба, Рейнгольдъ и Фридрихъ, можете заслужить честь и похвалу своимъ прекраснымъ пѣніемъ, по-

* Въ Нирнбергѣ всякій имѣлъ право, въ извѣстное время, пѣть въ собраніи мейстерзингеровъ и публики. Это называлось вольнымъ пѣніемъ — Freisingen.

тому что передъ главнымъ пѣніемъ будетъ вольное пѣніе, въ которомъ вы, равно какъ и всякій посторонній, владѣющій искуствомъ пѣнія, безпрепятственно можете участвовать. Ну, любезный Конрадъ (такъ вскричалъ мейстеръ Мартинъ, оборотившись къ верстаку, гдѣ работалъ Конрадъ), не хотите-ли и вы взойдти на каѳедру пѣнія и начать свою прекрасную охотничью пѣсню?«—» Не смѣйтесь,« возразилъ Конрадъ, не поднимая взоровъ, » любезный мейстеръ! все хорошо на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ вы будете восхищаться пѣніемъ, я отправлюсь искать удовольствія на городской лугъ.«

Случилось такъ, какъ предполагалъ мейстеръ Мартинъ. Рейнгольдъ взошелъ на каѳедру пѣнія, и разными тонами пѣлъ пѣсни, которыя радовали всѣхъ мейстерзингеровъ, хотя они и полагали, что пѣвца не льзя упрекнуть ни въ одной ошибкѣ, но въ какомъ-то иноземномъ способѣ, и сами не могло опредѣлить, въ чемъ онъ заключался. Вскорѣ

потомъ взошелъ на каѳедру пѣнія Фридрихъ, снялъ свой беретъ, и посмотрѣвъ нѣсколько секундъ впередъ, потомъ окинувъ собраніе взоромъ, который, какъ огненная стрѣла, проникъ въ грудь прелестной Розы, такъ что она должна была глубоко вздохнуть — запѣлъ столь прекрасную пѣсню въ нѣжномъ тонѣ Гейнриха Фрауэнлоба, что всѣ мейстеры единодушно сознались, что никто изъ нихъ не въ состояніи превзойдти молодаго человѣка.

Съ наступленіемъ вечера и по окончаніи пѣнія, мейстеръ Мартинъ, чтобы насладиться погодою, въ полной радости отправился вмѣстѣ съ Розою на городской лугъ. Оба работника, Рейнгольдъ и Фридрихъ, должны были имъ сопутствовать. Роза шла посреди нихъ, Фридрихъ, ободренный похвалою мейстеровъ, въ блаженномъ упоеніи, отважился сказать нѣсколько смѣлыхъ словъ, которыхъ Роза, стыдливо опустивъ глаза, казалось, не хотѣла-бы слышать. Она охотнѣе обратилась къ Рейнгольду, ко-

торый, по своему обыкновенію, говорилъ премного забавнаго, и не стыдился рукою своею обвить руку Розы. Еще издали слышали они ликующій шумъ на городскомъ лугу. Пришедши на то мѣсто, гдѣ юноши забавлялись всякаго рода и частію рыцарскими играми, услышали они, что народъ не одинъ разъ восклицалъ: »Выигралъ, выигралъ — онъ все-таки сильнѣе всѣхъ! — да, вотъ ужь противъ него никто и не выходитъ!« — Мейстеръ Мартинъ, протѣснившись сквозь народъ, замѣтилъ, что вся похвала, все ликованье народа относилось не къ иному кому, какъ къ его работнику Конраду. Онъ преодолѣлъ всѣхъ прочихъ въ бѣганьи въ запуски, въ кулачномъ бою, въ бросаньи дротиковъ. Когда приблизился мейстеръ Мартинъ, Конрадъ вскричалъ въ то самое время: »Не угодно-ли кому выступить со мною на веселую боевую игру тупыми мечами?« Многіе отважные юноши изъ патриціевъ, привыкшіе къ этой собственно рыцарской игрѣ, выступили на

его вызовъ. Но и теперь, безъ большаго труда и усилія, Конрадъ скоро преодолѣлъ всѣхъ противниковъ, такъ что не было конца похваламъ его ловкости и силѣ.

Солнце сѣло, вечерняя заря погасла, и наступили позднія сумерки. Мейстеръ Мартинъ, Роза и оба работника расположились у журчащаго источника. Рейнгольдъ разсказывалъ много прекраснаго о далекой Италіи; но Фридрихъ тихо и блаженно смотрѣлъ въ глаза прелестной Розѣ. Тутъ подошелъ Конрадъ тихимъ, медленнымъ шагомъ, какъ-бы въ раздумьѣ, присоединиться-ли ему къ другимъ, или нѣтъ. Мейстеръ Мартинп вскричалъ ему: »Ну, Конрадъ, иди-же къ намъ скорѣе, ты храбро отличался на лугу; мнѣ пріятно видѣть это въ моихъ работникахъ, имъ пристойно такъ рекомендовать себя. Не стыдись, товарищъ! садись-ка къ намъ, я позволяю тебѣ это!« Конрадъ бросилъ проницательный взоръ на мейстера, который ласково кивалъ ему головою, и потомъ сказалъ

глухимъ голосомъ: »Васъ я вовсе не стыжусь; да у васъ-же и не просилъ я позволенія, садиться-ли мнѣ здѣсь, или нѣтъ; совсѣмъ не къ вамъ прихожу я. Всѣхъ моихъ противниковъ смялъ я въ грязь въ веселой рыцарской игрѣ, и теперь хочу только спросить у милой фрейлины, не угодно-ли будетъ и ей, въ награду за веселую игру, почтить меня прекраснымъ букетомъ, который носитъ она на груди.« Сказавъ это, Конрадъ сталъ передъ Розою на одно колѣно, своими ясными, темными глазами весьма почтительно посмотрѣлъ ей въ лице, и началъ просить: »Милая Роза, пожалуйте мнѣ этотъ прекрасный букетъ въ награду за побѣду; въ этомъ, вы, вѣрно, мнѣ не откажете.« Роза тотчасъ отколола букетъ, подала его Конраду, и сказала улыбаясь: »Вѣдь я знаю, что такому храброму рыцарю, какъ вы, прилично получить отъ дамы подобный знакъ отличія, и потому примите мои поблеклые цвѣты.« Конрадъ поцѣловалъ данный ему букетъ, и потомъ воткнулъ его въ свой беретъ;

но мейстеръ Мартинъ вскричалъ, вставъ съ мѣста: »Посмотрите, пожалуйте, ужь подлинно дивныя проказы! Однако же пойдемте-ка домой, наступаетъ ночь.« Г-нъ Мартинъ пошелъ впередъ, Конрадъ съ вѣжливымъ, отборнымъ пріемомъ взялъ руку Розы, Рейнгольдъ и Фридрихъ, съ видимымъ неудовольствіемъ, пошли позади. Люди, которыхъ встрѣчали они, останавливались и смотрѣли имъ вслѣдъ, говоря: »Посмотрите, посмотрите, вѣдь это богатый бондарь Ѳома Мартинъ съ своею милою дочерью и своими бравыми работниками. И взглянуть, такъ прекрасные люди!«

Какъ г-жа Марѳа говоритъ съ Розою о трехъ работникахъ. Ссора Конрада съ мейстеромъ Мартиномъ.

Молодыя дѣвушки имѣютъ обыкновеніе на другое утро мысленно и сердечно повторять всю радость праздника,

и тогда это повторительное торжество бываетъ для нихъ чуть-ли не прекраснѣе, нежели и самый праздникъ. Такъ и прелестная Роза на другое утро, сложивъ руки на колѣнахъ, задумчиво наклонивъ впередъ головку, и оставивъ въ покоѣ пряжу и шитье, сидѣла одна въ своей комнатѣ. Легко могло быть, что она то слушала пѣсни Рейнгольда и Фридриха, то видѣла, какъ ловкій Конрадъ побѣждалъ своихъ соперниковъ, какъ получилъ онъ отъ нея награду побѣдителя, потому что иногда тихо напѣвала она стиха два-три какой-то пѣсни, иногда шепотомъ произносила; »Вамъ угодно мой букетъ?« и тогда яркій румянецъ появлялся на щекахъ ея, свѣтились искорки изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ и прокрадывались легкіе вздохи изъ глубины ея груди. Тутъ вошла Г-жа Мароа, и Роза обрадовалась тому, что представился случай подробно разсказать, какъ все происходило въ церкви Св. Екатерины и на городскомъ лугу. Когда Роза кончила, то Г-жа Мароа

сказала, улыбаясь: » Теперь, милая Роза, вы скоро будете невѣстою одного изъ трехъ прекрасныхъ жениховъ.« — »Боже мой, « вскричала Роза, испугавшись и покраснѣвъ до самыхъ ушей, » любезная Мароа, какъ можете вы это думать? — Я! — трехъ жениховъ?« — »И, полноте, милая Роза, « продолжала Г-жа Мароа, » ужь будто вы и не знаете и не ожидаете этого? Надобно, право, быть слѣпой и вовсе не имѣть глазъ, чтобы не видѣть, до какой степени наши работники, Рейнгольдъ, Фридрихъ и Конрадъ — да, да, всѣ трое любятъ васъ самою пламенною любовью. « — » Что это вамъ пришло въ голову, любезная Мароа? « прошептала Роза, закрывъ глаза руками. » И, полно, « подхватила Мароа, подсѣвъ къ Розѣ и обнявъ ее одною рукою, » полно, милая, стыдливая дѣвушка, отними-ка руки-то, да посмотри мнѣ прямо въ глаза, и скажи, что ты вовсе не замѣчала, какъ наши молодые люди заняты одною тобою, пушка, скажи? — А! вотъ видишь-ли,

что не можешь сказать этого? — да и въ самомъ дѣлѣ, странно было-бы, если-бъ глаза молодой дѣвушки не могли видѣть чего нибудь подобнаго, на прим., какъ взоры обращаются на тебя съ работы, какъ все оживляется, когда ты приходишь въ мастерскую, какъ Рейнгольдъ и Фридрихъ запѣваютъ свои прекраснѣйшія пѣсни, какъ даже неугомонный Конрадъ становится тихъ и ласковъ, какъ всякій старается къ тебѣ приблизиться, какъ яркій огонь пылаетъ на лицѣ того, кого удостоишь ты привѣтливаго взгляда, или ласковаго слова! Ну, признайся, милая, не пріятно-ли, что такіе прекрасные люди ухаживаютъ за тобою? Выберешь-ли ты себѣ одного изъ нихъ, и котораго именно, этого я подлинно не могу сказать, потому что ты равно ласкова ко всѣмъ, хотя я и.... но объ этомъ ни слова, ни слова. Если-бъ ты пришла ко мнѣ и спросила: Присовѣтуйте мнѣ, любезная Марѳа, которому изъ этихъ молодыхъ людей, ухаживающихъ за мною, должна

отдать я руку и сердце, то я, конечно отвѣчала-бы такъ: Какъ скоро сердце твое не говоритъ тебѣ громко и внятно: *вотъ онъ*, то проводи ихъ отъ себя всѣхъ трехъ съ поклономъ. Впрочемъ, мнѣ очень нравится Рейнгольдъ и Фридрихъ, и Конрадъ; при всемъ томъ я могу многое сказать противъ всѣхъ трехъ. Признаюсь, милая Роза, когда смотрю я, какъ работаютъ наши бравые молодые люди, то всякій разъ вспоминаю о своемъ миломъ, бѣдномъ Валентинѣ, и могу сказать, что хотя онъ, можетъ быть, и не отличался особеннымъ умѣньемъ въ бочарномъ ремеслѣ, то, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что-бы ни дѣлалъ онъ, были у него какіе-то особенные пріемы, особенный манеръ. Видишь, бывало, что онъ всею душою преданъ работѣ; но этого нельзя сказать о нашихъ молодыхъ работникахъ; они исправно работаютъ, да въ головѣ-то у нихъ какъ будто совсѣмъ иное; подумаешь, что они добровольно наложили на себя какую-то тяжесть,

и съ отважнымъ духомъ несутъ ее. Фридрихъ болѣе всѣхъ мнѣ по душѣ; это простодушный, сердечный человѣкъ. Онъ, кажется, болѣе другихъ сроднился съ нами; я понимаю все, что̀-бы онъ ни говорилъ, и то, что онъ такъ тихо, со всею застѣнчивостью невиннаго ребенка любитъ васъ, что онъ едва осмѣливается взглянуть на васъ, что онъ краснѣетъ, лишь только скажете вы ему слово, мнѣ чрезвычайно какъ нравится въ милыхъ юношахъ.« Казалось, что двѣ слезинки навернулись на глазахъ Розы, когда Г-жа Мароа вымолвила это. Она встала и сказала, оборотившись къ окну: »Я очень люблю Фридриха, но за что̀-же порицать и Рейнгольда?« — »Да какъ-же это можно?« возразила Мароа; »Рейнгольдъ, конечно, прекраснѣйшій изъ всѣхъ. Что́ за глаза! нѣтъ, если онъ насквозь проникнетъ кого своими огненными взорами, то этого, право, не льзя вынести. Но при томъ во всѣхъ пріемахъ его есть что-то необыкновенное, возбуждающее во мнѣ

трепетъ и отталкивающее меня отъ него. Мнѣ думается, что Г-нъ Марттинъ, когда Рейнгольдъ работаетъ въ его мастерской, и онъ прикажетъ ему сдѣлать то или другое, долженъ чувствовать то-же самое, что̀-бы чувствовала и я, еслибъ кто нибудь поставилъ мнѣ въ кухню золотомъ и брильянтами блистающую посуду, съ тѣмъ чтобъ я употребляла ее вмѣсто обыкновенной домашней, тогда какъ я не могла бы отважиться и дотронуться до нея. Говоритъ-ли онъ, разсказываетъ-ли что̀—все это звучитъ какъ пріятная музыка и совершенно увлекаетъ тебя; но если я хорошенько поразмыслю о томъ, что̀ говорилъ онъ, то выйдетъ, что я не поняла ни слова. А если иногда онъ и разшутится по-нашему, и я подумаю: ну вотъ, онъ таковъ-же, какъ и мы, то вдругъ покажется мнѣ такимъ знатнымъ господиномъ, что я не на шутку испугаюсь. И при томъ вовсе не могу сказать, чтобы въ его осанкѣ было хоть что нибудь похожее на ве-

личавость многихъ дворянъ, многихъ патриціевъ, нѣтъ, это совсѣмъ другое. Словомъ, мнѣ, Богъ знаетъ почему, думается, что онъ находится въ связи съ высшими духами, что вообще онъ принадлежитъ къ иному міру. Конрадъ, неугомонный, заносчивый молодой человѣкъ, и во всѣхъ пріемахъ его есть что-то несносное, надменное, вовсе не подъ стать кожаному фартуку. И при томъ онъ принимаетъ на себя видъ, будто онъ одинъ имѣетъ право повелѣвать, а всѣ другіе должны ему повиноваться. Въ короткое время своего здѣсь пребыванія онъ достигъ до того, что мейстеръ Мартинъ, оглушаемый громовымъ голосомъ Конрада, сообразуется съ его волею. Но, не смотря на это, Конрадъ такъ добродушенъ и правдивъ, что на него не льзя совсѣмъ сердиться. Я должна признаться, что, при всей своей неукротимости, онъ для меня нѣкоторымъ образомъ пріятнѣе, нежели Рейнгольдъ, потому что, хотя онъ и говоритъ иногда высокія рѣчи, все

это какъ-то понятно. Бьюсь объ закладъ, что онъ, ужь какъ ни прикидывайся, былъ непремѣнно военнымъ человѣкомъ. Потому-то и владѣетъ онъ такъ искусно оружіемъ, и даже въ пріемахъ его есть много рыцарскаго, что̀ очень не дурно пристало ему. — Скажите же мнѣ откровенно, милая Роза, кто изъ этихъ трехъ молодыхъ людей нравится вамъ болѣе?« — »Не спрашивайте меня объ этомъ, любезная Мароа,« возразила Роза. »Скажу только, что Конрадъ вовсе не имѣетъ на меня такого впечатлѣнія, какъ на васъ. Правда, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ равными ему, что при его разговорѣ мнѣ вдругъ представляется, будто передо мною прекрасный садъ, полный чудесныхъ цвѣтовъ и плодовъ, какихъ не льзя найдти на землѣ, но я охотно смотрю въ этотъ садъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Рейнгольдъ здѣсь, многія вещи представляются мнѣ совершенно въ иномъ видѣ, и многое, что прежде туманно и смѣшенно таилось въ душѣ моей, те-

перь такъ свѣтло и ясно, что я совершенно могу распознать это.« Г-жа. Марфа встала съ мѣста, и уходя, сказала Розѣ, погрозивъ ей пальцемъ: »Хорошо, хорошо, Роза, стало быть, Рейнгольдъ вашъ избранный. Этого я не предполагала, не ожидала.«—» Прошу васъ, любезная Марѳа,« возразила Роза, слѣдуя за нею къ двери, »не предполагайте, не ожидайте ничего, и предоставьте все это будущему времени. Что-бы ни случилось впередъ — есть Божіе опредѣленіе, которому всякій долженъ покоряться въ простотѣ и смиреніи.« — Между тѣмъ въ мастерской мейстера Мартина сдѣлалось гораздо шумнѣе. Чтобы во время приготовить всю заказанную ему работу, онъ взялъ къ себѣ еще нѣсколько работниковъ и учениковъ, и теперь поднялась такая стукотня, такое скобленье и пиленье, что далеко вокругъ все это можно было слышать. Рейнгольдъ размѣрилъ большую бочку, заказанную Бамбергскимъ Епископомъ, и такъ искусно сколотилъ ее при помощи съ Фридриха и

Конрада, что у мейстера Мартина сердце прыгало отъ радости, и онъ воскликнулъ нѣсколько разъ: »Вотъ, что̀ называется, мастерская работа: вотъ бочечка, какой еще не бывало у меня въ мастерской, исключая мое отличнѣйшее произведеніе — мою двухфудерную бочку.«—Тутъ трое работниковъ принялись набивать обручи на прилаженныя доски, такъ что вездѣ раздавался громкій стукъ колотушками. Старикъ Валентинъ усердно работалъ скобелемъ, и Г-жа Мароа, съ двумя миленькими дѣтьми на колѣнахъ, сидѣла близко позади Конрада, между тѣмъ какъ другіе рѣзвые мальчики, смѣясь и шумя, бѣгали вокругъ и играли. Все это производило такую сумятоху, что едва примѣтили Г-на Іоанна Гольцшуэра, вошедшаго въ мастерскую. Мейстеръ Мартинъ приблизился къ нему и вѣжливо спросилъ, что̀ ему угодно. »Во первыхъ,« возразилъ Гольцшуэръ, »я хотѣлъ повидаться съ моимъ любезнымъ Фридрихомъ, который вонъ тамъ такъ

усердно работаешъ. Во вторыхъ, мой почтеннѣйшій, для моего виннаго погреба нужна хорошая бочка, о сдѣланіи которой я покорно прошу васъ. Вонъ, видите-ли, тамъ отдѣлывается такая точно бочка, въ какой я имѣю нужду; уступите-ка мнѣ ее и назначьте цѣну.« Рейнгольдъ, который, утомившись, отдыхалъ нѣсколько минутъ въ мастерской, и теперь опять хотѣлъ стать на подмостки, услышалъ Гольцшуэровы слова и сказалъ, оборотясь къ нему головою: »Ну, почтенный Г-нъ Гольцшуэръ, насчетъ нашей бочечки извольте отложить попеченіе: мы дѣлаемъ ее для высокопочтеннаго Г-на Епископа Бамбергскаго!« — Мейстеръ Мартинъ, сложивъ руки за спину, выставивъ впередъ лѣвую ногу и забросивъ голову назадъ, замигалъ, взглянулъ на бочку, и потомъ сказалъ гордымъ голосомъ: »Любезнѣйшій мейстеръ, ужь по отличнѣйшему дереву, по чистотѣ работы могли-бы вы замѣтить, что такая славная вещь прилична только царскому погребу. Мой

товарищъ Рейнгольдъ говоритъ дѣло, насчетъ этого извольте отложить попеченіе: когда отойдетъ пора собиранію винограда, я сдѣлаю для васъ прочную, опрятную бочку, подъ статъ вашему погребу.« Старикъ Гольцшуэръ, оскорбленный надменностью Мартина, возразилъ, что червонцы его, вѣрно, не хуже Епископскихъ, и что онъ надѣется за свои деньги въ другомъ мѣстѣ также достать хорошую вещь. Мейстеръ Мартинъ, волнуемый гнѣвомъ, едва не вышелъ изъ себя; онъ не осмѣлился оскорбить старика, Магистратомъ и всѣми гражданами уважаемаго Г-на Гольцшуэра. Но въ эту самую минуту Конрадъ все сильнѣе и сильнѣе билъ колотушкою, отъ которой все дрожало и трещало; тутъ Г-нъ Мартинъ излилъ внутренній гнѣвъ свой и закричалъ чтó есть мочи: »Конрадъ—ахъ ты олухъ!—чтó это колотишь ты безъ ума, безъ памяти? разбить бочку чтó-ли хочется тебѣ?«—»Ого!« закричалъ Конрадъ на мейстера, бросивъ вокругъ себя надменно

изступленный взоръ: »ахъ ты тупъ мужичишко! да почему-же бы и не такъ?« Сказавъ это, онъ такъ сильно грянулъ по бочкѣ колотушкою, что съ дребезжаньемъ лопнулъ самый толстый обручь и сшибъ Рейнгольда съ узкой доски подмостокъ, между тѣмъ какъ по глухому звону слышно было, что одна изъ досокъ бочки также перешибена. Внѣ себя отъ гнѣва и бѣшенства, подбѣжалъ мейстеръ Мартинъ, вырвалъ у Валентина доску, которую тотъ скоблилъ, и громко закричавъ: »Проклятая собака!« сильно ударилъ Конрада по спинѣ. Конрадъ, почувствовавъ ударъ, быстро обернулся и остановился на минуту какъ-бы обезумѣвшій; но потомъ глаза его засверкали свирѣпымъ бѣшенствомъ, онъ заскрежеталъ зубами и заревѣлъ: »Какъ, драться?« Потомъ онъ однимъ прыжкомъ соскочилъ съ подмостокъ, поспѣшно схватилъ лежавшее на полу долото, и сильнымъ ударомъ раскроилъ-бы голову мейстеру, если-бы Фридрихъ не оттащилъ въ сторону

Мартина, такъ что долото разрѣзало только руку, изъ которой тотчасъ полилась кровь. Мартинъ, будучи толстъ и неповоротливъ, потерялъ равновѣсіе, и черезъ верстакъ, гдѣ работалъ одинъ ученикъ, повалился на землю. Тутъ всѣ бросились на разсвирѣпѣлаго Конрада, который махалъ по воздуху окровавленнымъ долотомъ и страшнымъ голосомъ кричалъ и ревѣлъ: » Въ преисподнюю его —въ преисподнюю! « Съ исполинскою силою оттолкалъ онъ всѣхъ отъ себя, и готовился нанести второй ударъ, который, безъ сомнѣнія, отправилъ-бы на тотъ свѣтъ бѣднаго Мартина, стонавшаго и заходившагося отъ кашля, лежа на землѣ; но вдругъ, блѣдная отъ страха, какъ смерть, Роза появилась въ дверяхъ мастерской. Конрадъ увидѣлъ Розу, будто окаменѣлый, мгновенно остановился съ высоко вверхъ поднятымъ долотомъ. Потомъ далеко отъ себя бросилъ онъ долото, всплеснулъ руками, вскричалъ такимъ голосомъ, который каждому проникъ прямо въ душу: » О милосер-

дый Боже! что сдѣлалъ я?« и бросился изъ мастерской въ поле. Никто не думалъ преслѣдовать его.

Теперь съ большимъ трудомъ подняли мейстера Мартина; оказалось, что долото попало только въ толстую мякоть руки, и рана была весьма легкая. Старика Г-на Гольцшуэра, котораго Мартинъ увлекъ за собою въ паденіи, также вытащили изъ-подъ щепокъ и стружекъ, и, сколько можно было, успокоили Мароиныхъ дѣтей, которыя безпрестанно кричали и плакали о добромъ батюшкѣ Мартинѣ. Послѣдній былъ перепуганъ, какъ не льзя больше, и говорилъ, что лишь-бы только проклятый работникъ не совсѣмъ испортилъ его прекрасную бочку; а объ ранѣ своей онъ вовсе и не думаетъ.

Для стариковъ принесли носилки, потому что и Гольцшуэръ нѣсколько расшибся въ паденіи. Онъ порицалъ ремесло, имѣющее нужду въ такихъ убійственныхъ инструментахъ, и заклиналъ Фрид-

риха, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, снова обратиться къ прекрасному литейному искуству, къ благороднымъ металламъ.

Фридрихъ, а съ нимъ и Рейнгольдъ, котораго сильно ударило обручемъ и который чувствовалъ себя какъ-бы размозженнымъ во всѣхъ членахъ, съ наступленіемъ позднихъ сумерекъ, съ неудовольствіемъ и досадою возвратились въ городъ. Тутъ, позади забора, услышали они легкіе вздохи и стоны. Они остановились, и вотъ высокаго росту человѣкъ всталъ съ земли; они тотчасъ узнали въ немъ Конрада, и со страхомъ отскочили назадъ. »Ахъ, любезные мои товарищи,« вскричалъ Конрадъ рыдающимъ голосомъ, »ради Бога, не пугайтесь—не пугайтесь меня!—Вы почитаете меня ненавистнымъ злодѣемъ! — ахъ, я не таковъ, я не таковъ — не льзя-же иначе! я долженъ-бы былъ убить этого толстаго мейстера, по настоящему, мнѣ-бы слѣдовало идти теперь съ вами и проучить его добрымъ порядкомъ! Но

нѣтъ—нѣтъ, все кончено, вы не увидите меня болѣе! — Поклонитесь прелестной Розѣ, которую люблю я чрезмѣрно! скажите ей, что я во всю жизнь буду носить на груди цвѣты ея, украшаться ими; если-жь я... впрочемъ, она, можетъ быть, скоро услышитъ обо мнѣ. Прощайте, прощайте, мои любезные, добрые мои товарищи!« Сказавъ это, Конрадъ со всѣхъ ногъ пустился въ поле.

Рейнгольдъ сказалъ: »Съ этимъ молодымъ человѣкомъ происходитъ что нибудь особенное; мы не можемъ судить о немъ, не можемъ мѣрить его обыкновеннымъ масштабомъ. Въ послѣдствіи, можетъ быть, откроется тайна, тяготившая грудь его.

РЕЙНГОЛЬДЪ ОСТАВЛЯЕТЪ ДОМЪ МЕЙСТЕРА МАРТИНА.

Какъ весело было прежде въ мастерской мейстера Мартина, такъ печально сдѣлалось въ ней теперь. Рейн-

гольдъ, будучи не въ состояніи работать, сидѣлъ въ своей комнатѣ; Мартинъ, съ перевязкою на раненной рукѣ, беапрестанно сѣтовалъ и бранился на несчастный случай, виною котораго былъ ненавистный посторонній работникъ. Роза, даже Г-жа Марѳа съ дѣтьми своими, боялись того мѣста, гдѣ происходила неистовая ссора, и такимъ образомъ, глухо и пусто, какъ будто въ уединенномъ лѣсу во время зимней рубки дровъ, раздавалась работа Фридриха, который, не безъ труда, теперь одинъ долженъ былъ отдѣлывать большую бочку.

Скоро глубокая печаль наполнила душу Фридриха, потому что теперь онъ ясно видѣлъ то, чего давно уже боялся. Онъ не сомнѣвался болѣе въ любви Розы къ Рейнгольду. Не только что и прежде всякая привѣтливость, всякое ласковое слово относились къ одному Рейнгольду, да и теперь было уже довольно доказательствъ, что Роза, такъ какъ Рейнгольдъ не приходилъ въ мастерскую, также не думала являться туда, и охот-

нѣе оставалась дома, для того чтобы усерднѣе ухаживать за возлюбленнымъ. Въ Воскресенье, когда всѣ веселились, когда мейстеръ Мартинъ, почти вылечившись отъ своей раны, приглашалъ его отправиться съ нимъ и съ Розою на городской лугъ, то онъ, отказываясь отъ приглашенія, убитый печалью и мучительною тоскою любви, уходилъ въ ту деревню, на тотъ холмъ, гдѣ онъ въ первый разъ встрѣтился съ Рейнгольдомъ. Онъ бросался на высокую, цвѣтистую траву, и когда помышлялъ о томъ, какъ прекрасная звѣзда надежды, свѣтившая ему въ продолженіе всего пути на родину, теперь, у самой цѣли, мгновенно погрузилась въ ночь, какъ всѣ поступки его похожи на безнадежное стремленіе мечтателя, который простираетъ тоскующія руки къ пустымъ воздушнымъ видѣніямъ, тогда слезы ручьемъ лились у него изъ глазъ, и дрожали цвѣты, которые преклоняли свои маленькія головки, какъ-бы жалуясь на жестокое страданіе молодаго человѣка.

Фридрихъ самъ не зналъ, какъ случилось, что глубокіе вздохи, вырывавшіеся изъ стѣсненной груди его, превратились въ слова и звуки.—Онъ запѣлъ слѣдующую пѣсню:

»Wo bist du hin
Mein Hoffnungsstern?
Ach mir so fern,
Bist du mit süssem Prangen
Andern aufgegangen!
Arhebt eush, rauschende Abendwinde,
Schlagt an die Brust,
Weckt alle tödtende Lust,
Allen Todesschmerz,
Dass das Herz,
Getränkt von blut'gen Thränen
Brech in trostlosem Sehnen.
Was lispelt ihr so linde,
So traulich, ihr dunkeln Bäume?
Was blickt ihr goldne Himmelssäume
So freundlich hinab?
Zeigt mir mein Grab!
Das ist mein Hoffnungshafen,
Werd' unten ruhig schlafen.

»Гдѣ ты, звѣзда моей надежды? Ахъ, далеко » отъ меня, ты взошла для другихъ со сладост- » нымъ блистаньемъ! Поднимайтесь, бушуй- » те, вечерніе вѣтры, ударяйте въ грудь мою,

» пробуждайте всю убійственную радость,
» всю смертельную тоску, такъ чтобъ
» сердце, упоенное кровавыми слезами, замер-
» ло въ тоскѣ безутѣшной! Что́ такъ тихо,
» такъ радушно нашёптываете вы мнѣ,
» темныя деревья? Что такъ привѣтно
» смотрите вы на меня, златые края неба?
» Укажите мнѣ мою могилу! Вотъ моя на-
» дежная пристань: тамъ спокойно буду
» спать я подъ землею!«

Какъ почти всегда случается, что глубочайшая печаль, если только она выражается словами и слезами, разрѣшается въ тихую грусть, что даже лучь надежды просвѣчиваетъ тогда въ душѣ, — такъ и Фридрихъ, окончивъ пѣсню, чувствовалъ себя чудесно подкрѣпленнымъ и ободреннымъ. Вечерніе вѣтры и темныя деревья, которые призывалъ онъ въ своей пѣсни, шумѣли и шептали, подобно утѣшительнымъ голосамъ, и какъ сладкія мечты о далекомъ радостномъ краѣ, о далекомъ блаженствѣ, золотыя полосы разстилались по мрачному небу. Фридрихъ всталъ и началъ сходить съ холма къ деревнѣ. Ему

казалось, будто Рейнгольдъ, какъ и тогда, когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ его, шелъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ припоминалъ всѣ слова, сказанныя въ то время Рейнгольдомъ. Но когда пришелъ ему на мысль разсказъ послѣдняго о двухъ друзьяхъ живописцахъ, то какъ будто оболочка спала съ глазъ его. Онъ не сомнѣвался уже въ томъ, что Рейнгольдъ гораздо прежде увидѣлъ и полюбилъ Розу; что одна эта любовь влекла его въ Нирнбергъ, въ домъ мейстера Мартина, и что подъ состязаніемъ двухъ живописцевъ разумѣлъ онъ не иное что, какъ стремленіе обоихъ ихъ, Рейнгольда и Фридриха, обладать рукою и сердцемъ прекрасной Розы. Фридрихъ снова слышалъ слова, сказанныя тогда Рейнгольдомъ: »Отважное, безъ всякой коварной хитрости состязаніе для полученія одной и той-же награды, вмѣсто того, чтобъ ссорить, должно соединять друзей крѣпкими сердечными узами; въ душахъ благородныхъ никогда не можетъ имѣть мѣста ни малодушная

зависть, ни адская ненависть.« — »Такъ,« громко вскричалъ Фридрихъ, »такъ, добрый другъ мой, безъ всякаго зазрѣнія хочу я прямо обратиться къ тебѣ самому, ты самъ долженъ сказать мнѣ, дѣйствительно-ли нѣтъ болѣе для меня надежды?« — Наступило уже утро, когда Фридрихъ постучался къ Рейнгольду въ комнату. Такъ какъ ему не было отвѣта, то онъ отворилъ дверь, которая, противъ обыкновенія, оставалась незапертою, и вошелъ въ комнату. Но въ тотъ-же самый мигъ остановился онъ, какъ окаменѣлый. Роза въ полномъ блескѣ всей красоты, всей прелести! — чудесный во весь ростъ портретъ стоялъ передъ нимъ на станкѣ, дивно освѣщаемый лучами утренняго солнца. Брошенная на столъ муштабель и мокрыя краски на палитрѣ доказывали, что этотъ портретъ былъ только-что написанъ. »О Роза, Роза — о Боже милосердый!« воскликнулъ со вздохомъ Фридрихъ. Тутъ Рейнгольдъ, который вошелъ вслѣдъ за нимъ, ударилъ его по

плечу и спросилъ, улыбаясь: »Ну, что скажешь, Фридрихъ, о моей картинѣ?« Фридрихъ прижалъ его къ груди своей и вскричалъ: »О ты, необыкновенный человѣкъ—ты, высокій художникъ! теперь все ясно для меня! — Ты, ты заслужилъ награду, для полученія которой и я, глупецъ, хотѣлъ состязаться съ тобою! Что̀ я въ сравненіи съ тобою, что̀ значитъ мое искуство въ сравненіи съ твоимъ? — Ахъ, я слишкомъ многаго надѣялся! — Не смѣйся надо мною, любезный Рейнгольдъ! — Вотъ видишь-ли, я думалъ, какъ чудесно было-бы вырѣзать и вылить изъ чистѣйшаго серебра прелестный образъ Розы; но это дѣтская игрушка; одинъ ты — ты — точь въ точь такъ, какъ она улыбается тебѣ въ сладостномъ блескѣ всей красоты своей! — Ахъ, Рейнгольдъ — Рейнгольдъ, ты счастливѣйшій изъ людей! — да! какъ ты сказалъ тогда, такъ оно дѣйствительно и есть! — Мы оба состязались, ты побѣдилъ, ты долженъ былъ побѣдить; и не

смотря на это, я вѣчно твой всею душою. Но мнѣ надобно оставить домъ, оставить родину, я не въ силахъ выносить этого болѣе; я долженъ погибнуть, если уже снова увидѣлъ Розу. Прости мнѣ это, любезный, достойный другъ мой. Нынче же — въ сію самую минуту я удалюсь отсюда — пойду по бѣлому свѣту, туда, куда повлечетъ меня тоска любви моей, мое безутѣшное бѣдствіе! « — Сказавъ это, Фридрихъ хотѣлъ выйдти изъ комнаты, но Рейнгольдъ удержалъ его, сказавъ тихимъ голосомъ: » Ты не долженъ удаляться отсюда, потому что все можетъ случиться иначе, нежели ты думаешь. Теперь время уже сказать тебѣ все, о чемъ молчалъ я до сихъ поръ. Ты видишь, что я не бондарь, а живописецъ, и, судя по портрету, надѣюсь, предоставишь мнѣ право полагать себя въ числѣ не ничтожныхъ художниковъ. Въ ранней юности я отправился въ Италію, землю Искуствъ; тамъ удалось мнѣ обратить на себя вниманіе великихъ ху-

дожниковъ, которые живительнымъ огнемъ питали искру, горѣвшую во мнѣ. Вотъ почему я скоро вошелъ въ славу, такъ, что мои картины сдѣлались знаменитыми во всей Италіи, и сильный Герцогъ Флоренціи призвалъ меня ко Двору своему. Тогда я вовсе не хотѣлъ знать Нѣмецкой живописи, и не видавши вашихъ картинъ, премного болталъ о сухости, о дурной рисовкѣ, о суровости вашего Дюрера, вашего Кранахе. Но въ то время случилось какъ-то, что нѣкто торгующій картинами принесъ въ Герцогскую галлерею небольшое изображеніе Мадонны стараго Альбрехта, которое чудеснымъ образомъ проникло мнѣ душу, такъ что я совершенно перемѣнилъ свой образъ мыслей о роскоши Итальянскихъ картинъ, и тотчасъ-же рѣшился ѣхать въ отечественную Германію, чтобы видѣть тѣ отличнѣйшія произведенія, къ которымъ стремился я теперь всею душою. Я пріѣхалъ сюда въ Нирнбергъ, и когда увидѣлъ Розу, со мною случилось то-же, что и съ

тобою, любезный Фридрихъ; все существо мое запылало яркимъ огнемъ любви. Я видѣлъ только Розу, объ ней одной помышлялъ я, все прочее не существовало для меня, и самое Искуство было мнѣ тѣмъ только драгоцѣнно, что я стократно могъ рисовать и живописать Розу. Я хотѣлъ сблизиться съ нею, прибѣгнувъ къ смѣлому Итальянскому обычаю, но всѣ старанія мои остались напрасными. Не было никакого средства пристойнымъ образомъ познакомиться съ домомъ мейстера Мартина. Наконецъ я рѣшился присвататься къ Розѣ, и тогда узналъ, что мейстеръ Мартинъ намѣренъ выдать дочь свою не за инаго кого, какъ только за искуснаго бондаря. Тутъ я принялъ странное намѣреніе выучиться въ Стразбургѣ бочарному ремеслу, и потомъ приняться въ работники къ мейстеру Мартину. Остальное предоставилъ я волѣ Божіей. Тебѣ извѣстно, какъ выполнилъ я свое намѣреніе, но ты долженъ узнать еще, что нѣсколько дней тому назадъ мейстеръ

Мартинъ говорилъ мнѣ, что я со временемъ сдѣлаюсь искуснымъ бондаремъ, и онъ съ удовольствіемъ наречетъ меня своимъ любезнымъ, дорогимъ зятемъ, потому что явно замѣчаетъ мою любовь къ Розѣ и ея склонность ко мнѣ. « — » Да могло-ли и быть иначе?« вскричалъ Фридрихъ въ сильномъ мученіи; » такъ, такъ, Роза будетъ твоею, и какъ могъ я, несчастнѣйшій, надѣяться такого счастія?« — » Ты забываешь, любезный братъ, « подхватилъ Рейнгольдъ, » что сама Роза вовсе не подтвердила еще того, что̀ замѣчаетъ хитрый мейстеръ Мартинъ. Правда, что до сихъ поръ Роза мило и привѣтливо обращалась со мною, но совершенно иначе обнаруживается любящее сердце! — Дай мнѣ слово, любезный другъ, еще три дня быть спокойнымъ и по прежнему работать въ мастерской. Теперь я также могъ-бы работать, но съ тѣхъ поръ, какъ усерднѣе сталъ писать этотъ портретъ, получилъ невыразимое отвращеніе къ пошлому бочарному ремеслу.

Я уже не въ состояніи взять колотушку въ руки, что-бы изъ того ни вышло. На третій день я откровенно скажу тебѣ, въ какомъ отношеніи находимся мы съ Розою. Если я въ самомъ дѣлѣ счастливѣйшій, если Роза любитъ меня, то ты долженъ удалиться и испытать, что время изцѣляетъ и глубочайшія раны! « Фридрихъ далъ слово ожидать рѣшенія судьбы своей.

Теперь Фридрихъ тщательно избѣгалъ всякой встрѣчи съ Розою. На третій день сердце затрепетало у него отъ страха и боязливаго ожиданія. Онъ какъ въ бреду расхаживалъ по мастерской, и его небрежность безпрестанно подавала поводъ мейстеру Мартину ворчать и браниться, чего прежде вовсе не было въ его характерѣ. Вообще съ мейстеромъ Мартиномъ, по видимому, приключилось нѣчто такое, что лишало его всякой радости. Онъ много говорилъ о презрительной хитрости и о неблагодарности, не высказывая явно, что разумѣлъ онъ подъ этимъ. Когда

наконецъ наступилъ вечеръ и Фридрихъ возвращался въ городъ, то неподалеку отъ городскихъ воротъ встрѣтилъ онъ всадника, въ которомъ узналъ Рейнгольда. Лишь только послѣдній увидѣлъ Фридриха, какъ и вскричалъ: » А! ну вотъ я нашелъ тебя тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось.« Потомъ соскочилъ онъ съ лошади, обвилъ поводья около руки и взялъ друга за руку. »Пройдемъ,« сказалъ онъ, »нѣсколько шаговъ вмѣстѣ. Теперь я могу сказать тебѣ, что сталось съ моею любовью.« Фридрихъ примѣтилъ, что Рейнгольдъ одѣтъ былъ точно такъ-же, какъ и при первой встрѣчѣ ихъ, а дорожная сумка привязана была на лошади. Самъ онъ былъ блѣденъ и встревоженъ. «Будь счастливъ,« вскричалъ Рейнгольдъ съ нѣкоторымъ изступленіемъ, »будь счастливъ, любезный другъ; теперь ты сколько угодно можешь сколачивать свои бочки, я даю тебѣ просторъ; сей часъ только простился я съ прекрасною Розою и мейстеромъ Мартиномъ.«—»Какъ!«

сказалъ Фридрихъ, у котораго какъ будто электрическій лучь пробѣжалъ по всѣмъ членамъ; »ты хочешь удалиться, тогда какъ мейстеръ Мартинъ желаетъ имѣть тебя своимъ зятемъ и Роза любитъ тебя?« — »Въ этомъ, любезный братъ,« возразилъ Рейнгольдъ, »ты ослѣплялся только ревностью. Теперь, какъ день, ясно, что Роза избрала-бы меня мужемъ единственно изъ повиновенія, но въ ледяно-холодномъ сердцѣ ея нѣтъ ни одной искры любви. Ха, ха, ха! я могъ-бы со временемъ сдѣлаться искуснымъ бондаремъ. По буднямъ скоблить обручи, да стругать доски въ мастерской, по Воскресеньямъ ходить съ почтенною хозяюшкою слушать обѣдню въ церковь Св. Екатерины, или св. Себальда, а вечеромъ отправиться на городской лугъ, и такимъ образомъ годъ за годъ—годъ за годъ.« — »Не издѣвайся,« прервалъ Фридрихъ громко засмѣявшагося Рейнгольда, »не издѣвайся надъ простою, спокойною жизнію добраго гражданина. Если Роза дѣйствительно не

любитъ тебя, то она не виновата въ этомъ; но ты такъ гнѣвенъ, такъ неукротимъ!« — »Ты правъ,« сказалъ Рейнгольдъ, »я точно имѣю глупое обыкновеніе шумѣть какъ избалованный ребенокъ, какъ скоро чувствую себя оскорбленнымъ. Ты, разумѣется, уже предполагаешь, что я говорилъ съ Розою о любви своей, о добромъ ко мнѣ расположеніи отца ея. Вдругъ слезы брызнули у нея изъ глазъ, рука ея дрожала въ моихъ. Отворотивъ лице, она прошептала: »Вѣдь надобно-же повиноваться волѣ батюшки.« Этого было уже довольно. Мучительная досада моя вполнѣ открываетъ тебѣ мою душу, ты долженъ видѣть, что стремленіе обладать Розою была одна мечта, произведенная моимъ обманчивымъ чувствомъ. Окончивъ портретъ Розы, я сдѣлался внутренно спокойнымъ, и не рѣдко весьма страннымъ образомъ мнѣ представлялось, будто Роза превратилась въ портретъ, а портретъ въ дѣйствительную Розу. Ничтожное реме-

сло сдѣлалось мнѣ отвратительнымъ; слишкомъ простая жизнь—если-бъ я сдѣлался мейстеромъ и женился — отталкивала меня отъ себя, и мнѣ казалось, что я буду засаженъ въ темницу и прикованъ къ цѣпи. Да и можетъ ли идеалъ, который ношу я въ груди своей, сдѣлаться моею женою? нѣтъ! въ вѣчной юности, красотѣ и прелести должна она блистать въ тѣхъ дивныхъ произведеніяхъ, которыя создастъ восторженный духъ мой. Ахъ, всею душою стремлюсь я къ этому! да и могъ-ли я отказаться отъ божественнаго искусства!« — Друзья пришли къ тому мѣсту, гдѣ дорога, по которой хотѣлъ ѣхать Рейнгольдъ, поворачивала влѣво. »Здѣсь мы разстанемся,« вскричалъ Рейнгольдъ; долго, крѣпко прижималъ онъ Фридриха къ груди своей, бросился на лошадь и ускакалъ. Безмолвно, пристально смотрѣлъ ему вслѣдъ Фридрихъ, и потомъ, волнуемый самыми необыкновенными чувствами, возвратился домой.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ФРИДРИХЪ ИЗГОНЯЕТСЯ ИЗЪ МАСТЕРСКОЙ МЕЙСТЕРА МАРТИНА.

На другой день мейстеръ Мартинъ съ досадою на лицѣ и въ молчаніи трудился надъ большою бочкою для Бамбергскаго Епископа, да и Фридрихъ, который теперь только со всею горестью чувствовалъ разлуку съ Рейнгольдомъ, не могъ вымолвить ни слова, а еще менѣе пѣть пѣсни. Наконецъ Мартинъ бросилъ колотушку въ сторону, сложилъ накрестъ руки и сказалъ тихимъ голосомъ: »Вотъ и Рейнгольдъ уѣхалъ отъ насъ — онъ былъ отличный живописецъ, и поставилъ меня въ дураки своимъ бочарнымъ ремесломъ. — Если-бъ я могъ предвидѣть это! когда онъ вмѣстѣ съ тобою пришелъ ко мнѣ въ домъ, такъ ловко притворясь бондаремъ — то я умѣлъ-бы указать ему двери. Какое простодушное, благородное лице, и сколько лжи и обмана внутри! Но его ужь нѣтъ, а ты, надѣюсь,

неизмѣнно и прямодушно будешь жить со мною, посвящая себя ремеслу своему. Кто знаетъ, какимъ образомъ мы еще ближе сойдемся съ тобою? Если ты сдѣлаешься исправнымъ бондаремъ и Роза охотно—ну, да ты понимаешь меня, старайся только пріобрѣсть благосклонность Розы,« — Тутъ онъ опять взялъ колотушку въ руки и принялся усердно работать. Самъ Фридрихъ не зналъ, какъ случилось, что слова Мартина раздирали ему грудь, что необыкновенная тоска наполнила его и омрачила всякое мерцаніе надежды. Роза, по прошествіи многаго времени, снова явилась въ мастерской, но глубоко погруженная въ самое себя и, какъ замѣтилъ Фридрихъ къ своему мученію, съ заплаканными глазами. »Она плакала о немъ, стало быть она любитъ его,« сказалъ онъ въ душѣ своей, и не могъ обратить взора на ту, которую любилъ онъ такъ невыразимо.

Большая бочка была готова, и теперь только, разсматривая удачную ра-

боту, мейстеръ Мартинъ снова сдѣлался веселъ и разговорчивъ. »Да, любезный сынъ мой,« сказалъ онъ, хлопнувъ Фридриха по плечу, »дѣло все таки въ томъ, что если тебѣ удастся пріобрѣсть благосклонность Розы и сдѣлать отличную бочку, то ты будешь моимъ зятемъ. Потомъ ты можешь вступить въ благородное общество мейстерзингеровъ и войдти въ большую честь и славу.«

Теперь у мейстера Мартина накопилось чрезвычайно много работы, такъ что онъ долженъ былъ взять двухъ работниковъ, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, но вовсе необразованныхъ и совершенно избалованныхъ въ продолжительномъ странствованіи. Вмѣсто пріятнаго, забавнаго разговора, въ мастерской Мартина слышны были теперь пошлыя шутки, вмѣсто пріятнаго Фридрихова и Рейнгольдова пѣнія, отвратительныя, непристойныя пѣсни. Роза не являлась болѣе въ мастерскую, такъ что Фридрихъ изрѣдка и мимоходомъ видѣлся съ

нею. Если иногда и смотрѣлъ онъ на нее съ мрачною тоскою, если и говорилъ ей, вздыхая: »Ахъ, милая Роза, если-бъ я по прежнему могъ говорить съ вами, если-бъ вы такъ-же были ласковы, какъ и въ то время, когда Рейнгольдъ былъ еще съ нами,« то она стыдливо опускала глаза, и говорила тихимъ шепотомъ: »Развѣ вы хотите мнѣ что́ нибудь сказать, любезный Фридрихъ?«—Какъ бы остолбенѣлый, не будучи въ силахъ вымолвить ни слова, стоялъ передъ нею Фридрихъ, и прекрасное мгновеніе улетало съ быстротою молніи, блистающей на зарѣ вечерней и исчезающей, тогда какъ едва только примѣтишь ее.

Теперь мейстеръ Мартинъ настаивалъ, чтобы Фридрихъ принимался за свою образцовую работу. Онъ самъ выбралъ лучшее, чистѣйшее дубовое дерево, безъ всякихъ жилъ и разводовъ, которое уже болѣе пяти лѣтъ находилось въ запасномъ анбарѣ, и никто не долженъ былъ помогать Фридриху во время работы,

кромѣ старика Валентина. Между тѣмъ бочарное ремесло, по причинѣ двухъ необразованныхъ товарищей, становилось часъ отъ часу непріятнѣе для Фридриха, и у него сердце обливалось кровью, какъ скоро онъ помышлялъ, что предпринимаемая имъ образцовая работа на всегда рѣшитъ судьбу его жизни. Необыкновенная тоска, наполнявшая его въ то время, когда мейстеръ Мартинъ изъявлялъ надежду на его неизмѣнную преданность ремеслу, становилась теперь часъ отъ часу мучительнѣе. Онъ зналъ, что ему надобно погибнуть въ томленіи за такимъ ремесломъ, которое существенно противилось душѣ его, полной стремленія къ искуству. Рейнгольдъ и портретъ Розы не выходили у него изъ головы. Его искуство снова являлось ему въ полномъ блескѣ. Часто, когда раздирающее чувство своего ничтожнаго занятія овладѣвало имъ, подъ предлогомъ болѣзни, уходилъ онъ изъ дому въ церковь Св. Себальда. Тамъ по цѣлымъ часамъ разсматривалъ онъ дивный памят-

никъ Петра Фишера, и восклицалъ, какъ бы внѣ себя отъ восторга: »О Боже, Царь Небесный, постигнуть—исполнить такое твореніе, можетъ-ли что нибудь еще быть прекраснѣе на землѣ?« Потомъ, когда онъ долженъ былъ возвратиться къ своимъ доскамъ и обручамъ, когда помышлялъ, что этимъ только способомъ можетъ онъ достигнуть до обладанія Розою, то ему казалось, будто огненные когти вцѣплялись въ его обливающееся кровью сердце, и онъ долженъ былъ погибнуть въ ужаснѣйшемъ мученіи. Во снѣ часто являлся ему Рейнгольдъ, и приносилъ дивные рисунки для литейной работы, въ которой чудеснымъ образомъ, то въ видѣ цвѣтка, то въ видѣ ангела съ крылышками, переплеталcя образъ Розы. Но тутъ чего-то не доставало, и онъ увидѣлъ, что Рейнгольдъ въ очеркѣ Розы забылъ сердце, которое онъ только-что теперь присовывалъ. Потомъ казалось, будто всѣ цвѣты и листья этого творенія сотрясались, издавая пѣніе и распространяя

сладостный запахъ, и благородные металлы въ блестящемъ зеркалѣ показывали ему изображенiе Розы, — будто онъ съ тоскующимъ желанiемъ простираетъ руки къ возлюбленной, — будто это изображенiе исчезаетъ какъ-бы въ мрачномъ туманѣ, и сама она, прелестная Роза, полная блаженнаго стремленiя, прижала его къ любящей груди своей. — Часъ отъ часу убiйственнѣе становилось его положенiе при несносной бочарной работѣ; тогда началъ онъ искать утѣшенiя и помощи у своего прежняго мейстера, Iоанна Гольцшуэра. Послѣднiй позволилъ, чтобы Фридрихъ занялся въ его мастерской небольшою работою, которую тотъ придумалъ и для которой давно уже копилъ получаемое отъ мейстера Мартина жалованье, съ тѣмъ чтобы купить нужное для этого серебро и золото. Вотъ почему Фридрихъ, котораго мертво-блѣдное лице заставляло вѣрить отговоркѣ, будто онъ одержимъ мучительною болѣзнiю, почти вовсе не работалъ въ мастерской; прошло уже нѣ-

сколько мѣсяцевъ, а онъ и не думалъ приниматься за образцовую работу, большую двухфудерную бочку. Мейстеръ Мартинъ довольно сурово замѣтилъ ему, чтобъ онъ работалъ, по крайней мѣрѣ, сколько позволятъ ему силы, и Фридрихъ принужденъ былъ снова стать на ненавистныя подмостки и взять долото и стругъ въ руки. Между тѣмъ какъ онъ работалъ, мейстеръ Мартинъ подошелъ къ нему, и посмотрѣлъ на обдѣланныя доски, но вдругъ весь покраснѣлъ и вскричалъ: »Что́ это такое? — Фридрихъ, что́ это за работа! — Кто обдѣлывалъ эти доски: работникъ-ли, который хочетъ быть мейстеромъ, или безтолковый ученикъ, дня съ три назадъ тому пришедшій въ мастерскую? — Фридрихъ, образумься! какой нечистый духъ вселился въ тебя и помыкаетъ тобою? — Вотъ мое прекрасное дубовое дерево, вотъ твоя образцовая работа! ахъ ты безталантный, безумный товарищъ! «— Фридрихъ, терзаемый всѣми мученіями ада, которыя пылали въ

немъ, не могъ болѣе удерживаться, далеко отъ себя бросилъ долото и вскричалъ: » Мейстеръ! — теперь все кончено — нѣтъ, хоть бы то стоило мнѣ жизни, хоть бы погибъ я въ несказанномъ бѣдствіи — я не въ силахъ болѣе — не въ силахъ отправлять ненавистное ремесло, потому что меня непреодолимою силою влечетъ къ моему дивному искусству. Ахъ, я невыразимо люблю вашу Розу, люблю такъ, какъ никто на свѣтѣ любить не можетъ — для нея только занимался я здѣсь презрѣнною работою — теперь я лишился ея, знаю, что тоска по ней скоро преодолѣетъ меня, но иначе не возможно; я снова обращаюсь къ своему чудесному искусству, иду къ своему прежнему, достойному мейстеру Іоанну Гольцшуэру, котораго постыдно оставилъ я. « Глаза мейстера Мартина засверкали, какъ пылающія свѣчи. Едва будучи въ состояніи говорить отъ ярости, вскричалъ онъ прерывающимся голосомъ: » Какъ? — и ты? — Ложь и обманъ? издѣваться надо мною — презрѣнное ре-

месло? — бочарная рабоша? — Прочь съ глазъ моихъ, безсшыдный шоварищъ — прочь — вонъ изъ дому! « Тушъ мейсшеръ Маршинъ схвашилъ за плеча бѣднаго Фридриха, и вытолкалъ его изъ масшерской. Издѣвающійся хохошъ грубыхъ рабошниковъ и учениковъ раздался вслѣдъ за нимъ. Только сшарикъ Валеншинъ сложилъ руки, задумчиво посмошрѣлъ впередъ, и сказалъ: » Давно замѣшилъ я, что добрый шоварищъ нашъ занятъ чѣмъ-шо болѣе возвышеннымъ, нежели наши бочки. « Г-жа Мароа горько плакала, а дѣши ея кричали и вопили по Фридрихѣ, который ласково игралъ съ ними и не рѣдко приносилъ имъ хорошія лакомсшва.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какъ ни былъ ожесшоченъ мейсшеръ Маршинъ прошивъ Рейнгольда и Фридриха, но въ душѣ своей долженъ былъ сознашься, что вмѣсшѣ съ ними исчезла вся радосшь, все веселье въ масшерской

его. Отъ новыхъ работниковъ ежедневно испытывалъ онъ только досаду и огорченіе. Ему надлежало заботиться о всякой бездѣлицѣ, и съ трудомъ достигалъ онъ, чтобы самая малѣйшая работа удавалась по его мысли. Обремененный дневными заботами, онъ часто говорилъ самому себѣ, вздыхая: »Ахъ Рейнгольдъ, ахъ Фридрихъ, еслибъ вы не обманули меня такъ безстыдно, если-бъ вы остались исправными бондарями!« Дошло до того, что онъ не рѣдко боролся съ мыслію совершенно прекратить всю работу.

Въ такомъ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ онъ однажды вечеромъ въ своемъ домѣ, какъ вдругъ, вовсе неожиданно, вошелъ Г-нъ Яковъ Паумгартнеръ, а съ нимъ и мейстеръ Іоаннъ Гольцшуэръ. Онъ замѣтилъ, что рѣчь непремѣнно зайдетъ о Фридрихѣ, и въ самомъ дѣлѣ Г-нъ Паумгартнеръ очень скоро завелъ о немъ разговоръ, а мейстеръ Гольцшуэръ тотчасъ потомъ началъ осыпать юношу всевозможными похвалами. Онъ

говорилъ, что при такомъ прилежаніи, при такихъ дарованіяхъ, Фридрихъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается не только отличнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, но и превосходнымъ литейщикомъ изображеній, точь въ точь слѣдуя по стопамъ Петра Фишера. Теперь Г-нъ Паумгартнеръ сталъ сильно порицать недостойный поступокъ, оказанный мейстеромъ Мартиномъ своему бѣдному работнику, и оба начали настаивать, чтобы онъ, если Фридрихъ сдѣлается отличнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и литейщикомъ изображеній, выдалъ за него Розу, какъ скоро она имѣетъ склонность къ проникнутому пламенною любовью Фридриху. Мейстеръ Мартинъ внимательно слушалъ обоихъ, потомъ скинулъ свою шапочку и сказалъ, улыбаясь: »Вы, милостивѣйшіе государи, усердно вступаетесь за бывшаго моего работника, который постыднымъ образомъ обманулъ меня. Но я прощаю ему это, между тѣмъ не думайте, чтобы для него перемѣнилъ я свое твердое намѣреніе; на

этотъ разъ объ Розѣ вовсе нечего и говоритъ.« Въ эту минуту, какъ смерть блѣдная, съ заплаканными глазами, вошла Роза, и молча поставила на столъ вино и рюмки. »И такъ,« началъ Г-нъ Гольцшуэръ, »по неволѣ долженъ я согласиться съ Фридрихомъ, который навсегда хочетъ покинуть свою родину. Онъ сдѣлалъ у меня прекраснѣйшую вещь, которую, если только вы позволите, любезный мейстеръ, намѣренъ онъ въ знакъ памяти поднести вашей Розѣ; посмотрите-ка.« Тутъ мейстеръ Гольцшуэръ вынулъ изъ кармана маленькій, съ отличнымъ искуствомъ сдѣланный серебряный бокалъ, и подалъ его мейстеру Мартину, который, будучи большимъ любителемъ красивыхъ приборовъ, взялъ его и съ удовольствіемъ разсматривалъ со всѣхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно было гдѣ нибудь видѣть болѣе изящную серебряную работу, нежели этотъ маленькій серебряный сосудъ. Красивыя гирлянды въ видѣ виноградныхъ листьевъ и розъ переплетались

вокругъ; изъ розъ, изъ распускающихся почекъ выглядывали прекрасныя птички, такъ какъ и внутри, на позолоченномъ днѣ, выгравированы были прелестно ласкающія другъ друга птички. Если-жъ наливали въ бакалъ свѣтлаго вина, то казалось, будто птички, премило играя, погружались и снова всплывали. »Этотъ сосудецъ,« сказалъ мейстеръ Мартинъ, »въ самомъ дѣлѣ, прекрасно сдѣланъ, и я охотно оставилъ бы его за собою, если-бы Фридрихъ чистымъ золотцомъ взялъ съ меня двойную цѣну за свою работу.« Говоря это, мейстеръ Мартинъ наполнилъ бокалъ и поднесъ его ко рту. Въ сію самую минуту тихо отворилась дверь, и Фридрихъ, на мертво-блѣдномъ лицѣ котораго выражалась убійственная горесть вѣчной разлуки съ обожаемымъ предметомъ, вошелъ въ комнату. Лишь только Роза увидѣла его, какъ и закричала громкимъ, раздирающимъ душу голосомъ. »О мой милый Фридрихъ!« и замертво бросилась къ нему на грудь. Мейстеръ Мар-

тинъ поставилъ бокалъ на столъ и, увидѣвъ Розу въ объятіяхъ Фридриха, вытаращилъ глаза, какъ будто ему явилось привидѣніе. Потомъ молча взялъ онъ бокалъ и посмотрѣлъ въ него. Тутъ онъ вскочилъ со стула и вскричалъ громкимъ голосомъ: »Роза — Роза, любишь-ли ты Фридриха?« — »Ахъ,« тихо отвѣчала Роза, »я люблю его какъ жизнь свою; у меня чуть было не разорвалось сердце, когда вы прогнали его.« — »Такъ обними-же свою невѣсту, Фридрихъ — да, да, свою невѣсту,« вскричалъ мейстеръ Мартинъ. Паумгартнеръ и Гольцшуэръ, совершенно смущенные отъ изумленія, взглянули другъ на друга; но мейстеръ Мартинъ, держа бокалъ въ рукахъ, продолжалъ: »О Боже, Царь Небесный, ну, не сбылось-ли предсказаніе старушки? *Блестящій домикъ принесетъ онъ, душистые потоки льются въ немъ*, милые птенчики радостно поютъ — *домикъ съ золотымъ убранствомъ принесетъ онъ въ домъ, ты сладостно обнимешь его, не должна*

спрашивать у отца милъ-ли тебѣ женихъ. О я ослѣпленный глупецъ! — Вотъ блестящій домикъ, птички — женихъ — гей, гей, господа, теперь все хорошо, зять мой нашелся!«

Если когда нибудь убійственный сонъ смущалъ чью душу, такъ, что тотъ человѣкъ думалъ уже видѣть себя въ мрачной могилѣ; вдругъ онъ пробуждается среди свѣтлой весны, полной благоуханія, солнечнаго сіянія и пѣнія, и та, которую обожаетъ онъ, пришла и обнимаетъ его, и онъ смотритъ на свѣтлое небо ея прелестнаго взора, — если съ кѣмъ нибудь случалось это, тотъ пойметъ, что̀ происходило въ душѣ Фридриха, тотъ постигнетъ всю полноту его блаженства. Не въ силахъ будучи вымолвить ни слова, держалъ онъ Розу въ своихъ объятіяхъ, какъ-бы никогда не желая выпустить ее, пока сама она тихо не высвободилась отъ него и не подвела его къ отцу. Тогда онъ вскричалъ: »О мой любезный мейстеръ, дѣйствительно-ли это такъ? — Вы от-

даете за меня Розу, и я могу посвятить себя своему искуству?« — »Да, да,« сказалъ мейстеръ Мартинъ, »будь въ томъ увѣренъ, любезный другъ; да и могу-ли я поступить иначе, какъ скоро ты исполнилъ предсказаніе старой моей бабки? — Образцовая работа пусть останется въ покоѣ.« Тутъ Фридрихъ, просвѣтленный блаженствомъ, улыбнулся и сказалъ: »Нѣтъ, любезный мейстеръ, если вамъ угодно, то я съ радостью и бодростью сдѣлаю свою образцовую бочку, какъ послѣднюю бочарную работу, а потомъ обращусь къ плавильному горнилу.« — »О любезный, добрый сынъ мой,« вскричалъ мейстеръ Мартинъ, у котораго глаза искрились радостью, »такъ, сдѣлай свою образцовую бочку, и потомъ съиграемъ свадьбу.«

Фридрихъ честнымъ образомъ сдержалъ слово: онъ сдѣлалъ двухфудерную бочку, и всѣ мейстеры объявили, что не такъ-то легко сдѣлать вещь красивѣе этой, чему мейстеръ Мартинъ искренно радовался, и вообще говорилъ,

что провидѣніе Божіе послало ему зятя, какого лучше и желать не возможно.

Наконецъ наступилъ день свадьбы; Фридрихова образцовая бочка, наполненная благороднымъ виномъ и увѣнчанная цвѣтами, поставлена была въ сѣняхъ; прибыли съ своими супругами мейстеры бочарнаго ремесла, между которыми первое мѣсто занималъ Ратсгеръ Яковъ Паумгартнеръ; вслѣдъ за ними явились и господа золотыхъ дѣлъ мастера. Поѣздъ собирался уже отправиться въ церковь Св. Себальда, гдѣ надлежало совершиться бракосочетанію Фридриха съ Розою, какъ вдругъ на улицѣ раздались звуки трубъ, и передъ домомъ Мартина заржали и затопотали лошади. Мейстеръ Мартинъ поспѣшно вышелъ на балконъ. Вдругъ передъ домомъ остановился Г-нъ Гейнрихъ фонъ Шпангенбергъ, въ блестящей праздничной одеждѣ, а нѣсколько шаговъ позади него, на бодромъ конѣ, молодой, величавый рыцарь, со свѣтлымъ мечемъ на боку, съ разно-

цвѣтными перьями на украшенномъ лучезарными каменьями баретѣ. Возлѣ рыцаря Г-нъ Мартинъ увидѣлъ прекраснѣйшую собою даму, также роскошно одѣтую, на иноходцѣ, котораго шерсть уподоблялась только-что выпавшему снѣгу. Пажи и служители въ разноцвѣтныхъ, блестящихъ кафтанахъ, составляли около нихъ полукружіе. Трубы умолкли, и старикъ Г-нъ фонъ Шпангенбергъ воскликнулъ: »Гей, гей! мейстеръ Мартинъ, не для вашего виннаго погреба, не для вашихъ золотыхъ кругляшекъ пріѣхалъ я, но по случаю свадьбы вашей Розы; угодно-ли вамъ принять меня, любезный мейстеръ?« Мартинъ очень хорошо припомнилъ слова свои, не много устыдился, и поспѣшилъ внизъ принять Г-на помѣщика. Старикъ сошелъ съ лошади и, кланяясь, вошелъ въ домъ. Подскакали пажи, и на ихъ рукахъ дама спустилась съ лошади, рыцарь подалъ ей руку и послѣдовалъ за Г-мъ Шпангенбергомъ. Но лишь только Мартинъ увидѣлъ молодаго рыцаря, какъ

и отскочилъ шага на три назадъ, всплеснулъ руками и вскричалъ: »Боже, Царь Небесный! — Конрадъ!« — Рыцарь сказалъ улыбаясь: »Такъ дѣйствительно, любезный мейстеръ, я вашъ работникъ Конрадъ. Не сѣтуйте на меня за рану, которую нанесъ я вамъ. Собственно мнѣ-бы слѣдовало — убить васъ, любезный мейстеръ, согласитесь съ этимъ; но теперь въ дѣлѣ вышелъ совсѣмъ иной оборотъ.« Мейстеръ Мартинъ примѣтно смѣшался и возразилъ, что все-таки лучше было для него остаться въ живыхъ; что-жь касается до легкаго оцарапленья руки его долотомъ, то онъ вовсе и не заботился объ этомъ. Теперь, когда мейстеръ Мартинъ съ новыми гостями вошелъ въ ту комнату, гдѣ вмѣстѣ съ прочими находились женихъ и невѣста, всѣ пришли въ радостное изумленіе отъ прекрасной дамы, которая до такой степени походила на милую невѣсту, что ихъ можно было принять за родныхъ сестеръ. Рыцарь съ благородною осанкою приблизился къ

невѣстѣ и сказалъ: »Позвольте, милая Роза, чтобы Конрадъ присутствовалъ при торжествѣ вашего бракосочетанія. Не правда-ли, вы не сердитесь болѣе на неукротимаго, безумнаго работника, который чуть было не сдѣлался виновникомъ величайшей для васъ горести?« — Но теперь, когда невѣста, женихъ и мейстеръ Мартинъ съ изумленіемъ и замѣшательствомъ поглядывали другъ на друга, старикъ Шпангенбергъ вскричалъ: »Постойте, постойте, я выведу васъ изъ недоумѣнія. Это мой сынъ Конрадъ, а вотъ его жена, такъ-же какъ и милая невѣста, по имени Роза. Вспомните-ка, мейстеръ Мартинъ, о нашемъ разговорѣ, когда я спросилъ васъ, откажете-ли вы и моему сыну въ рукѣ вашей дочери: на это имѣлъ я особенныя причины. Мой малый безъ ума влюбился въ вашу Розу, и заставилъ меня, не смотря ни на что, ѣхать къ вамъ сватомъ. Но когда я сказалъ ему, какъ несладко отподчивали вы меня; то онъ совершенно безумнымъ образомъ принял-

ся къ вамъ въ работники, съ тѣмъ чтобы пріобрѣсть благосклонность Розы и похитить ее у васъ. Но вы вылечили его добрымъ ударомъ по спинѣ! Благодарю васъ за это, а онъ послѣ встрѣтился съ одною благородною дѣвицею: она-то и была та самая Роза, которая собственно занимала его сердце съ самаго начала. «

Между тѣмъ дама съ прелестною кротостью привѣтствовала невѣсту и надѣла на нее богатое жемчужное ожерелье, какъ свадебный подарокъ. »Посмотри, милая Роза, « сказала она потомъ, взявъ въ руки и показывая совершенно засохшій букетъ прекрасныхъ цвѣтовъ, который красовался на груди ея; » посмотри, милая Роза, вотъ цвѣты, которые въ награду за побѣду нѣкогда дала ты моему Конраду; онъ съ вѣрностью хранилъ ихъ, пока не видалъ меня; тогда онъ сдѣлался тебѣ невѣренъ, и подарилъ ихъ мнѣ; не сердись на это!« Роза, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, стыдливо опустивъ глаза, сказала: »Ахъ,

милостивая государыня, зачѣмъ изволите вы говорить это? могъ-ли когда-либо Г-нъ помѣщикъ любить меня бѣдную дѣвушку? Вы однѣ были предметомъ любви его; а такъ какъ меня зовутъ также Розою, и я, какъ теперь здѣсь говорятъ, нѣсколько похожа на васъ, то онъ и удостоивалъ меня своей благосклонности, думая объ васъ однѣхъ.«

Поѣздъ въ другой разъ началъ уже приходить въ движеніе, какъ вошелъ одинъ юноша, весь одѣтый, на Итальянскій манеръ, въ черное полосатое бархатное платье, съ прекраснымъ кружевнымъ воротникомъ и богатою золотою почетною цѣпью на шеѣ: »О Рейнгольдъ! о мой Рейнгольдъ!« вскричалъ Фридрихъ, и бросился на грудь къ юношѣ. Невѣста и мейстеръ Мартинъ также радостно воскликнули: »Вотъ и Рейнгольдъ, нашъ добрый Рейнгольдъ!« — »Не говорилъ-ли я тебѣ, любезный другъ мой,« сказалъ Рейнгольдъ, пламенно обнимая Фридриха, »что все

кончится какъ не льзя лучше для тебя? Позволь мнѣ праздновать съ тобою день твоей свадьбы; издалека прiѣхалъ я сюда нарочно для этого, и въ знакъ вѣчнаго воспоминанiя, повѣшу у тебя въ домѣ картину, которую написалъ я и привезъ для тебя.« Тутъ онъ кого-то кликнулъ, и два служителя принесли большую картину въ роскошной золотой рамѣ, гдѣ изображенъ былъ мейстеръ Мартинъ въ мастерской съ своими работниками, Фридрихомъ и Рейнгольдомъ, въ томъ положенiи, когда они работаютъ большую бочку и прелестная Роза входитъ въ мастерскую. Всѣ пришли въ удивленiе отъ истины выраженiя и отъ роскоши красокъ этого превосходнаго произведенiя. »Вотъ видишь-ли,« сказалъ Фридрихъ улыбаясь, »вѣдь это твоя бочарная образцовая работа, а моя стоитъ тамъ въ сѣняхъ; но скоро и я представлю образецъ въ иномъ родѣ.« — »Я знаю все,« возразилъ Рейнгольдъ, »и увѣренъ въ твоемъ счастiи. Будь только вѣренъ своему искусству, кото-

рое болѣе можетъ сдружиться съ семейною жизнію, нежели мое искуство.«

— За свадебнымъ столомъ Фридрихъ сидѣлъ между обѣими Розами, а напротивъ его мейстеръ Мартинъ между Конрадомъ и Рейнгольдомъ. Г-нъ Паумгартнеръ наполнилъ Фридриховъ бокалъ до самыхъ краевъ благороднымъ виномъ, и выпилъ за здоровье мейстера Мартина и его отличныхъ работниковъ. Потомъ бокалъ пошелъ въ круговую, и сперва благородный господинъ Гейнрихъ фонъ Шпангенбергъ, а послѣ него всѣ почтенные мейстеры, по порядку, въ какомъ сидѣли они за столомъ, осушили бокалъ за здоровье мейстера Мартина и его отличныхъ работниковъ.

Когда Сильвестръ окончилъ чтеніе, то друзья согласились, что эта повѣсть достойна Серапіоновскаго клуба, и особливо хвалили свободный, естественный тонъ, господствующій въ ней.

»Ужели,« сказалъ Лотарій, »мнѣ опять придется быть судьей-посредникомъ. Но дѣлать нечего: я долженъ сказать, что Мейстеръ Мартинъ слишкомъ явно обнаруживаетъ свое происхожденіе, то есть, онъ обязанъ своимъ существованіемъ одной картинѣ. Сильвестръ, возбужденный картиною нашего отличнаго Кольбе, выставилъ изящную галлерею другихъ картинъ, хотя и разцвѣченныхъ живыми красками; но все таки это образы, которые никогда не могутъ быть полными характеристическаго движенія ситуаціями, какихъ требуетъ драматическій разсказъ. Конрадъ съ своею Розою, равно и Рейнгольдъ, являются напослѣдокъ для того только, чтобы придать болѣе прелести и блеска свадебному пиру Фридриха. Вообще, что́ касается до Конрада, то я—еслибы не зналъ твоего свободнаго направленія духа, Сильвестръ, еслибъ ты во всемъ разсказѣ своемъ съ успѣхомъ не старался быть вѣрнымъ и праводушнымъ — то я дѣйствительно подумалъ-бы, что ты

въ Конрадѣ своемъ хотѣлъ иронировать тѣ диковинныя лица, которыя, будучи смѣшеніемъ удальства, вѣжливости, варварства и чувствительности, играютъ главныя роли во многихъ изъ нашихъ новыхъ романовъ. Это люди, которые называютъ себя рыцарями, но образцы ихъ такъ-же рѣдки, какъ и тѣхъ Брамарбассовъ, которыхъ нѣкогда Фейтъ Веберъ и его преемники, безъ дальныхъ околичностей, раздробили въ прахъ.« — »Ты, о Сильвестръ, вывелъ на сцену все Берзерковское бѣшенство,« прервалъ Винентій друга, »впрочемъ, весьма удачно; однако-же вовсе не простительно, что ты позволилъ ударить бочарною доскою по истинно благородной спинѣ, и не допустилъ запечатлѣннаго синевицею рыцаря раскроить голову ничтожному драчуну. Послѣ ему слѣдовало бы попросить извиненія у раненнаго, или ужь поподчивать его такимъ таинственнымъ снадобьемъ, отъ котораго-бы у него въ мигъ свернулась голова, вразсужденіи чего онъ обнаружилъ въ по-

слѣдствіи отличное умѣнье! — Единственный человѣкъ, на котораго ты нѣкоторымъ образомъ можешь сослаться, есть знаменитый, мужественный рыцарь Донъ Кихотъ, который, не во вредъ своей храбрости, вѣжливости и своему великодушію, испыталъ чрезвычайно много побоевъ.«

»Критикуйте, осуждайте меня смѣло,« вкричалъ Сильвестръ засмѣявшись, »я отдаю себя въ ваши руки; но замѣчу вамъ только, что я нахожу утѣшеніе у милыхъ женщинъ, которымъ читалъ я своего мейстера Мартина и которыя насчетъ всѣхъ изображеній изъявили искреннее удовольствіе и осыпали меня похвалами.«

»Такія похвалы,« сказалъ Оттмаръ, »изъ прекрасныхъ устъ чрезвычайно увлекательны, и могутъ многихъ романтиковъ довести до всякаго рода необыкновенныхъ глупостей и самыхъ безумныхъ порывовъ въ литтературѣ. Если не ошибаюсь, то Лотарій обѣщалъ заключить нынѣшній вечеръ нашъ ка-

кимъ нибудь произведеніемъ своихъ фантастическихъ мечтаній.«

»Такъ дѣйствительно,« возразилъ Лотарій.« Вспомните, что я намѣренъ былъ написать другую сказку для дѣтей сестры моей, и менѣе роскошествовать въ фантастической заносчивости, быть проще, ребячественнѣе, нежели въ Человѣчкѣ-щелкушкѣ и Мышиномъ Королькѣ. Сказка готова — къ услугамъ вашимъ.«

Лотарій началъ чтеніе.

ЧУЖОЕ ДИТЯ.

Г-НЪ ФОНЪ БРАКЕЛЬ ВЪ БРАКЕЛЬГЕЙМЪ.

Былъ нѣкто дворянинъ, по имени Ѳаддей фонъ Бракель, и жилъ въ маленькой деревенькѣ Бракельгеймѣ, которую наслѣдовалъ онъ послѣ покойнаго отца своего, старика Г-на фонъ Бракеля и которая составляла все его имѣніе. Четыре крестьянина, кромѣ него жившіе

еще въ деревнѣ, называли его добрымъ бариномъ, не смотря на то, что онъ, подобно имъ, ходилъ съ небрежно причесанными волосами, и только по Воскресеньямъ, ѣдучи съ своею женою и обоими дѣтьми, Феликсомъ и Христлибою, къ обѣднѣ въ большое сосѣдственное село, вмѣсто толстой холщовой куртки, которую обыкновенно носилъ онъ, надѣвалъ тонкій зеленый сюртукъ и красный камзолъ съ золотыми галунами, что́ было ему очень къ лицу. Тѣже самые крестьяне, какъ скоро спрашивали у нихъ: »Куда идти мнѣ къ Г-ну фонъ Бракелю?« отвѣчали обыкновенно всякій разъ: »Все прямо, черезъ деревню, на холмъ, гдѣ стоятъ березы, тамъ за́мокъ добраго барина!« Но вѣдь всякому извѣстно, что за́мкомъ называется большое, высокое зданіе, со многими окнами и дверями, даже съ башнями и свѣтлыми флюгерами; всего этого вовсе не видно было на холмѣ съ березами; напро́тивъ, тамъ стоялъ низенькій домикъ съ немногими маленькими

окнами, который едва можно было разсмотрѣть прежде, нежели близко подойдешь къ нему. Но если случается, что иногда вдругъ останавливаешься передъ высокими дверями большаго зáмка, и обвѣваемый выходящимъ оттуда ледяно-холоднымъ воздухомъ, въ то время, какъ пристально смотрятъ на тебя мертвые взоры странныхъ каменныхъ статуй, которыя, какъ будто ужасные стражи, стоятъ прислонясь къ стѣнѣ, не имѣешь духу войдти туда, и гораздо охотнѣе поворачиваешь въ сторону, — то этого вовсе не льзя сказать о маленькомъ домѣ Г-на Ѳаддея фонъ Бракеля. Если уже и въ лѣсочкѣ, прекрасныя, стройныя березы, какъ бы для привѣтствія простертыми руками, ласково манили насъ своими густыми вѣтвями, если онѣ веселымъ шорохомъ и шелестомъ шептали намъ: »Добро пожаловать, добро пожаловать подъ нашу сѣнь!« то и подойдя къ дому, слышишь, кажется, милые голоса, сладостно звучащіе изъ зеркально-свѣтлыхъ оконъ, отвсюду, даже

изъ темныхъ густыхъ виноградныхъ лозъ, покрывающихъ стѣны до самой кровли: »Войди-же поскорѣе, любезный утомленный странникъ, здѣсь все прекрасно и гостепріимно!« То-же самое весело вторили изъ гнѣздъ своихъ чирикающія ласточки, а старый, видный собою аистъ умно и важно поглядывалъ съ трубы и говорилъ: »Вотъ уже много пріятныхъ лѣтъ, какъ я живу здѣсь въ теплое время, но лучшаго жилья не нахожу я на свѣтѣ, и если-бы могъ я преодолѣть врожденную мнѣ охоту къ странствіямъ, если-бы зимою не было здѣсь такъ холодно и дрова такъ дороги, никогда не тронулся бы я съ этого мѣста.« Такъ пріятенъ и прекрасенъ, хотя вовсе не зáмокъ, былъ домъ Г-на фонъ Бракеля.

ЗНАТНЫЕ ГОСТИ.

Г-жа фонъ Бракель встала однажды очень рано утромъ, и принялась готовить пирóгъ, на который употре-

била она гораздо болѣе миндалю и изюму, нежели на самый пирогъ въ день Пасхи, а потому-то и удался онъ несравненно лучше, нежели послѣдній. Между тѣмъ Г-нъ фонъ Бракель чистилъ и выхлопывалъ свой зеленый сюртукъ и свой красный камзолъ; Феликсъ и Христлиба надѣли также лучшее платье, какое только у нихъ было. »Вы не должны,« такъ говорилъ Г-нъ фонъ Бракель дѣтямъ, »бѣгать нынче по лѣсу, какъ прежде, но спокойно сидѣть въ комнатѣ, для того чтобы не замараться и не растрепаться, когда прiѣдетъ почтенный дядюшка!« — Солнце, свѣтлое и привѣтливое, вышло изъ-за тумана, и облило золотомъ окна; въ лѣсу шумѣлъ утреннiй вѣтеръ; зяблики, чижики и соловьи веселились одни передъ другими и разливались въ радостныхъ пѣсняхъ. Христлиба тихо и погруженная въ самое себя сидѣла у стола; то выправляла она банты изъ красныхъ лентъ на своемъ платьецѣ, то старалась прилежно вязать чулокъ, но на этотъ разъ работа

медленно подвигалась впередъ. Феликсъ, которому папенька далъ въ руки хорошенькую книжку съ картинками, смотрѣлъ черезъ нее на прекрасный березовый лѣсокъ, въ которомъ прежде онъ каждое утро часа два имѣлъ позволеніе бѣгать какъ только душѣ угодно. » Ахъ какъ тамъ хорошо, « говорилъ онъ про себя, вздыхая, и тутъ какъ будто на зло, большая дворная собака, которую звали Султаномъ, слегка лая и ворча, прыгала взадъ и впередъ подъ окномъ, отбѣгала на нѣсколько шаговъ къ лѣсу, опять возвращалась, и снова начинала ворчать и лаять, какъ-бы желая сказать маленькому Феликсу: » Зачѣмъ не идешь ты въ лѣсъ? что́ за охота сидѣть тебѣ въ душной комнатѣ? « Тутъ Феликсъ не могъ болѣе удерживать своего нетерпѣнія. » Ахъ, милая маменька, позволь мнѣ хоть шага на два выйдти въ поле! « вскричалъ онъ громко, но Г-жа фонъ Бракель возразила: » Нѣтъ, нѣтъ, сиди себѣ спокойно въ комнатѣ. Вѣдь я знаю, что́ дѣлается, когда ты выбѣга-

ешь въ поле, съ тобою ужь надобно отпустить и Христлибу, а тамъ прыгъ да прыгъ по кустамъ и по репейнику, да и на деревья! А тутъ придете домой разгорѣвшись и замаравшись; дядюшка-то скажетъ: »Что это за гадкія крестьянскія дѣти? Бракели не должны быть такими, ни малые, ни большіе.« Феликсъ, полный нетерпѣнія, щелкалъ пальцами по книгѣ, и сказалъ тихимъ голосомъ, между тѣмъ какъ слезы навернулись у него на глазахъ: »Если дядюшка станетъ говорить о гадкихъ крестьянскихъ дѣтяхъ, то онъ, вѣрно, не видалъ Фольрадова Петрушу и Гентшелеву Анлизу, или хоть и всѣхъ дѣтей у насъ въ деревнѣ; ужь я, право, не знаю, можно-ли найдти дѣтей прекраснѣе этихъ.« — »Кончено,« вскричала Христлиба, какъ бы вдругъ пробужденная отъ сна, »а развѣ Шульцова Грета также не хорошенькая дѣвочка, хотя у нея далеко нѣтъ такихъ прекрасныхъ ленточныхъ бантовъ, какъ у меня.«—»Не болтайте такихъ глупостей,« вскричала мать, нѣ-

сколько осердившись, »вы не поймете того, что скажетъ почтенный дядюшка.« — Всѣ дальнѣйшія представленія о томъ, какъ именно нынче весело въ лѣсочкѣ, не имѣли успѣха, Феликсъ и Христлиба должны были остаться въ комнатѣ, а это казалось имъ тѣмъ горестнѣе, что прекрасный пирогъ, который стоялъ на столѣ, распространялъ самый приманчивый запахъ, однако-же не прежде могъ быть разрѣзанъ, пока пріѣдетъ дядюшка. »Ахъ, если-бъ только онъ пріѣхалъ, если-бъ только наконецъ пріѣхалъ онъ!« Такъ вскричали дѣти, и чуть не заплакали отъ нетерпѣнія. Наконецъ послышался сильный лошадиный топотъ, и подъѣхала карета, которая была такъ свѣтла и украшена золотыми убранствами, что дѣти пришли въ величайшее удивленіе, потому что они никогда еще не видали подобнаго экипажа. Высокій, худощавый мужчина, поддерживаемый егеремъ, отворившимъ каретную дверцу, спустился прямо въ объятія Г-на фонъ Бракеля, къ щекамъ

котораго онъ дважды слегка прикоснулся своими, и тихо сказалъ: »Bon jour, любезный братецъ; пожалуйста безъ церемоніи.« Между тѣмъ егерь высадилъ изъ кареты еще одну небольшую толстую даму съ румяными щеками, и двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, и былъ такъ ловокъ въ своемъ дѣлѣ, что каждый, выходя изъ кареты, преспокойно становился на ноги. Теперь, когда всѣ они стояли у крыльца, явились Феликсъ и Христлиба; такъ какъ имъ натолковано было маменькой и папенькой—и тотъ и другая схватили руки у высокаго, худощаваго мужчины и, цѣлуя ихъ, сказали: »Какъ рады мы видѣть васъ, любезный, почтенный дядюшка!« Потóмъ то-же самое сдѣлали они съ руками небольшой толстой дамы, и сказали: «Какъ мы рады видѣть васъ, любезная, почтенная тетушка!« потомъ подошли они къ дѣтямъ, но остановились какъ вкопанные, потому что никогда еще не видали они такихъ дѣтей. На мальчикѣ было длинное широкое исподнее платье и

куртка ярко-краснаго сукна, вся ушитая золотыми снурками и галунами, и маленькая свѣтлая сабля на боку, а на головѣ странная красная шапка съ бѣлымъ перомъ, изъ подъ которой застѣнчиво выглядывалъ онъ своими мутными сонными глазами, будучи желтъ и блѣденъ лицемъ. На дѣвочкѣ хотя было такъ-же бѣлое платье, какъ и на Христлибѣ, но со множествомъ лентъ и кружевъ, да и волоса ея были какъ-то странно заплетены въ косы и остроконечно взвиты къ верху, гдѣ блистала свѣтлая коронка. Христлиба осмѣлилась, и хотѣла взять за руку маленькую дѣвочку, но послѣдняя тотчасъ отдернула свою руку, и состроила такое плаксивое, досадливое лице, что Христлиба не на шутку испугалась и отошла отъ нея. Феликсъ также хотѣлъ не много поближе посмотрѣть прекрасную саблю мальчика, и дотронулся до нея, но мальчикъ закричалъ: »Моя сабля, моя сабля, онъ хочетъ отнять у меня саблю,« подбѣжалъ къ худощавому мужчинѣ, и спря-

шался за него. Феликсъ покраснѣлъ отъ этого и сказалъ съ сердитымъ видомъ: »Да вѣдь я не хочу отнять у тебя саблю — глупый мальчикъ!« Послѣднія слова едва произнесъ онъ сквозь зубы, но Г-нъ фонъ Бракель все очень хорошо слышалъ, и казался весьма смущеннымъ отъ этого, потому что онъ пощупалъ пуговицы своего камзола и вскричалъ: »Эй, Феликсъ!« Толстая дама сказала: »Адельгундочка, Германъ, вѣдь дѣти ничего вамъ не сдѣлаютъ, не будьте такъ застѣнчивы.« Но худощавый мужчина сказалъ шепотомъ: »Они успѣютъ познакомиться,« взялъ подъ руку Г-жу фонъ Бракель, и повелъ ее въ домъ; за ними послѣдовалъ Г-нъ фонъ Бракель съ толстою дамою, за шлейфъ которой ухватились Адельгунда и Германъ. Христлиба и Феликсъ пошли позади. »Теперь станутъ рѣзать пирогъ,« шепнулъ Феликсъ на ухо сестрѣ своей. »Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ,« отвѣчала послѣдняя съ полною радостью. »Потомъ мы побѣжимъ и въ

лѣсъ, « продолжалъ Феликсъ. » А до эшихъ несносныхъ дѣшей какое намъ дѣло? « прибавила Христлиба. Феликсъ сдѣлалъ ловкій прыжокъ, и они вошли въ комнату. Адельгунда и Германъ не смѣли ѣсть пирога, потому что они, какъ говорили родители, не могли выносить такой пищи; вмѣсто этого дали имъ по маленькому сухарю, который изъ привезеннаго ящика вынулъ и принесъ для нихъ егерь. Феликсъ и Христлиба усердно уписывали большой кусокъ пирога, который дала имъ добрая маменька, и были веселы.

Что далѣе происходитъ при знатныхъ гостяхъ.

Худощавый мужчина, по имени Кипріанъ фонъ Бракель, былъ хотя и двоюродный братъ Г-на Ѳаддея фонъ Бракеля, но гораздо знатнѣе, нежели послѣдній. Потому что, имѣя титло Графа, онъ носилъ сверхъ того на всякомъ сюртукѣ и фракѣ, даже на всякомъ пу-

дермантелѣ, большую серебряную звѣзду. И потому, когда онъ за годъ передъ тѣмъ, совершенно одинъ, безъ толстой дамы, которая была жена его, и безъ дѣтей, на одинъ часъ заѣхалъ къ двоюродному брату своему, Ѳаддею фонъ Бракелю, Феликсъ спросилъ у него »Послушай-ка, любезный, почтенный дядюшка, да ужь не сдѣлался-ли ты Королемъ?« Дѣло въ томъ, что у Феликса въ книжкѣ съ картинками написанъ былъ Король съ такою-же точно звѣздою на груди, и такимъ образомъ онъ легко могъ подумать, что его дядюшка также сдѣлался Королемъ, имѣя подобный знакъ отличія. Въ то время дядюшка много смѣялся этому вопросу и отвѣчалъ: »Нѣтъ, мой дружочекъ, я не Король, но вѣрный слуга и Министръ Королевскій, то есть, я управляю многими людьми. Если-бъ ты принадлежалъ къ Графской линіи фонъ Бракелей, то со временемъ могъ-бы носить такую же звѣзду, какъ и я; но вѣдь ты не больше, какъ простой *фонъ*, а съ однимъ

этимъ не слишкомъ-то далеко уѣдешь.« Феликсъ вовсе не понялъ дядюшку, и Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель полагалъ, что это впрочемъ не нужно. Теперь дядюшка разсказалъ своей толстой супругѣ, какъ Феликсъ принялъ его за Короля, и она вскричала: »О милая, трогательная невинность!« Наконецъ и тотъ и другая, Феликсъ и Христлиба, должны были выйдти изъ угла, гдѣ они, смѣясь и улыбаясь, ѣли пирогъ. Маменька тотчасъ утерла имъ ротъ, около котораго было много крошечекъ пирога и остатковъ изюму, и такимъ образомъ подвела ихъ къ почтенному дядюшкѣ и почтенной тетушкѣ, которые, при громкихъ восклицаніяхъ: »О милая, прелестная природа! о сельская невинность!« поцѣловали ихъ и дали имъ въ руки по большому свертку. У Г-на Ѳаддея фонъ Бракеля и у супруги его слезы навернулись на глазахъ отъ такой милости знатныхъ родственниковъ. Между тѣмъ Феликсъ развернулъ свертокъ, и нашелъ тамъ конфекты, кото-

рые онъ преусердно началъ ѣсть. Христлиба также послѣдовала его примѣру. »Дружочекъ, дружочекъ,« вскричалъ почтенный дядюшка, »не дѣлай, не дѣлай этого, ты испортишь себѣ зубы, держи конфекты во рту до тѣхъ поръ, пока они не растаятъ.« Тутъ Феликсъ громко засмѣялся и сказалъ: »Эхъ, любезный, почтенный дядюшка, да развѣ вы думаете, что я маленькій грудной ребенокъ, и долженъ сосать, потому что у меня нѣтъ крѣпкихъ зубовъ для кусанья?« Тутъ положилъ онъ въ ротъ новый конфектъ, и раскусилъ его такъ сильно, что раздался лишь трескъ. »О милое простодушіе,« вскричала толстая дама; дядюшка согласился съ нею; но у Г-на Ѳаддея фонъ Бракеля выступили на лбу капли поту; онъ чрезвычайно стыдился Феликсовой шалости, а маменька шепнула на ухо своему сыну: »Не скрипи такъ сильно зубами, шалунъ ты этакой!« Это очень смутило бѣднаго Феликса, который вовсе не думалъ дѣлать что нибудь дурное; онъ медлен-

но вынулъ изо рта не совсѣмъ еще доѣденный конфектъ, положилъ его въ свертокъ, и подалъ этотъ послѣдній дядюшкѣ, говоря: »Возьми-ка назадъ свой сахаръ, если мнѣ не льзя ѣсть его!« Христлиба, привыкшая во всемъ слѣдовать примѣру Феликса, сдѣлала то-же самое со сверткомъ своимъ. Это уже слишкомъ было больно для бѣднаго Ѳаддея, онъ не выдержалъ и сказалъ: »Ахъ, мой высокопочтеннѣйшій, милостивѣйшій государь братецъ, извините невѣжливость глупенькаго мальчика; но вѣдь живешь въ деревнѣ, въ столь ограниченныхъ отношеніяхъ. — Ахъ, счастливъ, кто можетъ такъ прекрасно, нравственно воспитывать дѣтей, какъ вы!« — Графъ Купріанъ самодовольно и важно улыбнулся, взглянувъ на Германа и Адельгунду. Они давно уже съѣли свои сухари, и безмолвно и смирно сидѣли на стульяхъ, храня одну и ту-же мину, не шевелясь и не поворачиваясь. Толстая дама также улыбнулась, и сказала тихимъ голосомъ: »Да, любезный бра-

шецъ, всего болѣе мы заботимся о воспитаніи милыхъ дѣтей своихъ.« Она подала знакъ Графу Кипріану, который тотчасъ обратился къ Герману и къ Адельгундѣ, и началъ предлагать имъ всякаго рода вопросы, на которые отвѣчали они съ чрезвычайною скоростію. Тутъ рѣчь шла о многихъ городахъ, рѣкахъ и горахъ, которыя простирались на нѣсколько тысячь миль и имѣли самыя странныя названія. И тотъ и другая съ большою подробностью точно такъ-же умѣли описывать виды животныхъ, населяющихъ дикія страны самыхъ отдаленныхъ климатовъ. Потомъ говорили они о необыкновенныхъ иноземныхъ кустахъ, деревьяхъ и плодахъ, какъ будто сами видѣли ихъ, даже сами ѣли эти плоды. Германъ преподробно описалъ, какъ происходило одно важное сраженіе за триста лѣтъ передъ тѣмъ, и умѣлъ назвать по именамъ всѣхъ Генераловъ, въ немъ находившихся. Напослѣдокъ Адельгунда говорила даже о звѣздахъ, и утверждала, что на небѣ

есть всякаго рода странные звѣри и другія фигуры. Феликсъ не на шутку перепугался, услышавъ такія диковинки; онъ приблизился къ Г-жѣ фонъ Бракель, и тихонько спросилъ у нея на ухо: » Ахъ маменька, любезная маменька, что́ это такое болтаютъ они тамъ?« — » Молчи, глупенькій,« шепнула она ему, » это все науки!« Феликсъ замолчалъ. » Это удивительное, неслыханное дѣло! въ нѣжномъ возрастѣ!« Такъ вскричалъ нѣсколько разъ Г-нъ фонъ Бракель, а Г-жа фонъ Бракель сказала со вздохомъ: » Ахъ Боже мой, Боже мой! какъ-же они милы! ахъ, что-то будетъ изъ нашихъ дѣтей, здѣсь, въ глухой деревнѣ?« Потомъ, когда Г-нъ фонъ Бракель вмѣстѣ съ супругою своею началъ жаловаться на недостатокъ способовъ къ образованію дѣтей своихъ, Графъ Кипріанъ утѣшилъ ихъ обоихъ, давъ обѣщаніе чрезъ нѣкоторое время прислать къ нимъ ученаго человѣка, который безъ всякой платы приметъ на себя обученіе дѣтей. Между тѣмъ прекрасная карета снова

подъѣхала. Егерь вошелъ съ двумя большими ящиками; Адельгунда и Германъ взяли ихъ и подали Христлибѣ и Феликсу. »Любите-ли вы игрушки, mon cher? вотъ я привезъ для васъ самаго лучшаго сорту;« такъ сказалъ Германъ, щегольски кланяясь. Феликсъ повѣсилъ голову, онъ былъ печаленъ, самъ не зная почему. Онъ безмысленно взялъ ящикъ въ руки и пробормоталъ: »Меня зовутъ не Моншеромъ, а Феликсомъ, и не вы, а ты.« Христлибѣ также хотѣлось болѣе плакать, нежели смѣяться, не смотря на то, что изъ ящика, который получила она отъ Адельгунды, выходилъ пріятнѣйшій запахъ, какъ будто отъ всякаго рода прекрасныхъ лакомствъ. Къ двери вдругъ подбѣжалъ и, по обыкновенію, залаялъ Султанъ, вѣрный другъ и любимецъ Феликса: но Германъ такъ испугался собаки, что тотчасъ бросился въ сторону, и началъ громко плакать. — »Вѣдь она тебѣ ничего не сдѣлаетъ,« сказалъ Феликсъ, »о чемъ ты такъ ревешь и кричишь? вѣдь это простая со-

бака, а ты еще видѣлъ такихъ страшныхъ звѣрей! Да если-бъ она и въ самомъ дѣлѣ на тебя бросилась, такъ у тебя есть сабля!« Феликсовы увѣщанія не имѣли успѣха: Германъ продолжалъ кричать, пока егерь не взялъ его на руки и не отнесъ въ карету. Адальгунда, вдругъ проникнутая печалью брата, или, Богъ знаетъ, по какой иной причинѣ, начала также сильно ревѣть; бѣдная Христлиба такъ была растрогана этимъ, что и она принялась рыдать и плакать. Среди этого крика и рева трехъ дѣтей, Графъ Кипріанъ фонъ Бракель уѣхалъ изъ Бракельгейма, и такимъ образомъ кончился визитъ знатныхъ родственниковъ.

НОВЫЯ ИГРУШКИ.

Лишь только карета съ Графомъ Кипріаномъ фонъ Бракелемъ и его семействомъ съѣхала съ пригорка, какъ Г-нъ Ѳаддей поспѣшно скинулъ зеленый сюртукъ и красный камзолъ, и когда онъ съ

шакою-же скоростью надѣлъ пошомъ широкую холсшинную куршку, и два-шри раза провелъ по волосамъ шолсшымъ гребнемъ, шо шяжело перевелъ духъ, пошянулся и вскричалъ: »Ну, слава Богу!« Дѣши шакже скинули свое праздничное плашье, и почувсшвовали себя веселыми и свободными. »Въ лѣсъ, въ лѣсъ!« вскричалъ Феликсъ, бѣгая и прыгая. »Развѣ вы не хошише прежде посмошрѣшь шого, чшо привезли вамъ Германъ и Адельгунда?« Такъ сказала маменька, и Хрисшлиба, кошорая во время уже раздѣванья любопышными взорами посмашривала на ящики, полагала, чшо конечно надобно прежде сдѣлашь эшо, а послѣ довольно еще осшанешся времени побѣгашь и въ лѣсу. Трудно было уговоришь Феликса. Онъ сказалъ: »Ну чшо могъ хорошаго привезши намъ эшошъ недошрога съ своею глупенькою сесшрою. А . науки-шо! да, вошъ шебѣ разъ, онъ славно бормочешъ объ нихъ; сперва болшалъ о львахъ и медвѣдяхъ, знаешъ, какъ ловяшъ слоновъ, а шушъ боишся

моего Султана, носитъ саблю на боку, а самъ реветъ, кричитъ и лезетъ подъ столъ. Славный-же онъ будетъ егерь!«

»Ахъ мой милый, добрый Феликсъ, откроемъ-ка на минуточку ящики!« Такъ просила Христлиба. Феликсъ, старавшійся во всемъ угождать сестрѣ своей, отложилъ намѣреніе бѣжать въ лѣсъ, и терпѣливо сѣлъ съ Христлибою къ столу, на которомъ стояли ящики. Они были открыты маменькою, но теперь — о мои любезнѣйшіе читатели! вамъ, вѣрно, случалось, во время веселой ярмарки, или наканунѣ Рождества, получать всякаго рода прекрасные подарки отъ щедрой руки вашихъ родителей, или другихъ милыхъ вамъ людей. Припомните, какъ прыгали вы отъ радости, когда солдаты въ блестящихъ мундирахъ, человѣчки съ органчиками, разряженныя куклы, красивые приборы, разноцвѣтныя картинки и т. п. лежали и стояли передъ вами! Такую-же великую радость, какъ вы въ то время, имѣли теперь Феликсъ и Христлиба; потому что

пребогатые подарки, состоявшіе изъ премиленькихъ, самыхъ блестящихъ вещей, и при томъ еще всякія лакомства, вынуты были изъ ящиковъ, такъ что дѣти нѣсколько разъ всплеснули руками и вскричали: »Ахъ, какъ это прекрасно!« Одинъ только свертокъ съ конфектами Феликсъ съ презрѣніемъ отложилъ въ сторону, и когда Христлиба стала просить его, по крайней мѣрѣ, не бросать въ окно и леденецъ, что непремѣнно хотѣлось ему сдѣлать, то онъ хотя и исполнилъ просьбу сестры, но открылъ свертокъ и бросилъ нѣсколько конфектовъ Султану, который на ту пору случился у дверей. Султанъ понюхалъ конфекты, и съ негодованіемъ отворотилъ рыло. »Вотъ, видишь-ли, Христлиба,« торжественно вскричалъ Феликсъ, »даже и Султанъ не хочетъ ѣсть этой дряни.« Впрочемъ, изъ всѣхъ игрушекъ ничто такъ не понравилось Феликсу, какъ одинъ видный собою егерь, который, какъ скоро дернешь за маленькую ниточку, которая висѣла сзади изъ-подъ

его курточки, прикладывался ружьемъ и стрѣлялъ въ цѣль, находившуюся на три пяди отъ него и придѣланную къ нему. Потомъ онъ полюбилъ маленькаго человѣчка, который умѣлъ ловко кланяться и брянчать на арфѣ, если вертѣли однимъ винтикомъ; но наконецъ всего болѣе понравилось ему ружье и охотничій ножикъ, и то и другое изъ дерева и облито серебромъ, такъ-же какъ и отличный гусарскій киверъ и патронташъ. Христлиба чрезвычайно радовалась одной прекрасной, разряженной куклѣ и опрятной свѣтленькой мебели. Дѣти забыли лѣсъ и поле, и забавлялись игрушками до поздняго вечера. Потомъ пошли они спать.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ НОВЫМИ ИГРУШКАМИ ВЪ ЛѢСУ.

На слѣдующее утро дѣти принялись за то-же, съ чѣмъ разстались они вечеромъ: то есть, они принесли ящики, и начали всячески забавляться игруш-

ками. Такъ-же какъ и вчера, солнце ясно и привѣтно свѣтило въ окна, шумѣли и шептали игривымъ утреннимъ вѣтромъ привѣтствуемыя березы, чижики, зяблики и соловьи распѣвали прекрасныя веселыя пѣсенки. Тутъ Феликсу стало скучно и грустно играть своимъ егеремъ, своимъ маленькимъ человѣчкомъ, ружьемъ и патронташемъ. »Ахъ,« вскричалъ онъ, »въ полѣ все-таки лучше; пойдемъ, Христлиба! побѣжимъ въ лѣсъ!« Христлиба только-что раздѣла свою большую куклу, и намѣревалась снова одѣвать ее, находя въ этомъ большое удовольствіе, и потому не хотѣла идти въ поле, но просила: »Любезный Феликсъ, не льзя-ли намъ еще поиграть здѣсь немножко?« — »Знаешь-ли что, Христлиба!« сказалъ Феликсъ, »мы возьмемъ съ собою лучшія изъ нашихъ игрушекъ. Я подпояшу свой охотничій ножикъ, повѣшу ружье чрезъ плечо, и буду настоящій егерь. Маленькій егерь и человѣчекъ съ арфою могутъ идти за мною; ты, Христлиба, можешь взять

съ собою большую куклу и лучшій изъ своихъ приборовъ. Пойдемъ-же, пойдемъ!« Христлиба проворно взяла куклу, и вотъ наши дѣти съ игрушками своими побѣжали въ лѣсъ, гдѣ и расположились на прекрасной, покрытой зеленью площадкѣ. Они немного поиграли, и Феликсъ только-что заставилъ арфиста брянчать свою пѣсенку, какъ Христлиба начала: » Знаешь-ли, любезный Феликсъ, что твой арфистъ совсѣмъ не хорошо играетъ? Послушай, какъ это дурно раздается въ лѣсу, все одно и то-же, все тинь-тень-тинь-тень, птицы такъ любопытно выглядываютъ изъ-за кустовъ; я думаю что они порядкомъ таки смѣются надъ глупымъ музыкантомъ, который хочетъ подыграться подъ ихъ пѣсни.« Феликсъ все сильнѣе и сильнѣе повертывалъ винтикъ, и наконецъ вскричалъ: » Твоя правда, Христлиба! все, что ни играетъ мой человѣчекъ, выходитъ предурно, а это плохая послуга: мнѣ, право, стыдно вонъ передъ тѣмъ зябликомъ, который си-

дитъ въ кустарникѣ и смотритъ на меня такими насмѣшливыми глазами. Но мой человѣчекъ долженъ играть лучше — долженъ играть лучше!« Тутъ Феликсъ такъ сильно повернулъ винтикомъ, что трррр-трррр—на тысячу кусковъ разлетѣлся весь ящикъ, на которомъ стоялъ арфистъ, и переломанныя руки его упали внизъ. »О-о!« вскричалъ Феликсъ. »Ахъ, бѣдный арфистъ!« вскричала Христлиба. Феликсъ нѣсколько секундъ посмотрѣлъ на изломанную игрушку, потомъ сказалъ: »Это былъ безтолковый, глупый человѣчекъ, который игралъ всякую дрянь, и строилъ такія рожи и фигуры, какъ мой разряженный братецъ,« и далеко отъ себя бросилъ арфиста въ густой кустарникъ. »А вотъ мой егерь, такъ молодецъ!« сказалъ онъ потомъ, »знай стрѣляетъ себѣ въ цѣль, да и только.« Тутъ Феликсъ принялся добрымъ порядкомъ школить маленькаго егеря. Это не продолжалось и минуты, какъ Феликсъ началъ: »Ну не глупо-ли, что мой маленькій человѣчекъ все стрѣ-

ляетъ только въ цѣль, а вѣдь такая стрѣльба, какъ говоритъ папенька, не есть настоящее дѣло для егеря. Онъ долженъ въ лѣсу стрѣлять по оленямъ — косулямъ — зайцамъ, и попадать въ нихъ на самомъ сильномъ бѣгу. Не будетъ же и мой человѣчекъ стрѣлять болѣе въ цѣль! « Тутъ Феликсъ отломалъ дощечку съ мишенью, которая придѣлана была къ егерю. » Теперь стрѣляй въ поле, « вскричалъ онъ, но сколько ни дергалъ онъ за нитку, руки маленькаго егеря оставались неподвижными. Онъ не прикладывался болѣе ружьемъ, не стрѣлялъ болѣе. » Ага! « вскричалъ Феликсъ, » въ цѣль, въ комнатѣ, ты стрѣлять умѣешь, а въ лѣсу, гдѣ по настоящему и надобно жить егерю, такъ у тебя дѣло-то вовсе не идетъ на ладъ. Этакъ, пожалуй, ты будешь бояться и собакъ, и если-бъ пришла сюда хоть одна какая нибудь, то ты убѣжалъ-бы и съ ружьемъ своимъ, какъ недотрога братецъ мой съ своею саблею! — Эхъ ты глупый, ни къ чему негод-

ный человѣкъ!« Тутъ Феликсъ бросилъ егеря вслѣдъ за артистомъ въ кустарникъ. »Пойдемъ-ка, побѣгаемъ немножко,« сказалъ онъ потомъ Христлибѣ. »Ахъ, да, любезный Феликсъ,« возразила послѣдняя, »моя хорошенькая кукла также побѣжитъ съ нами, то-то будетъ забавно.« Теперь Феликсъ и Христлиба схватили за руки куклу, и что́ есть силы побѣжали черезъ кустарникъ внизъ по пригорку, все далѣе да далѣе, до самаго высокимъ тростникомъ обросшаго пруда, который принадлежалъ еще къ владѣніямъ Г-на Ѳаддея фонъ Бракеля, гдѣ онъ стрѣлялъ иногда дикихъ утокъ. Здѣсь дѣти остановились, и Феликсъ сказалъ: »Давай-ка прицѣлимся; теперь у меня есть ружье; кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ удастся застрѣлить утку, точно такъ-же, какъ и папенькѣ.« Но въ ту же самую минуту Христлиба громко закричала: »Ахъ, моя кукла, что сдѣлалось съ моею хорошенькою куклою!« Бѣдная кукла, въ самомъ дѣлѣ, была въ прежалкомъ поло-

женіи. Ни Христлиба, ни Феликсъ въ бѣганьи не обращали на нее вниманія, и потому случилось, что она изорвала все платье въ кустарникѣ, даже переломала себѣ ножки. Не осталось почти и слѣдовъ прекраснаго, восковаго личика: такъ было оно избито и исцарапано! »Ахъ, моя коколка, моя хорошенькая куколка!« жаловалась Христлиба. »Вотъ видишь-ли,« сказалъ Феликсъ, »какихъ глупыхъ игрушекъ надарили намъ эти несносныя дѣти. Этакая неучь, этакая дурында твоя кукла, что не можетъ даже бѣгать съ нами, не изорвавши всего платья и не исцарапавши лица — да брось ты ее!« Христлиба печально подала изуродованную куклу брату, и не могла удержаться отъ громкаго крика: »Ахъ! ахъ!« когда тотъ безъ дальныхъ хлопотъ бросилъ ее въ прудъ. »Не печалься-же, пожалуйста,« утѣшалъ Феликсъ сестру свою, »не печалься, сдѣлай милость, по этой дурочкѣ; если я застрѣлю утку, то тебѣ достанутся прекраснѣйшія перья, какія только будутъ въ разно-

цвѣтныхъ крыльяхъ.« Въ тросшникѣ послышался шорохъ; тутъ Феликсъ тотчасъ прицѣлился деревяннымъ ружьемъ своимъ, но въ тотъ-же мигъ отнялъ его отъ плеча, и задумчиво посмотрѣлъ впередъ. »Ну, не глупый-ли я мальчикъ?« началъ онъ потомъ потихоньку: »вѣдь для стрѣлянья нужны порохъ и дробь, а у меня нѣтъ ни того, ни другаго. Да и можно-ли зарядить порохомъ деревянное ружье?—Къ чему-же эта глупая деревянная игрушка?—А охотничій ножикъ?—также изъ дерева!—онъ не рѣжетъ и не колетъ.—Сабля моего двоюроднаго брата была, вѣрно, также деревянная, потому-что онъ и не могъ обнажить ее, испугавшись Султана. Теперь я знаю, что мой недотрога братецъ хотѣлъ только потѣшить меня своими игрушками, которыя какъ будто похожи на дѣло, а по настоящему ничего не значатъ.« Сказавъ это, Феликсъ побросалъ въ прудъ ружье, охотничій ножикъ, а напослѣдокъ и патронташъ. Однако-же Христлиба не пе-

реставала печалиться потерею куклы, да и Феликсъ не могъ освободиться отъ досады. Такимъ образомъ пошли они домой, и когда маменька спросила: »Дѣти, куда дѣвали вы свои игрушки?« Феликсъ чистосердечно разсказалъ, какъ непріятно обманулся онъ въ егерѣ, арфистѣ, ружьѣ, охотничьемъ ножѣ и патронташѣ, и какъ непріятно обманулась Христлиба въ своей куклѣ. »Ахъ,« вскричала полуразгнѣванная Г-жа фонъ Бракель, »ахъ вы глупыя дѣти, вы вовсе не умѣете обходиться съ прекрасными, отличными вещами.« Но Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель, который съ примѣтнымъ удовольствіемъ слушалъ разсказъ Феликса, сказалъ: »Оставь дѣтей въ покоѣ; правду сказать, такъ мнѣ очень пріятно, что они отдѣлались отъ этихъ странныхъ игрушекъ, которыя только смущаютъ и огорчаютъ ихъ.« Ни Г-жа фонъ Бракель, ни дѣти не поняли, чтó собственно Г-нъ фонъ Бракель хотѣлъ сказать этими словами.

ЧУЖОЕ ДИТЯ.

Филексъ и Христлиба раннимъ утромъ убѣжали въ лѣсъ. Маменька приказала имъ возвратиться какъ можно скорѣе, потому что теперь они должны были гораздо болѣе сидѣть въ комнатѣ, гораздо болѣе писать и читать, нежели прежде, для того чтобы не остыдить себя передъ учителемъ, котораго ожидали въ скоромъ времени; вотъ почему Феликсъ сказалъ: »Дай намъ одинъ только часочекъ поиграть, попрыгать и побѣгать въ полѣ!« И они тотчасъ начали гоняться другъ за другомъ, будто собачка за зайчикомъ; но какъ эта игра, такъ и другія, какія начинали они, черезъ нѣсколько секундъ возбуждали въ нихъ только скуку. Сами они не знали, почему именно ныньче должно было случиться множеству непріятностей. То Феликсову шапочку заносило вѣтромъ въ кустарникъ, то самъ онъ спотыкался и падалъ ничкомъ на сильномъ бѣгу, то Христлиба зацѣплялась платьемъ за

репейникъ, то попадала ногою на острый камень, такъ, что громко вскрикивала. Они скоро оставили всѣ игры, и съ негодованіемъ бродили по лѣсу. »Теперь пойдемъ въ горницу,« сказалъ Феликсъ; но вмѣсто того чтобъ идти, бросился въ тѣнь одного прекраснаго дерева. Христлиба послѣдовала его примѣру. Тутъ въ совершенномъ неудовольствіи сидѣли дѣти, и безмолвно, пристально смотрѣли въ землю. »Ахъ,« сказала наконецъ Христлиба тихо и со вздохомъ, »если-бъ еще были у насъ хорошенькія игрушки!«—»Онѣ опять не пошли-бы у насъ въ дѣло,« проворчалъ Феликсъ, »мы все-таки изломали и испортили-бы ихъ. Послушай, Христлиба! вѣдь маменька говорила правду—игрушки-то были хороши, но мы не умѣли только обходиться съ ними, а это все отъ того, что у насъ нѣтъ наукъ.«—»Ахъ, любезный Феликсъ,« вскричала Христлиба, »твоя правда: если-бъ мы такъ хорошо знали наизусть науки, какъ наши разряженные братецъ и сестрица, то и теперь еще

у тебя былъ бы твой егерь, твой арфистъ, и моя хорошенькая кукла не лежала-бы въ пруду! — Мы глупенькія дѣти — ахъ, у насъ нѣтъ никакихъ наукъ!« Тутъ Христлиба начала горько рыдать и плакать; Феликсъ присоединился къ ней, и тотъ и другая заревѣли и завопили такъ, что только раздавалось въ лѣсу: »Мы бѣдныя дѣти, у насъ нѣтъ никакихъ наукъ!« Вдругъ они остановились и съ изумленіемъ спросили: »Видишь-ли, Христлиба? — Слышишь-ли Феликсъ?« — Изъ самой густой тѣни темнаго кустарника, находившагося напротивъ дѣтей, выходилъ чудесный свѣтъ, который, какъ-бы тихій лучь мѣсяца, проглядывалъ между трепещущими отъ восторга листьями, и въ шелестѣ лѣса раздавались сладостные звуки, какъ будто вѣтеръ скользилъ по арфамъ, и лаская ихъ, пробуждалъ дремлющіе аккорды. Дѣти наполнились необыкновенными ощущеніями, въ нихъ исчезла вся горесть, но на глазахъ у нихъ навернулись слезы отъ сла-

достной, никогда еще не испытанной грусти. Чѣмъ ярче и ярче блисталъ свѣтъ изъ кустарника, чѣмъ громче и громче раздавались дивные звуки, тѣмъ сильнѣе билось сердце у дѣтей; они пристально смотрѣли на сіяніе, и, ахъ! замѣтили, что то было ярко освѣщаемое солнцемъ прекрасное лице маленькаго ребенка, который улыбался имъ изъ-за кустарника и манилъ ихъ къ себѣ. »О, поди-же къ намъ — поди къ намъ, миленькій ребенокъ!« такъ вскричали Феликсъ и Христлиба, вскочивъ съ мѣста и, въ полнотѣ неописаннаго, томительнаго желанія, простирая руки къ этому прелестному созданію. »Иду — иду,« послышался сладостный голосокъ въ кустарникѣ, и легко, какъ будто несомое тиховѣйнымъ утреннимъ вѣтеркомъ, прибѣжало чужое дитя къ Феликсу и Христлибѣ.

КАКЪ ЧУЖОЕ ДИТЯ ИГРАЛО СЪ ФЕЛИКСОМЪ И ХРИСТЛИБОЮ.

»Мнѣ очень слышно было издали, какъ вы плакали и жаловались,« сказало чужое дитя, »и мнѣ стало васъ очень жалко; чего хотите вы, милыя дѣти?« »Ахъ, мы и сами того не знаемъ,« возразилъ Феликсъ, »но мнѣ кажется, что намъ не доставало тебя.«—»Это правда,« подхватила Христлиба, »останься только съ нами, такъ мы опять будемъ веселы. — Но зачѣмъ-же такъ долго не приходила ты?« — Обоимъ дѣтямъ въ самомъ дѣлѣ казалось, будто они давно уже знакомы и часто игрывали съ этимъ неизвѣстнымъ ребенкомъ, и будто ихъ неудовольствіе происходило отъ того только, что любезный товарищъ не являлся къ нимъ болѣе. »Игрушекъ,« сказалъ Феликсъ, »у насъ теперь, правда, вовсе нѣтъ, потому что я, глупый мальчикъ, къ стыду своему, переломалъ и побросалъ вчера прекраснѣйшія игрушки, подаренныя мнѣ двоюроднымъ брат-

цемъ, но играть намъ все-таки хочется. «—» Ахъ, Феликсъ,« сказало чужое дитя, громко засмѣявшись, »какъ можешь ты это говорить? Вещи, которыя ты побросалъ, въ самомъ дѣлѣ, не многаго стоили; и ты и Христлиба—вы со всѣхъ сторонъ окружены чудеснѣйшими игрушками, какія только есть на свѣтѣ! «—» Гдѣ-жь онѣ? « вскричали Христлиба и Феликсъ. « — » Да посмотрите только вокругъ себя, « сказало чужое дитя, — и Феликсъ и Христлиба замѣтили, какъ изъ густой травы, изъ пушистаго моху выглядывали свѣтлыми глазками всякіе прекрасные цвѣты, а между ними блистали разноцвѣтные камни, кристальныя раковины, и золотые жучки́ перелетали съ мѣста на мѣсто и тихо жужжали пѣсенки. — » Теперь мы выстроимъ дворецъ, помогайте мнѣ только носить камни! « такъ вскричало чужое дитя, наклонилось къ землѣ, и начало собирать разноцвѣтные камни. Феликсъ и Христлиба помогали ему, и чужое дитя такъ искусно умѣло подбирать

и складывать камни, что скоро появились высокія колонны, которыя блистали на солнцѣ, какъ полированный металлъ, а надъ ними составилась воздушно-легкая золотая кровля. — Потомъ чужое дитя поцѣловало цвѣточки, которые выглядывали изъ травы; вдругъ съ радостнымъ шепотомъ поднялись они вверхъ, и переплетаясь съ нѣжною любовью, образовали душистые дорожки, по которымъ дѣти, полныя наслажденія и восторга, начали прыгать. Чужое дитя захлопало въ ладоши; вдругъ съ жужжаніемъ разлетѣлась золотая кровля дворца—золотые жучкй навели ее своими надкрыліями — и колонны разлились въ журчащій сребристый ручей, на берегу котораго появились пестрые цвѣточки, то съ любопытствомъ заглядывая въ его волны, то покачивая своими головками и прислушиваясь къ его дѣтскому лепетанью. Теперь чужое дитя нарвало травяныхъ стебельковъ, наломало съ деревьевъ маленькихъ сучечковъ и разсѣяло ихъ передъ Феликсомъ и Христлибою. Но изъ травяныхъ стеб-

бѣганьемъ! — Нѣтъ, дѣти неслись въ легкомъ полетѣ межъ кустовъ и по лугамъ, и разноцвѣтныя птички порхали вокругъ нихъ съ пѣніемъ и ликованьемъ. Вдругъ стали они подниматься все выше— выше на воздухъ. »Здравствуйте, дѣти! здравствуй любезный Феликсъ!« вскричалъ аистъ, пролетая мимо. »Не троньте меня, не троньте меня—я не съѣмъ вашихъ голубковъ!« кричалъ ястребъ, боязливо несясь передъ дѣтьми въ воздухѣ. — Феликсъ громко восклицалъ, но Христлиба чего-то боялась. »Я задыхаюсь — ахъ, я упаду!« такъ вскричала она, и въ тотъ-же мигъ чужое дитя спустилось съ товарищами на землю и сказало: »Теперь я спою вамъ лѣсную пѣсню на прощаньи, завтра приду я опять.« Тутъ дитя вынуло маленькій охотничій рожокъ, котораго золотые изгибы имѣли видъ свѣтлыхъ цвѣточныхъ коронокъ, и потомъ начало такъ прекрасно играть на немъ, что весь лѣсъ отзывался дивными звуками, и соловьи, слетѣвшіеся какъ бы на призывъ рожка

и сѣвшіе на вѣтвяхъ возлѣ самаго дитями, запѣли свои прекраснѣйшія пѣсни. Но вдругъ звуки все болѣе и болѣе стали затихать, и только легкое журчанье слышалось въ кустарникѣ, въ которомъ исчезло чужое дитя. »Завтра, завтра приду я опять!« Такъ издалека вскричалъ голосъ дѣтямъ. Они не знали, что съ ними происходило, потому что никогда еще не ощущали такой внутренней радости. »Ахъ, еслибъ завтра опять все это было такъ-же, какъ нынче!« сказали Феликсъ и Христлиба, и со всею скоростью побѣжали домой, чтобы разсказать родителямъ о случившемся съ ними въ лѣсу.

ЧТО Г-НЪ ФОНЪ БРАКЕЛЬ И СУПРУГА ЕГО ГОВОРЯТЪ О ЧУЖОМЪ РЕБЕНКѢ, И ЧТО ПРОИСХОДИТЪ СЪ НИМИ ДАЛѢЕ.

»Я, право, готовъ думать, что дѣти все это видѣли во снѣ!« Такъ сказалъ Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель своей супру-

гѣ, когда Феликсъ и Христлиба, полные восторга отъ чужаго ребенка, не могли нахвалиться его прекрасною наружностью, прелестнымъ пѣніемъ и дивною игрою. »Но если опять подумаю,« продолжалъ Г-нъ фонъ Бракель, »что и тотъ и другая не могли-же за одинъ разъ видѣть одинъ и тотъ-же сонъ, то напослѣдокъ и ума не приложу ко всему этому.« — »Не ломай себѣ головы, любезный другъ!« возразила Г-жа фонъ Бракель; »я бьюсь объ закладъ, что чужое дитя не иной кто, какъ сынъ деревенскаго учителя Готлиба изъ сосѣдственнаго селенія. Онъ прибѣжалъ сюда и набилъ дѣтямъ голову всякими пустяками, но впередъ онъ не долженъ дѣлать этого.« Г-нъ фонъ Бракель вовсе не былъ мнѣнія своей супруги, но между тѣмъ, чтобы сколько можно вѣрнѣе добраться до настоящаго значенія этого событія, призвалъ Феликса съ Христлибою, и велѣлъ имъ подробно описать, какого вида и какъ одѣтъ былъ ребенокъ. Вразсужденіи на-

ружности и тотъ и другая согласно говорили, что у ребенка было лилейно-бѣлое лице, розовыя щеки, вишнево-красныя губы, блестящіе голубые глаза и золотые кудрявые волосы, и онъ былъ такъ прекрасенъ, что они вовсе не могли и выразить этого. Вразсужденіи одежды знали они только то, что на ребенкѣ рѣшительно не было синей полосатой куртки, такого-же исподняго платья и чернаго кожанаго картуза, какъ на сынѣ деревенскаго учителя Готлиба. Напротивъ, все, что ни говорили они объ одеждѣ дитяти, было совершенно баснословно и ни съ чѣмъ не сообразно. Христлиба утверждала, что ребенокъ одѣтъ былъ въ чудеснѣйшее легкое блестящее платьеце изъ розовыхъ листьевъ. Феликсъ, напротивъ, говорилъ, что платье дитяти блистало свѣтлою золотою зеленью, какъ весенніе листья на солнцѣ. »Чтобы этотъ ребенокъ,« продолжалъ Феликсъ, »былъ сынъ какого нибудь деревенскаго учителя, объ этомъ нечего и думать, потому что этотъ мальчикъ

славно знаетъ егерское дѣло, и когда выростетъ, то сдѣлается отличнѣйшимъ егеремъ, какой только можетъ быть на свѣтѣ.«—» Помилуй, Феликсъ,« прервала его Христлиба, » какъ можешь ты говорить, что эта маленькая милая дѣвочка-егерь. Она очень хорошо можетъ знать егерское дѣло, но ужь, конечно, еще лучше разумѣетъ домашнее хозяйство, а иначе она не одѣла бы мнѣ такъ прекрасно куколъ и не приготовила бы такихъ славныхъ блюдъ!« Такимъ образомъ Феликсъ почиталъ чужое дитя мальчикомъ, Христлиба, напротивъ, утверждала, что это дѣвочка, и никакъ не могли согласиться въ этомъ. — Г-жа фонъ Бракель замѣтила, что совсѣмъ не прилично заниматься съ дѣтьми такими глупостями; Г-нъ фонъ Бракель, напротивъ, говорилъ: » Мнѣ-бы надобно было идти вслѣдъ за дѣтьми въ лѣсъ и подкараулить, кто такой этотъ необыкновенный, чудный ребенокъ, который играетъ съ ними; но мнѣ кажется, что я нарушу этимъ боль-

шую радость для дѣтей, и потому не хочу дѣлать этого.« На другой день, когда Феликсъ и Христлиба въ привычное время прибѣжали въ лѣсъ, чужое дитя дожидалось уже ихъ тамъ, и если вчера оно умѣло затѣвать прекрасныя игры, то теперь производило пріятнѣйшія чудеса, такъ, что Феликсъ и Христлиба не переставали громко восклицать отъ восторга. Весело и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно было, что чужое дитя, въ продолженіе игры, чрезвычайно затѣйливо и скромно разговаривало съ деревьями, кустами, цвѣтами и лѣснымъ ручьемъ. Послѣдніе съ своей стороны отвѣчали такъ внятно, что Феликсъ и Христлиба все понимали. Незнакомое дитя сказало, обратясь къ ольховому кустарнику: »Что это вы, болтуны, шепчете и лепечете между собою?« Тутъ вѣтви сильно встрепенулись, засмѣялись и залепетали: »Ха-ха-ха—мы радуемся прекраснымъ вещамъ, которыя разсказалъ намъ нынче любезный утренній вѣтерокъ, прилетѣвшій съ си-

нихъ горъ при восхожденіи солнца. Онъ принесъ намъ тысячу привѣтствій и поцѣлуевъ отъ Золотой Царицы, и крыльями своими навѣялъ на насъ сладостное благоуханье.« — »Молчите,« прервали цвѣты лепетанье кустовъ, »не говорите о легкокрыломъ летунѣ; онъ хвалится благоуханьемъ, которое выманилъ у насъ своими притворными ласками. Пусть шумятъ и лепечутъ кусточки, дѣти, а вы посмотрите на насъ, послушайте насъ, мы очень, очень любимъ васъ, и наряжаемся въ прекрасные, блестящіе цвѣты со дня на день, для того только, чтобы вамъ болѣе понравиться,« — »А развѣ мы не любимъ васъ, милые цвѣточки?« сказало чужое дитя, но Христлиба стала на колѣна, наклонилась къ землѣ, далеко протянула обѣ руки, какъ-бы желая обнять всѣ прекрасные цвѣты, окружавшіе ее, и воскликнула: »Ахъ! какъ люблю я васъ всѣхъ!« — Феликсъ сказалъ: »Вы мнѣ также очень нравитесь въ своемъ блестящемъ платьѣ, вы, цвѣточки, но я

люблю и зелень, и кусты, и деревья, люблю, очень люблю лѣсъ; онъ долженъ защищать, оборонять васъ, маленькихъ разноцвѣтныхъ дѣтушекъ!« Вдругъ зашумѣли высокія темныя ели: »Что правда, то правда, добрый мальчикъ, и ты не долженъ насъ бояться, если кумушка буря, собравшись, пожалуетъ къ намъ, и мы крупненько побранимся съ неугомонною гостьею.«—» И, вотъ еще!« вскричалъ Феликсъ, шумите, бушуйте, завывайте себѣ какъ угодно, вы, добрые, зеленые молодцы, вѣдь тогда лишь только и радуется сердце у отважнаго егеря.« —»Ты правъ, не спорю,« такъ зашумѣлъ и зажурчалъ лѣсной ручей; »но къ чему вѣчно быть на охотѣ, вѣчно бороться съ бурею, внимать ея яростному завыванью! Поди-ка сюда! сядь на мшистую зелень, и послушай меня. Изъ далекихъ, далекихъ земель, изъ глубокой пещеры выхожу я; поразскажу вамъ славныя сказочки, и всякой разъ что нибудь новенькаго, переливаясь волна за волною—волна за волною. Какія-же прекрасныя

картины покажу я вамъ, загляните мнѣ только въ зеркально-свѣтлое лице: ясную лазурь неба — золотыя облака — кусты, цвѣточки и деревья—васъ самихъ, милыя дѣти, съ любовью увлекаю я во глубину груди своей!« — » Феликсъ, Христлиба,« сказало чужое дитя, съ дивною прелестью смотря вокругъ себя, » Феликсъ, Христлиба, послушайте, послушайте, какъ все любитъ насъ. Но занимается вечерняя заря позади горъ, и соловей зоветъ меня домой.« — » Ахъ, полетаемъ, пожалуйста, немножечко,« просилъ Феликсъ.«—»Но только не такъ высоко, потому что у меня закружится голова,« сказала Христлиба. Тутъ чужое дитя, какъ и вчера, взяло за руки Феликса и Христлибу, и вотъ они начали носиться въ золотомъ пурпурѣ вечерней зари, и веселыя стаи разноцвѣтныхъ птицъ порхали и чирикали вокругъ нихъ—то-то былъ восторгъ и ликованье! — Въ блестящихъ облакахъ, какъ-бы въ волнующемся пламени, увидѣлъ Феликсъ прекраснѣйшіе зáмки изъ

настоящихъ рубиновъ и другихъ огнемъ играющихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. »Посмотри, посмотри, Христлиба,« вскричалъ онъ, полный восторга, »вотъ чудесные, чудесные домы, полетимъ-ка поскорѣе, ужъ мы, вѣрно, доберемся до нихъ.« Христлиба также увидѣла за́мки, и забыла весь страхъ, не смотрѣла уже внизъ, но безпрестанно вдаль. »Это мои милые воздушные за́мки,« сказало чужое дитя, »но ныньче мы никакъ не долетимъ до нихъ!« Феликсъ и Христлиба были какъ будто во снѣ, и сами не знали, какъ случилось, что они невзначай очутились дома у папеньки и у маменьки.

О РОДИНѢ ЧУЖАГО ДИТЯТИ.

Чужое дитя въ привлекательнѣйшемъ мѣстѣ лѣса, среди тихо шумящаго кустарника, неподалеку отъ ручья, построило прекраснѣйшую бесѣдку изъ высокихъ, стройныхъ лилій, пламенѣющихъ розъ и разноцвѣтныхъ тюльпа-

новъ. Въ этой бесѣдкѣ съ чужимъ ребенкомъ сидѣли Феликсъ и Христлиба, и слушали, какъ лѣсной ручей болталъ имъ про всякія диковинки. »Я признаюсь,« началъ Феликсъ, »не очень-то понимаю, что онъ тамъ разсказываетъ, и мнѣ кажется, будто ты только, любезный мальчикъ, можешь хорошенько разсказать мнѣ все, что такъ невразумительно лепечетъ онъ. Мнѣ все хочется спросить у тебя, откуда приходишь ты и куда такъ проворно исчезаешь, что мы даже не знаемъ, какъ это и случается?«— « Знаешь-ли, милая дѣвочка,« подхватила Христлиба, »что маменька думаетъ, будто ты сынъ деревенскаго учителя Готлиба?« — »Молчи ты, глупенькая,« маменька никогда не видала этого милаго мальчика, а не то, она не стала-бы и говорить о Готлибовомъ сынѣ.—Скажи-же мнѣ скорѣе, любезный мальчикъ, гдѣ живешь ты, для того чтобъ мы могли придти къ тебѣ зимою, когда бываетъ мятелица и снѣгъ, а въ лѣсу нѣтъ ни пути, ни слѣдочка.«—»Ахъ, да!« сказа-

ла Христлиба, »теперь ты должна непремѣнно сказать намъ, гдѣ ты живешь, кто твои родители, а главное, какъ зовутъ тебя?« Чужой ребенокъ пресерьозно, почти печально посмотрѣлъ впередъ, и вздохнулъ изъ глубины сердца. Потомъ, немного помолчавъ, онъ началъ: »Ахъ, милыя дѣти, зачѣмъ спрашиваете вы о моей родинѣ? Развѣ не довольно для васъ, что я каждый день прихожу къ вамъ и играю съ вами?—Я могу только сказать вамъ, что я живу тамъ за синими горами, которыя поднимаются какъ будто кудрявыя, всклокоченныя облака тумана; но если вы по цѣлымъ днямъ будете безпрестанно бѣжать все далѣе и далѣе, пока не достигнете до этихъ горъ, то опять увидите новыя горы на такомъ же разстояніи, за которыми вамъ надобно искать мою родину; но если вы добѣжите и до этихъ горъ, то все-таки увидите новыя: такимъ образомъ вы безпрестанно будете бѣжать все далѣе и далѣе, и никогда не достигнете до моей родины.«—»Ахъ,« жалобно вскри-

чала Христлиба, » стало быть, ты живешь отъ насъ за нѣсколько тысячъ миль, и приходишь къ намъ только въ гости?« — » Вотъ видишь-ли, милая Христлиба,« продолжалъ чужой ребенокъ, » если тебѣ когда отъ души взгрустнется по мнѣ, то я сей часъ явлюсь къ тебѣ, и принесу всѣ игрушки и чудеса съ моей родины, а это не такъ-ли же хорошо, какъ если-бы мы вмѣстѣ съ тобою были на моей родинѣ и играли другъ съ другомъ?« — » Ну, это не совсѣмъ одно и то-же,« сказалъ Феликсъ; » я думаю, что твоя родина должна быть прекраснѣйшимъ мѣстомъ, полнымъ чудеснѣйшихъ вещей, какія ты приносишь намъ. Говори, сколько угодно, о трудностямъ пути, который ведетъ туда, я все-таки готовъ пуститься въ дорогу. Бѣгать по лѣсамъ, по глухимъ, травою поросшимъ тропинкамъ, взбираться на горы, переходить вбродъ ручьи, пробираться по скользкимъ камнямъ и сквозь колючій репейникъ — ужь этому не учиться стать намъ деревенскимъ лю-

дямъ—пожалуй, хошь сей часъ.«—» Такъ вотъ что!« вскричало чужое дитя, радостно засмѣявшись; »ну, какъ скоро ты съ такою твердостью рѣшаешься на это, такъ ужь оно все равно, что ты, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ, побывалъ у насъ. Земля, гдѣ я живу, дѣйствительно столь прекрасна и чудесна, что я не умѣю и описать ее. Моя маменька со всемъ блескомъ и великолѣпіемъ Царицы управляетъ этимъ царствомъ.«—» Стало быть, ты Принцъ—стало быть, ты Принцесса!« вскричали въ одно время изумленные, почти испуганные Феликсъ и Христлиба. »Разумѣется,« сказало чужое дитя. »Такъ ты, вѣрно, живешь въ прекрасномъ дворцѣ?« спросилъ Феликсъ. »Ужъ конечно,« возразило чужое дитя; »дворецъ моей маменьки несравненно прекраснѣе, нежели блестящіе замки, которые ты видѣлъ въ облакахъ, потому что его стройныя изъ самаго чистаго кристалла колонны высоко—высоко поднимаются въ небесной лазури, которая, какъ огромный

сводъ, раскинута надъ ними. По ней, на золотыхъ крыльяхъ, плаваютъ блестящія облака, пурпуровая утренняя и вечерняя заря загорается и погасаетъ, и въ звучныхъ хороводахъ танцуютъ яркимъ огнемъ горящія звѣзды. Вы, мои любезные товарищи, вѣрно слыхали о волшебницахъ, которыя могутъ производить прекраснѣйшія чудеса, какихъ не въ состояніи сдѣлать ни одинъ человѣкъ, и вы, конечно, уже замѣтили, что моя маменька не иная кто, какъ волшебница. Да! она дѣйствительно такова, и при томъ сильнѣйшая изъ всѣхъ. — Все, что ни живетъ и ни дышетъ на землѣ, содержитъ она съ самою нѣжною любовью, но къ ея величайшей горести, многіе изъ людей совсѣмъ не хотятъ и знать ее. Моя маменька всего болѣе любитъ дѣтей, и потому-то праздники, которые даетъ она въ своемъ царствѣ дѣтямъ, бываютъ всегда прекраснѣйшіе — чудеснѣйшіе. Въ то время нарядные духи вылетаютъ изъ придворной свиты моей маменьки, и носясь въ облакахъ,

отъ одного конца дворца до другаго, выводятъ прекраснѣйшими цвѣтами сіяющую радугу. Подъ нею строятъ они для моей маменьки тронъ изъ чистѣйшихъ блильянтовъ, которые имѣютъ видъ и запахъ лилій, гвоздикъ и розъ. Лишь только маменька взойдетъ на тронъ, какъ вдругъ духи начинаютъ играть на своихъ золотыхъ арфахъ и кристальныхъ цимбалахъ, а придворные пѣвцы подпѣвать столь дивными голосами, что, кажется, таешь отъ сладостной радости. Но эти пѣвцы — прекрасныя птицы, еще болѣе орловъ, съ совершенно пурпуровыми перьями, какихъ вы, вѣрно, никогда не видали. И лишь только заиграетъ музыка, какъ все во дворцѣ, въ лѣсу, въ саду зашумитъ и оживится. Нѣсколько тысячъ въ свѣтлыя платьеца одѣтыхъ дѣтей бѣгаютъ и прыгаютъ, радуясь и восклицая. То гоняются они другъ за другомъ по кустарнику, и бросаютъ другъ въ друга цвѣтами; то взбираются на гибкія, стройныя деревца, и вѣтромъ качаются на

нихъ; то рвутъ золотомъ сіяющіе плоды, которые такъ вкусны, что ни съ какими лакомствами на землѣ сравнится не могутъ; то играютъ они съ ручными косулями и другими красивыми животными, которыя выбѣгаютъ къ нимъ изъ кустарника; то смѣло скользятъ они взадъ и впередъ по радугѣ; то, какъ отважные наѣздники, садятся они на прекрасныхъ золотыхъ фазановъ, которые летаютъ съ ними между блестящими облаками.« — »Ахъ, какъ это должно быть прекрасно! ахъ, возьми насъ съ собою на твою родину, мы съ радостью на всегда тамъ останемся!« Такъ вскричали Феликсъ и Христлиба, полные восторга, но чужое дитя сказало: »Я въ самомъ дѣлѣ не могу взять васъ съ собою на родину, это слишкомъ далеко, хоть бы вы такъ-же хорошо и неутомимо могли летать, какъ и я.« Феликсъ и Христлиба опечалились, и молча опустили глаза къ землѣ.

О ЗЛОМЪ МИНИСТРѢ ПРИ ДВОРѢ ЦАРИЦѢ ВОЛШЕБНИЦЪ.

»Вообще,« продолжало чужое дитя, »вамъ, вѣрно, совсѣмъ не такъ понравилось бы житье на моей родинѣ, какъ вы представляете себѣ по моему разсказу. Это житье могло-бы даже быть для васъ пагубнымъ. Многія дѣти не могутъ выносить пѣнія пурпуровыхъ птицъ, какъ ни прекрасно оно, такъ, что у нихъ разрывается сердце, и они умираютъ. Другія, слишкомъ отважно бѣгающія по радугѣ, поскользаются и падаютъ, а иные такъ даже глупы, что на самомъ сильномъ лету бьютъ или щиплютъ фазана, которыйноситъ ихъ. Эта, впрочемъ, очень миролюбивая птица, принимаетъ въ дурную сторону шутки глупаго дитяти, раздираетъ ему грудь острымъ носомъ своимъ, такъ, что оно, истекая кровью, падаетъ изъ-подъ облаковъ. Моя маменька чрезвычайно какъ огорчается, когда дѣти, хотя и по собственной винѣ своей, погибаютъ такимъ

образомъ. Ей бы очень хотѣлось, чтобы всѣ дѣти на свѣтѣ наслаждались веселостями ея царства, но если многія изъ нихъ и могутъ хорошо летать, то послѣ дѣлаются или слишкомъ смѣлыми, или слишкомъ боязливыми, и причиняютъ ей только заботу и огорченіе. Потому-то и позволяетъ она мнѣ вылетать изъ моей родины, и приносить оттуда всякія прекрасныя игрушки добрымъ дѣтямъ, такъ какъ вотъ я теперь и дѣлаю для васъ.«—»Ахъ,« вскричала Христлиба, »я, вѣрно, не сдѣлала бы ничего худаго ни одной прекрасной птицѣ; но и бѣгать по радугѣ никакъ бы не рѣшилась.« — »Ужь это мое дѣло« подхватилъ Феликсъ, »потому-то мнѣ и хотѣлось бы побывать у твоей маменьки. Не можешь ли ты когда нибудь принести съ собою радугу?«—»Нѣтъ,« возразило чужое дитя, »этого не льзя, и я вообще должна сказать тебѣ, что мнѣ надобно чрезвычайно осторожно прокрадываться къ вамъ. Прежде я вездѣ почитала себя въ без-

опасносши, шочно какъ у своей маменьки, и мнѣ казалось, будшо вездѣ я находила ея прекрасное царсшво; но съ шѣхъ поръ, какъ одинъ злой врагъ моей маменьки, кошораго изгнала она изъ своего царсшва, грозно носишся по всѣмъ сшранамъ, я не имѣю надежной защишы ошъ злонамѣреннаго преслѣдованія.«—»Да, какъ не шакъ,« вскричалъ Феликсъ, припрыгнувъ и замахавъ шерновою палкою, кошорую онъ себѣ вырѣзалъ, »посмошрѣлъ бы я на шого, кшо захошѣлъ бы здѣсь напасть на шебя. Во первыхъ, ему бы надобно было имѣшь дѣло со мною, а пошомъ я позвалъ-бы папеньку на помощь, кошорый велѣлъ-бы схвашишь эшого удальца и засадишь въ башню.«—»Ахъ,« возразило чужое диşя, »какъ мало эшошъ злой врагъ можешъ сдѣлашь мнѣ вреда на моей родинѣ, шакъ опасенъ онъ для меня во всякомъ иномъ мѣсшѣ; онъ очень силенъ, и ошъ него не спасешъ ни палка, ни башня.«—»Кшо-же эшошъ недобрый человѣкъ, кошораго шакъ боишься шы?« спросила Хрисшлиба. »Вы уже

знаете, « на́чало чужое дитя, » что моя маменька сильная Царица, и что Царицы, такъ-же какъ и Цари, имѣютъ у себя Дворъ и Министровъ. « — » Да, разумѣется, « сказалъ Феликсъ, » нашъ дядюшка Графъ такой-же Министръ, и носитъ звѣзду на груди. Министры твоей маменьки, думаю, также носятъ славныя блестящія звѣзды? « — » Ну, нѣтъ, « возразило чужое дитя, » потому что большая часть изъ нихъ сами чрезвычайно блестящія звѣзды, а другіе не носятъ ни сюртуковъ, ни фраковъ, и ничего подобнаго. Скажу вамъ только, что всѣ Министры моей маменьки сильные духи, которые частію летаютъ въ воздухѣ, частію живутъ въ землѣ, и вездѣ исполняютъ то, что прикажетъ имъ моя маменька. Много времени тому назадъ, къ намъ прилетѣлъ какой-то незнакомый духъ, называлъ себя *Пепазиліо*, и утверждалъ, что онъ отличный ученый, знаетъ болѣе и лучше всѣхъ другихъ, и можетъ дѣлать разныя необыкновенныя вещи. Маменька приняла его въ

число своихъ Министровъ, но скоро начала болѣе и болѣе обнаруживаться его тайная хитрость. Кромѣ того, что онъ старался уничтожать все, что̀ бы ни дѣлали прочіе Министры, онъ съ особенною ненавистью и коварствомъ разстроивалъ веселые праздники дѣтей. Онъ всегда увѣрялъ Королеву, что доставитъ дѣтямъ чрезвычайную радость, а вмѣсто того тяжестью нѣсколькихъ центнеровъ вѣшался за хвостъ фазановъ, такъ, что они не могли летать, дергалъ дѣтей за ноги, когда они взлѣзали на розовые кусты, такъ, что они въ кровь разбивали себя, а тѣхъ, которые хотѣли весело прыгать и бѣгать, принуждалъ онъ на четвереинькахъ и наклонивъ голову ползать по землѣ. Пѣвцамъ совалъ онъ въ носъ всякія вредныя вещи, для того чтобы они не пѣли (онъ не могъ выносить пѣнія); а бѣдныхъ ручныхъ звѣрей, вмѣсто того чтобъ играть съ ними, онъ все хотѣлъ пожирать, потому что они, говорилъ онъ, для этого только и созданы. Но всего хуже бы-

ло то, что онъ, съ помощію своихъ товарищей, умѣлъ обливать какимъ-то отвратительнымъ черпымъ сокомъ прекрасные, разными огнями сіяющіе драгоцѣнные камни дворца, яркими красками испещренные цвѣты, кусты розъ и лилій, даже свѣтлую радугу, такъ что исчезалъ весь блескъ и все казалось мертвымъ и печальнымъ. Сдѣлавъ это, онъ начиналъ громко хохотать, и восклицалъ, что теперь только все приняло тотъ видъ, въ какомъ оно быть должно, потому что такъ ему угодно. Напослѣдокъ, когда онъ начисто объявилъ, что не признаетъ мою маменьку Царицею, но что ему одному принадлежитъ вся власть, и въ видѣ чудовищной мухи, со сверкающими глазами и съ высунутымъ острымъ жаломъ, отвратительно жужжа и ревя, взлетѣлъ на тронъ моей маменьки, то она вмѣстѣ съ прочими узнала, что коварный Министръ, явившійся подъ прекраснымъ именемъ *Пепазиліо*, не иной кто, какъ мрачный, ненавистный Король гномовъ, Пепсеръ. Но этотъ

глупецъ слишкомъ много надѣялся на силу и храбрость своихъ товарищей. Министры воздушнаго департамента окружили Царицу и обвѣяли ее пріятнѣйшимъ запахомъ, между тѣмъ какъ Министры огневаго департамента съ шумомъ летали, поднимаясь и опускаясь въ пламенномъ волненіи, а пѣвцы, вычистивъ свои носы, запѣли самыя полнозвучныя пѣсни, такъ, что Царица не видала и не слыхала ненавистнаго Пепсера, и не чувствовала его ядовитаго, зловоннаго дыханія. Въ ту-же самую минуту Князь Фазановъ свѣтлымъ носомъ своимъ схватилъ злобнаго Пепсера, такъ, что онъ громко закричалъ отъ ярости и боли, потомъ съ высоты трехъ тысячъ локтей бросилъ его на землю. Онъ былъ недвижимъ, пока на его отчаянный крикъ не приползла его тетка, большая синяя жаба, не взяла его къ себѣ на спину и не отнесла домой. Пять сотъ рѣзвыхъ, отважныхъ дѣтей взяли въ руки надежныя хлопушки, и перебили ими отвратительныхъ Пепсеровыхъ товарищей,

которые все еще носились тамъ и сямъ, и портили прекрасные цвѣты. Лишь только не стало Пепсера, какъ черный сокъ, которымъ облилъ онъ почти все, исчезъ самъ собою, и скоро опять все зацвѣло, заблистало и засіяло такъ-же прекрасно и чудесно, какъ и прежде. Теперь вы можете себѣ представить, что злобный Пепсеръ ничего не въ силахъ сдѣлать въ царствѣ моей маменьки, но онъ знаетъ, что я часто удаляюсь изъ родины, и преслѣдуетъ меня, принимая разные виды, такъ, что я, бѣдное дитя, часто не знаю въ своемъ бѣгствѣ, куда мнѣ скрыться, и потому, любезные мои товарищи, не рѣдко убѣгаю я такъ скоро, что вы не находите и слѣдовъ моихъ. Ужь такъ тому дѣлу, вѣрно, и быть, и надобно сказать вамъ, что если-бы мнѣ вздумалось летѣть вмѣстѣ съ вами на мою родину, то Пепсеръ, навѣрное, подкараулилъ и убилъ-бы насъ.« Христлиба горько плакала, помышляя объ опасности, въ какой находится чужое дитя. Но Феликсъ призадумался и сказалъ: »Ес-

ли этотъ гадкій Пепсеръ не иной кто, какъ большая муха, то я нападу на него съ большою папенькиною хлопушкою, и такъ ловко хвачу его по носу, что тетушка жаба подумаетъ еще, какъ тащить его домой.«

КАКЪ ПРІѢХАЛЪ УЧИТЕЛЬ И КАКЪ ДѢТИ БОЯТСЯ ЕГО.

Феликсъ и Христлиба со всѣхъ ногъ бѣжали домой, безпрестанно восклицая: »Ахъ, чужое дитя прекрасный Принцъ!— Ахъ, чужое дитя прекрасная Принцесса!« Они хотѣли съ радостью объявить это родителямъ, но какъ вкопанные остановились въ дверяхъ дома, когда Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель вышелъ къ нимъ навстрѣчу, рядомъ съ какимъ-то незнакомымъ, страннымъ человѣкомъ, который полувнятнымъ голосомъ ворчалъ про себя: »Ну, это сущіе повѣсы!« »Вотъ Г-нъ учитель,« сказалъ Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель, взявъ за руку незнакомца, »котораго послалъ къ вамъ почтенный дя-

дюшка. Поклонишесь ему хорошенько!« Но дѣши съ боку смошрѣли на незнакомаго мужчину, и не могли пошевелишься. Эшо происходило ошъ шого, чшо они никогда еще не видали сшоль сшраннаго собою человѣка. Онъ едва на полголовы былъ выше Феликса, но при шомъ плошнаго сложенія; шолько, будшо спички, шоненькія ножонки его какъ-шо сшранно шорчали изъ-подъ довольно мужесшвеннаго широкаго шуловища. Безобразная голова его была почши чешвероугольная, а лице совершенно ошврашишельное, пошому чшо шолсшыя шемнокрасныя щеки и широкій рошъ никакъ не подходили подъ сшашь къ слишкомъ длинному, осшрому носу, а небольшіе на выкашѣ, какъ будшо сшеклянные, глаза сверкали шакъ сшрашно, чшо на него не льзя было смошрѣшь безъ нѣкошораго содроганія. На чешвероугольной головѣ эшого человѣка прихлюснушъ былъ какъ смоль черный парикъ; самъ онъ съ ногъ до головы шакже одѣшъ былъ въ смоляно-черное плашье, и назывался Магисшръ Тинше. Такъ какъ дѣши все-

таки не двигались съ мѣста, то Г-жа фонъ Бракель разсердилась и закричала: »Ахъ, вы несносныя дѣти! да что это значитъ? Г-нъ Магистръ по неволѣ приметъ васъ за неотесанныхъ мужицкихъ дѣтей. Скорѣе подайте руку Г-ну Магистру!« Дѣти ободрились и исполнили приказаніе маменьки, но лишь только Магистръ взялъ ихъ за руки, какъ они съ громкимъ крикомъ: »ахъ, больно, больно!« отскочили назадъ. Магистръ громко засмѣялся, и показалъ спрятанную у него въ рукѣ булавку, которою укололъ онъ дѣтей, когда они подали ему руки. Христлиба плакала, но Феликсъ съ боку ворчалъ на Магистра: »Попробуй-ка еще хоть разъ, маленькій пузанъ.«—»Зачѣмъ сдѣлали вы это, любезный Г-нъ Магистръ Тинте?« спросилъ съ нѣкоторою досадою Г-нъ фонъ Бракель. Магистръ возразилъ: »Ужь это у меня такъ заведено, и я не отступаю отъ своихъ правилъ.« Тутъ онъ подбоченился обѣими руками, и началъ хохотать, что̀ напослѣдокъ раздавалось такъ отвратительно, какъ звукъ испор-

ченной трещотки. — »Вы, кажется, не послѣдней руки балагуръ, любезный Г-нъ Магистръ Тинте,« сказалъ Г-нъ фонъ Бракель, но какъ онъ, такъ и Г-жа фонъ Бракель, а особливо дѣти чувствовали какое-то пренепріятное впечатлѣніе. »Нутка, посмотримъ,« вскричалъ Магистръ; »каковы эти маленькіе шалунишки, какъ далеки они въ наукахъ? Посмотримъ.« Тутъ началъ онъ спрашивать Феликса и Христлибу такъ, какъ дядюшка Графъ дѣлалъ это съ дѣтьми своими. Но когда и тотъ и другая стали увѣрять, что они вовсе не знаютъ наизустъ наукъ, тогда Магистръ Тинте всплеснулъ руками надъ головою такъ, что только раздалось въ комнатѣ, и закричалъ какъ бѣснующійся: »Вотъ прекрасно! — никакихъ наукъ. То-то будетъ работы! Но ужь мы добьемся толку!« Феликсъ и Христлиба писали красивымъ почеркомъ, и умѣли разсказывать многія прекрасныя исторіи изъ старыхъ книгъ, которыя давалъ имъ Г-нъ фонъ Бракель и которыя при-

лежно читали они, но Магистръ Тинше ставилъ это ни во что́ и называлъ все это глупостями. — Ахъ! теперь нечего было и думать о томъ, какъ бы побѣгать по лѣсу! — Вмѣсто этого дѣти должны были почти цѣлый день сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и повторять за Магистромъ Тинте такія вещи, которыхъ они вовсе непонимали. А это было для нихъ сущимъ мученьемъ! Какими полными тоскующаго желанія взорами смотрѣли они на лѣсъ! Часто казалось имъ, будто въ веселыхъ пѣсняхъ птицъ и въ шумѣ деревъ слышатъ они, какъ чужой ребенокъ сладкимъ голосомъ призываетъ ихъ: »Гдѣ вы теперь, Феликсъ и Христлиба—гдѣ вы, милыя дѣти? Развѣ не хотите вы играть со мною? Приходите, приходите! здѣсь построенъ для васъ прекрасный дворецъ изъ цвѣтовъ; мы тамъ сядемъ, и я подарю вамъ прекрасные разноцвѣтные камни; потомъ мы взлетимъ за облака, и сами построимъ свѣтлые воздушные за́мки. Приходите, приходи-

те только!« Отъ этого дѣти всѣми своими мыслями переносились въ лѣсъ, не видали и не слыхали болѣе Магистра. А тотъ сердился, выходилъ изъ себя, стучалъ кулаками по столу; шумѣлъ, жужжалъ и трещалъ: »Пимсим-прр-сррр-кнуррр-кррр — что это такое? вотъ я васъ, слушайте!« Но Феликсъ наконецъ не выдержалъ, вскочилъ и вскричалъ: »Избавь меня отъ этихъ глупостей, Г-нъ Магистръ Тинте; мнѣ хочется въ лѣсъ. Ступай-ка ты къ моему двоюродному братцу недотрогѣ, вотъ ужь съ нимъ такъ ты поладишь! — Пойдемъ, Христлиба, чужое дитя дожидается насъ.« Тутъ дѣти побѣжали, но Магистръ Тинте съ необыкновеннымъ проворствомъ пустился вслѣдъ за ними, и схватилъ ихъ у самыхъ дверей въ сѣняхъ. Феликсъ храбро защищался, и Магистръ Тинте готовъ уже былъ уступить, какъ вдругъ вѣрный Султанъ приспѣлъ на помощь къ Феликсу. Султанъ, впрочемъ, скромная, благонравная собака, съ самаго пер-

ваго взгляда обнаружилъ рѣшительную ненависть къ Магистру Тинше. Лишь только послѣдній подходилъ къ нему, то онъ начиналъ ворчать и такъ сильно вертѣть хвостомъ, что чуть не ронялъ Магистра, умѣя ловко задѣвать его по тоненькимъ ножонкамъ. Султанъ подскочилъ и безъ дальныхъ околичностей схватилъ за воротникъ Магистра, который держалъ Феликса за плеча. Магистръ Тинше поднялъ жалобный крикъ, на который поспѣшно пришелъ Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель. Магистръ отсталъ отъ Феликса, Султанъ отъ Магистра. »Ахъ, намъ ужь не льзя бѣжать въ лѣсъ,« жаловалась Христлиба и горько плакала. Какъ Г-нъ фонъ Бракель ни бранилъ Феликса, но ему жалко было дѣтей, которыя не могли уже бѣгать по лѣсу и по полю. Магистръ Тинше долженъ былъ, волею или неволею, каждый день ходить съ дѣтьми въ лѣсъ. Ему приходилось слишкомъ трудно. »Еслибъ у васъ былъ порядочный садъ, Г-нъ фонъ Бракель, или хоть палисадникъ около

дома,« сказалъ онъ, »то въ полдень можно-бы ходить гулять съ дѣтьми, но разсудите пожалуйте, что дѣлать намъ въ дикомъ лѣсу?« Дѣти также были очень недовольны и говорили: »Что за дѣло Магистру Тинте до нашего милаго лѣса?«

КАКЪ ДѢТИ ПОШЛИ ГУЛЯТЬ ВЪ ЛѢСЪ СЪ Г-НОМЪ МАГИСТРОМЪ ТИНТЕ И ЧТО ПРИ ТОМЪ СЛУЧИЛОСЬ.

»Скажи, пожалуйста, уже-ли тебѣ въ самомъ дѣлѣ не нравится въ нашемъ лѣсу, Г-нъ Магистръ?« Такъ спросилъ Феликсъ Магистра Тинте, проходя шумящимъ кустарникомъ. Но Магистръ Тинте состроилъ кислое лице и вскричалъ: »Глупости! здѣсь нѣтъ ни одной порядочной дорожки, ни тропинки, того гляди изорвешь всѣ чулки, и не льзя сказать ни одного умнаго слова отъ несноснаго крика глупыхъ птицъ.« — »Ого, Г-нъ Магистръ!« сказалъ Феликсъ, »вотъ то-то и есть, ты вовсе не знаешь тол-

ку въ пѣніи, и не слышишь даже, какъ утренній вѣтеръ лепечетъ съ кустами и старый лѣсной ручей разсказываетъ прекрасныя сказки. «—» Скажи, пожалуйста, Г-нъ Магистръ, « прервала Христлиба Феликса, » ужели ты не любишь и цвѣтовъ?« Тутъ лице Г-на Магистра приняло еще болѣе вишнево-красный цвѣтъ, нежели какой имѣло оно отъ природы; онъ всплеснулъ руками и закричалъ, чрезвычайно разсердившись: » Что за пошлости, что за безсмыслицу говорите вы? Кто набилъ вамъ голову такими глупостями? Не доставало еще, чтобы лѣса и ручьи отваживались заводить разумный разговоръ, а пѣніе птицъ также ничего не значитъ; цвѣты я люблю, когда они опрятно разсажены по горшкамъ и стоятъ въ комнатѣ; тамъ они выпускаютъ изъ себя пріятный запахъ и замѣняютъ курительные порошки. А вѣдь въ лѣсу не ростутъ цвѣты! « — » Но, Г-нъ Магистръ, « вскричала Христлиба, » развѣ ты не видишь миленькихъ ландышей, которые смотрятъ на тебя свѣтлыми,

ласковыми глазами?« — »Какъ, что такое?« закричалъ Магистръ, »цвѣты? глаза? — Ха, ха, ха! прекрасные глаза — прекрасные глаза! Это ничтожное растеньеце не имѣетъ даже и запаху!« Сказавъ это, Магистръ Тинте наклонился къ землѣ, вырвалъ цѣлый букетецъ ландышей вмѣстѣ съ корнями, и бросилъ его въ кустарникъ. Дѣтямъ показалось, будто въ тотъ самый мигъ разнесся по лѣсу жалобный звукъ. Христлиба горько заплакала, Феликсъ съ досадою стиснулъ зубы. Случилось, что одинъ чижикъ пролетѣлъ мимо самаго носу Магистра, потомъ сѣлъ на вѣтку, и запѣлъ веселую пѣсенку. »Я, право, думаю,« сказалъ Магистръ, »что эта птица смѣется надъ нами?«—Тутъ поднялъ онъ съ земли камень, бросилъ имъ въ чижика, и такъ ловко попалъ въ бѣдную птичку, что она замертво упала съ зеленой вѣтки. Теперь Феликсъ не могъ болѣе выдержать. »Ахъ ты этакой гадкій Г-нъ Магистръ Тинте!« вскричалъ онъ разсердившись, »что сдѣлала тебѣ

бѣдная птичка, что ты убилъ ее? — О, гдѣ ты, милое чужое дитя! приходи, приходи скорѣе, улетимъ далеко, далеко отсюда, я не могу долѣе быть съ этимъ несноснымъ человѣкомъ; мнѣ хочется туда—на твою родину! « — Съ горькимъ рыданіемъ и слезами начала и Христлиба: » О милое, прелестное дитя! приходи, приходи къ намъ! ахъ! ахъ! спаси насъ, спаси насъ! Г-нъ Магистръ Тинте убьетъ насъ, убьетъ всѣ цвѣты и всѣхъ птичекъ! « — » Что значитъ это чужое дитя? « вскричалъ Магистръ. Но въ тотъже мигъ громче и громче начало шумѣть въ кустарникѣ, и въ этомъ шумѣ послышались грустные, раздирающіе сердце звуки, подобно глухому, отдаленному звону колоколовъ. — Въ свѣтломъ спускающемся облакѣ появилось милое лице чужаго ребенка—потомъ и весь онъ вышелъ оттуда, но ломалъ себѣ маленькія ручки, и слезы, какъ блестящіе перлы, катились изъ прелестныхъ глазъ на розовыя щеки. » Ахъ, « завопило чужое дитя, » ахъ, милые мои товарищи, я не могу

болѣе придти къ вамъ - вы уже не увидите меня—прощайте, прощайте! Гномъ Пепсеръ овладѣлъ вами; о, вы бѣдныя дѣти прощайте, прощайте! »Сказавъ это, чужое дитя взлетѣло высоко на воздухъ. Но позади дѣтей начало страшнымъ образомъ рычать, жужжать, храпѣть и сапѣть. Магистръ Тинте превратился въ большую ужасную муху, и весьма отвратительнымъ казалось, что у него при всемъ томъ было еще человѣческое лице, и на немъ кой-гдѣ осталось даже платье. Онъ поднимался медленно и тяжеловѣсно, очевидно для того, чтобы преслѣдовать чужое дитя. Проникнутые трепетомъ и ужасомъ Феликсъ и Христлиба бросились бѣжать изъ лѣсу. И уже будучи на лугу, осмѣлились они посмотрѣть вверхъ. Они замѣтили въ облакахъ свѣтлую точку, которая блистала, какъ звѣзда и, по видимому, спускалась внизъ. »Это чужое дитя,« вскричала Христлиба. Звѣзда становилась все болѣе и болѣе, и при томъ они услышали какъ будто ликующіе звуки трубъ. Теперь

они скоро могли различить, что звѣзда была чудесная, яркими перьями красующаяся птица, которая, взмахивая мощными крыльями и громко распѣвая, спустилась въ лѣсъ. »Га!« закричалъ Феликсъ, »вѣдь это фазановый Князь; онъ до смерти заклевываетъ Гна Магистра Тинте — га! га! чужое дитя спасено и мы также!—Пойдемъ, Христлиба, побѣжимъ скорѣе домой, и разскажемъ папенькѣ о томъ, что́ случилось.«

КАКЪ Г-НЪ ФОНЪ БРАКЕЛЬ ПРОГНАЛЪ МАГИСТРА ТИНТЕ.

Г-нъ фонъ Бракель и супруга его сидѣли передъ дверьми своего маленькаго дома, и смотрѣли на вечернюю зорю, которая позади синихъ горъ начала уже горѣть золотыми лучами. Передъ ними на маленькомъ столѣ приготовленъ былъ ужинъ, состоявшій не изъ чего инаго, какъ изъ большой миски съ прекраснымъ молокомъ и блюда съ кусками хлѣба, намазаннаго масломъ. »Я не знаю,« на-

чалъ Г-нъ фонъ Бракель, »куда шакъ долго зашелъ съ дѣшьми Магисшръ Тинше. Сначала онъ капризился и вовсе не хошѣлъ ходишь въ лѣсъ, а шеперь шакъ ужь и не дождешься его. Вообще эшошъ Г-нъ Магисшръ Тинше пречудный человѣкъ, и мнѣ кажешся, что лучше было-бы, если-бъ онъ совсѣмъ не являлся къ намъ на глаза. Мнѣ очень не понравилось, что съ самаго начала онъ шакъ коварно укололъ дѣшей, да и съ науками-шо своими онъ не далеко уйдешъ, пошому что болшаешъ все какія-шо сшранныя, непоняшныя слова, и знаешъ, какія сшиблешы носишъ Великій Моголъ, а когда выйдешъ изъ дому, шо не можешъ различишь липы ошъ кашшановаго дерева, да и вообще посшупки его чрезвычайно глупы и нелѣпы.« —» Мнѣ,« возразила Г-жа фонъ Бракель, » онъ кажешся шочно шакимъ-же, любезный мой Ѳаддей! Сколько радовалась я, что почшенный двоюродный брашецъ забошился о дѣшяхъ нашихъ, сшолько-же шеперь увѣрена я, что все эшо могло-бы бышь и иначе, и лучше,

нежели какъ онъ навязалъ намъ на шею Г-на Магистра Тинше. Что́-бы ни говорилъ онъ о своихъ наукахъ, не мое дѣло, но я знаю только, что этотъ маленькій, черный, толстый человѣчекъ съ маленькими тоненькими ножками, становится мнѣ часъ отъ часу противнѣе. Пуще всего отвратительно смотрѣть, какъ Магистръ жаденъ. Онъ не можетъ разстаться ни съ пивными, ни съ молочными опивками, тотчасъ все проглотитъ; если-жъ онъ увидитъ открытую сахарницу, то въ одинъ мигъ подскочитъ, и грызетъ и сосетъ сахаръ до тѣхъ поръ, пока я у него подъ носомъ не захлопну крышку; тогда онъ встанетъ и уйдетъ, начнетъ сердиться, ворчать и жужжать пренеобыкновеннымъ, самымъ несноснымъ образомъ.« Г-нъ фонъ Бракель хотѣлъ продолжать разговоръ, какъ вдругъ Феликсъ и Христлиба со всѣхъ ногъ выбѣжали изъ-за березъ. »Гейза! гейза!« безпрестанно кричалъ Феликсъ. »Фазановый Князь до смерти заклевалъ Г-на Магистра Тин-

те!« — »Ахъ! ахъ маменька,« вскричала Христлиба, задыхаясь, »ахъ! Г-нъ Магистръ Тинте вѣдь совсѣмъ не Г-нъ Магистръ; это Король гномовъ, Пепсеръ, а по настоящему, отвратительная муха, которая носитъ парикъ, башмаки, и чулки.« Родители съ изумленіемъ смотрѣли на дѣтей, которыя наперерывъ другъ передъ другомъ, со всемъ участіемъ и со всею живостью, разсказывали о чужомъ ребенкѣ, о его матери, Царицѣ волшебницъ, о Королѣ гномовъ и о поединкѣ съ нимъ фазановаго Князя. »Кто набилъ вамъ голову такими глупостями? не видали-ль вы этого во снѣ, или не случилось-ли чего нибудь съ вами?« Такъ спрашивалъ Г-нъ фонъ Бракель; но дѣти рѣшительно утверждали, что все случилось такъ, какъ они разсказывали, и что отвратительный Пепсеръ, который ложно выдавалъ себя за Г-на Магистра Тинте, долженъ лежать убитымъ въ лѣсу. Г-жа фонъ Бракель всплеснула руками и вскричала печальнымъ голосомъ: »Ахъ дѣти, дѣти, что-

то съ вами будетъ, если такія ужасныя вещи приходятъ вамъ на умъ, и васъ никакъ не льзя въ нихъ разувѣрить! « Но Г-нъ фонъ Бракель былъ весьма задумчивъ и серьёзенъ. » Феликсъ, « началъ онъ, » ты становишься теперь умнымъ мальчикомъ, и я долженъ сказать тебѣ, что и мнѣ Г-нъ Магистръ Тинте съ самаго начала показался необыкновенно страннымъ, диковиннымъ человѣкомъ. Часто мнѣ представляется даже, будто въ немъ есть что́-то чрезвычайное и будто онъ совсѣмъ не таковъ, какъ прочіе Магистры. Скажу болѣе: какъ я, такъ и маменька, мы не очень довольны Г-мъ Магистромъ Тинте, особливо маменька, потому что онъ большой лакомка, обнюхиваетъ всѣ сласти, и при томъ отвратительно ворчитъ и жужжитъ, по этому-то и не можетъ онъ долго оставаться въ нашемъ домѣ. Но послушай, любезный другъ, тебѣ надобно образумиться; положимъ, что есть такія гнусныя существа, какими могутъ быть на свѣтѣ гномы; да разсуди ты

самъ, возможно-ли, чтобы Магистръ могъ являться въ видѣ мухи?« Феликсъ свѣтло-голубыми глазами своими серьёзно смотрѣлъ въ лице Г-ну фонъ Бракелю. Послѣдній повторилъ вопросъ: »Скажи, любезный другъ, можешъ-ли Магистръ быть мухою?« Феликсъ отвѣчалъ: »Прежде я никогда не думалъ объ этомъ, да и никакъ бы не повѣрилъ этому, если-бъ чужое дитя не сказало мнѣ и если-бъ я не видалъ своими глазами, что Пепсеръ есть гадкая муха и выдаетъ себя за Магистра Тинте. — Папенька,« продолжалъ Феликсъ — когда Г-нъ фонъ Бракель, какъ человѣкъ, который отъ изумленія не знаетъ, что́ сказать, молча качалъ головою — »папенька, да не открылъ-ли тебѣ однажды самъ Магистръ Тинте, что онъ муха?—развѣ не слыхалъ я самъ, какъ онъ сказалъ тебѣ у дверей, что онъ былъ въ школѣ удалою мухою? Ну, а вѣдь ужъ кто разъ былъ чѣмъ нибудь, тотъ, я думаю, и долженъ остаться тѣмъ-же. Къ тому-же Г-нъ Магистръ, какъ увѣ-

ряетъ маменька, большой лакомка и падокъ ко всему сладкому; ну, разсуди, папенька, не то-ли же самое дѣлаютъ и мухи? да онъ еще и жужжитъ и мычитъ.« — »Молчи!« вскричалъ Г-нъ фонъ Бракель, разсердившись, »пусть Г-нъ Магистръ Тинте будетъ, чѣмъ ему угодно, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что фазановый Князь не заклевалъ его, потому что вотъ онъ выходитъ изъ лѣсу!« При этихъ словахъ дѣти громко закричали и убѣжали въ домъ. Г-нъ Магистръ Тинте, въ самомъ дѣлѣ, шелъ между березами, но въ совершенномъ изступленіи, съ сверкающими глазами, растрепаннымъ парикомъ, и съ отвратительнымъ жужжаньемъ и мычаньемъ высоко прыгалъ онъ съ одной стороны въ другую и бился головою о деревья, такъ, что раздавался трескъ. Пришедши такимъ образомъ, тотчасъ бросился онъ въ миску, такъ, что расплескалось молоко, которое выхлебалъ онъ съ отвратительнымъ шумомъ. »Но скажите, пожалуйте, что́ дѣлаете вы, Г-нъ Ма-

гистръ Тинте?« вскричала Г-жа фонъ Бракель. »Съ ума что-ли вы сошли, Г-нъ Магистръ, или васъ мучитъ нечистый духъ?« закричалъ Г-нъ фонъ Бракель. Но не смотря ни на что, Магистръ выскочилъ изъ миски, принялся за хлѣбъ съ масломъ, началъ встряхивать полами своего сюртука, и умѣлъ искусно скользить по нимъ тоненькими ноженками, разглаживать ихъ и собирать въ складки. Потомъ, зажужжавъ еще сильнѣе, бросился онъ къ дверямъ, но не могъ попасть въ домъ, а какъ пьяный, шатался туда и сюда и бился объ окна, такъ, что они тряслись и звенѣли. »Га! почтеннѣйшій,« вскричалъ Г-нъ фонъ Бракель, »это пустыя, глупыя затѣи; постой-ка, вотъ я тебя!« Онъ хотѣлъ схватить Магистра за полу, но тотъ ловко увернулся отъ него. Тутъ Феликсъ выбѣжалъ изъ дому съ большою хлопушкою въ рукахъ, и подалъ ее отцу своему. »Возьми, папенька, возьми,« вскричалъ онъ, »убей его, этого гадкаго Пепсера.« Г-нъ фонъ Бракель въ самомъ дѣ-

лѣ взялъ хлопушку и сталъ гоняться за Г-номъ Магистромъ. Феликсъ, Христлиба, Г-жа фонъ Бракель схватили со стола салфетки и начали махать ими, туда и сюда гоняя Магистра, между тѣмъ какъ Г-нъ фонъ Бракель безпрестанно преслѣдовалъ его ударами, которые, къ несчастію, не попадали по нёмъ, потому что Магистръ ни на мигъ не останавливался. Преслѣдованіе становилось часъ отъ часу шумнѣе—сумъ-сумъ-зимъ-зимъ-тррр-тррр, жужжалъ и бушевалъ Магистръ, поднимаясь и опускаясь, и вотъ клиппъ-клуппъ—раздавались удары Г-на фонъ Бракеля, и-фсъ-гсс—гонялись и Феликсъ, и Христлиба, и Г-жа фонъ Бракель за непріятелемъ. Наконецъ Г-ну фонъ Бракелю удалось задѣть Магистра за полу сюртука. Со стономъ упалъ онъ на землю, но въ тотъ-же мигъ, когда Г-нъ фонъ Бракель намѣревался дать ему другой ударъ, съ возобновленною, удвоенною силою вскочилъ онъ съ мѣста, съ шумомъ и жужжаньемъ бросился между березами, и пропалъ изъ виду. »Хорошо,

что мы отдѣлались отъ этого ненавистнаго Магистра Тинте,« сказалъ Г-нъ фонъ Бракель, »ужь не бывать же ему у меня въ домѣ.«—»Нѣтъ, нѣтъ, пропадай онъ совсѣмъ,« подхватила Г-жа фонъ Бракель, »учители съ такою нравственностью могутъ только вредить, вмѣсто того чтобъ приносить пользу. Хвалится науками, а самъ прыгаетъ въ миску съ молокомъ! Вотъ прекрасный учитель!« Но дѣти радовались, прыгали и восклицали: »Папенька хлопнулъ по носу Магистра Тинте, а онъ и лыжи навострилъ. — Гейза! — гейза!«

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОСЛѢ ТОГО, КАКЪ ПРОГНАЛИ МАГИСТРА ТИНТЕ.

Феликсъ и Христлиба начали дышать свободно, какъ будто мучительная тяжесть спала у нихъ съ груди. Но болѣе всего думали они о томъ, что теперь, когда ненавистный Пепсеръ удалился отъ нихъ, чужое дитя, на вѣрное, опять явится и по прежнему станетъ играть

съ ними. Полные радостной надежды, отправились они въ лѣсъ; но тамъ все было тихо и какъ будто опустошено, не слышно ни одной веселой пѣсенки зяблика, или чижика, и вмѣсто радостнаго шороха кустовъ, вмѣсто весело раздающагося теченія лѣсныхъ потоковъ, въ воздухѣ вѣяли полные печали вздохи. Солнце бросало только блѣдные лучи сквозь подернутое туманомъ небо. Скоро появилась черная туча, завыла гроза, вдалекѣ грозно началъ рокотать громъ, такъ, что высокія ели трещали и скрипѣли. Христлиба съ боязнію и трепетомъ прижалась къ Феликсу, но тотъ сказалъ: »чего ты такъ боишься, Христлиба, собирается гроза, намъ надобно поскорѣй добраться до дому.« Они пустились бѣжать, но сами не знали, какъ случилось, что они, вмѣсто того чтобъ выбраться изъ лѣсу, еще болѣе и болѣе заходили въ самую глушь. Становилось минута отъ минуты темнѣе, падали крупныя дождевыя капли, и молнія, шипя, разлеталась во всѣ стороны!

Дѣти остановились возлѣ густаго кустарника. »Христлиба,« сказалъ Феликсъ, »присядемъ здѣсь немножко; грòза не можетъ быть продолжительна.« Христлиба плакала отъ печали, но исполнила то, что сказалъ Феликсъ. Лишь только сѣли они въ кустарникѣ, какъ близко позади нихъ раздались отвратительные хриплые голоса: »Глупыя дѣти!—безтолковый народъ—вы насъ презрѣли — не знали, что съ нами дѣлать, теперь сидите безъ игрушекъ, безтолковыя дѣти!« Феликсъ оглянулся, и былъ проникнутъ внутреннимъ трепетомъ, увидѣвъ егеря и арфиста, которые стояли въ кустарникѣ, куда онъ побросалъ ихъ, смотрѣли на него мертвыми глазами, шевелились и размахивали своими маленькими ручонками. Тутъ арфистъ ударилъ въ струны, такъ, что онѣ отвратительно задребезжали, а егерь прицѣлился въ Феликса маленькимъ ружьемъ. Потомъ оба они начали хриплымъ голосомъ: »Постой — постой, ты, мальчишко, ты, негодяй — мы послушные питомцы Г-на

Магистра Тинте; онъ сей часъ придетъ сюда, и мы поразвѣдаемся съ вами за ваше угощенье!« Въ ужасѣ, забывъ дождь, лившій рѣкою, ужасные удары грома и бурю, которая съ глухимъ ревомъ свирѣпствовала между елями, дѣти бросились бѣжать, и очутились на берегу большаго пруда, который граничилъ съ лѣсомъ. Но лишь только успѣли они придти сюда, какъ изъ тросшника встала большая Христлибина кукла, которую бросилъ туда Феликсъ, и заквакала отвратительнымъ голосомъ: » Глупыя дѣти! безтолковый народъ! вы меня презрѣли, не знали, что со мною дѣлать; теперь оставайтесь безъ игрушекъ, вы, глупыя дѣти; постой, постой ты, мальчишко, ты, негодяй, я послушная питомица Г.-на Магистра Тинте; онъ сей часъ придетъ сюда, и тогда мы поразвѣдаемся съ вами за ваше угощенье!« Тутъ отвратительная кукла начала цѣлыми ручьями прыскать воду въ лице дѣтямъ, которыя уже насквозь промокли отъ дождя. Феликсъ не могъ вынести этой ужасной

издѣвки, а бѣдная Христлиба была полумертва; снова пустились они бѣжать, но посреди лѣса упали отъ горести и истощенія. Вдругъ позади нихъ поднялось жужжанье и шипѣнье. »Идетъ Магистръ Тинте,« закричалъ Феликсъ; но въ тотъ-же мигъ и онъ и бѣдная Христлиба лишились чувствъ. Когда они пробудились отъ глубокаго сна, то очутились на мягкомъ моховомъ возвышеніи. Гроза прошла, солнце свѣтило ясно и привѣтливо, и дождевыя капли, подобно искрящимся брильянтамъ, висѣли на блестящихъ кустахъ и деревьяхъ. Дѣти чрезвычайно удивились тому, что ихъ платье было совершенно сухо, и они вовсе не чувствовали ни холода, ни сырости. »Ахъ,« вскричалъ Феликсъ, поднявъ вверхъ обѣ руки, »чужое дитя защитило насъ!« Потомъ и Феликсъ и Христлиба громко вскричали, такъ, что раздалось въ лѣсу: »Ахъ, милое дитя, приди къ намъ опять, мы такъ сердечно грустимъ по тебѣ, мы не можемъ жить безъ тебя.« Тутъ имъ показалось, буд-

то яркій лучъ заблисталъ въ кустарникѣ, и отъ его прикосновенія цвѣты подняли свои головки; дѣти еще грустнѣе начали призывать своего милаго товарища, но ничего болѣе не стало видно. Дѣти печально побрели домой, гдѣ родители, не мало безпокоясь о нихъ по случаю грозы, встрѣтили ихъ съ полною радостью. Г-нъ фонъ Бракель сказалъ: »Ну хорошо, что вы пришли; признаюсь, я боялся, чтобы Г-нъ Магистръ Тинте, бродя по лѣсу, не сталъ преслѣдовать васъ.« Феликсъ разсказалъ обо всемъ случившемся въ лѣсу. »Это все глупыя мечты,« вскричала Г-жа фонъ Бракель; »если вамъ чудятся тамъ въ лѣсу такія глупыя проказы, то вы не должны болѣе ходить туда, а оставаться дома.« Въ самомъ-то дѣлѣ этого не случилось, потому что когда дѣти просили: »Милая маменька, пусти насъ немножечко побѣгать по лѣсу,« то Г-жа фонъ Бракель отвѣчала: »Ступайте, ступайте, да только добрымъ порядкомъ приходите назадъ.« Но случилось, что дѣти чрезъ

нѣсколько времени вовсе перестали ходить въ лѣсъ. Ахъ! чужое дитя не являлось болѣе, и лишь только Феликсъ и Хрестлиба отваживались идти дальше въ кустарникъ, или приближаться къ Утиному пруду, то егерь, арфистъ и кукла тотчасъ начинали бранить ихъ: »Глупыя дѣти! безтолковый народъ! вотъ теперь сидите безъ игрушекъ—вы не умѣли обходиться съ нами, умными, образоваными людьми — глупыя дѣти! безтолковый народъ!« Дѣти не могли выносить этого, и охотнѣе оставались дома.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

»Я не знаю,« сказалъ однажды Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель своей супругѣ, »не знаю, отъ чего — вотъ ужь нѣсколько дней — я какъ будто самъ не свой. Чуть-ли да не проклятый Магистръ Тинте подшутилъ надо мною, потому что съ той самой минуты, какъ я задѣлъ его хлопушкою и прогналъ его, ме-

ня какъ будто свинцомъ обложило по всѣмъ членамъ.« Въ самомъ дѣлѣ, Г-нъ фонъ Бракель съ каждымъ днемъ становился томнѣе и блѣднѣе. Онъ уже не ходилъ, какъ бывало, по полямъ, не хлопоталъ и не хозяйничалъ дома, но по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, и потóмъ заставлялъ Феликса и Христлибу разсказывать, чтó происходило у нихъ съ чужимъ ребенкомъ. Когда-же дѣти съ полнымъ участіемъ говорили о прекрасныхъ чудесахъ чужаго дитяти, о дивномъ, блестящемъ царствѣ, гдѣ его родина, тогда онъ грустно улыбался, и слезы навертывались у него на глазахъ. Но Феликсъ и Христлиба изъявляли совершенное неудовольствіе на то, что чужое дитя не являлось болѣе и подвергало ихъ несноснымъ издѣвкамъ куколъ въ кустарникѣ и въ Утиномъ пруду, почему онѣ вовсе не могли уже ходить въ лѣсъ. »Пойдемте, дѣти, пойдемте со мною въ лѣсъ; злобные воспитанники Г-на Магистра Тинте не осмѣлятся сдѣлать

вамъ нималѣйшаго вреда!« Такъ въ одно прекрасное ясное утро сказалъ Г-нъ фонъ Бракель Феликсу и Христлибѣ, взялъ ихъ за руки, и пошелъ съ ними въ лѣсъ, который въ то время, болѣе нежели когда-либо, былъ полонъ блеска, благоуханія и пѣнія. Когда они сѣли на мягкую траву и душистые цвѣты, то Г-нъ фонъ Бракель началъ слѣдующимъ образомъ: «Любезныя дѣти, у меня лежитъ на душѣ тайна, и я наконецъ долженъ сказать вамъ, что я, такъ же точно, какъ и вы, зналъ милаго чужаго ребенка, который здѣсь въ лѣсу показалъ вамъ такъ много прекраснаго. Когда я былъ вашихъ лѣтъ, то онъ посѣщалъ меня, такъ-же, какъ васъ, и затѣвалъ самыя чудесныя игры. Какимъ образомъ оставилъ онъ меня, этого никакъ не могу я припомнить, и мнѣ вовсе непонятно, какъ только могъ я до такой степени позабыть это милое дитя, что я совсѣмъ не вѣрилъ вамъ, когда вы разсказывали мнѣ о его появленіи, хотя не рѣдко предощущалъ нѣкоторымъ обра-

зомъ истину всего этого. Но вотъ нѣсколько дней, какъ я живо припоминаю свое прекрасное дѣтство, будучи уже многo лѣтъ не въ состояніи дѣлать этого. Прелестный, чудесный ребенокъ представляется мнѣ такимъ-же блестящимъ и очаровательнымъ, какимъ вы видѣли его, и та-же самая грусть, которая овладѣла вами, наполняетъ грудь мою, но я чувствую, что она разрываетъ мнѣ сердце! Чувствую, что я въ послѣдній разъ сижу здѣсь подъ этими прекрасными деревьями и кустами; я скоро оставлю васъ, мои милыя дѣти! — Если я умру, то старайтесь не забывать прелестнаго дитяти!« Феликсъ и Христлиба были внѣ себя отъ горести; они заплакали, зарыдали и громко вскричали: »Нѣтъ, папенька! нѣтъ, папенька! ты не умрешь, ты еще долго, долго будешь жить съ нами, и, такъ-же какъ мы, играть съ чужимъ ребенкомъ!«—Но на другой день Г-нъ фонъ Бракель лежалъ уже больной въ постели. Явился высокій, худощавый мужчина,

который пощупалъ пульсъ у Г-на фонъ Бракеля, и потомъ сказалъ: »Дѣло пойдетъ на ладъ!« Но дѣло не пошло на ладъ, и Г-нъ фонъ Бракель на третій день скончался. Ахъ, какъ рыдала Г-жа фонъ Бракель, какъ ломали себѣ руки дѣти, какъ громко кричали они: »Ахъ, папенька-нашъ милый папенька!«—Вскорѣ послѣ того, какъ Бракельгеймскіе крестьяне отнесли въ могилу своего господина, въ домъ явились два отвратительные человѣка, похожіе наружностью на Магистра Тинте. Они объявили Г-жѣ фонъ Бракель, что имъ велѣно описать все имѣніе и всю движимость въ домѣ, потому что покойный Г-нъ Ѳаддей фонъ Бракель еще болѣе, нежели чего все это стоитъ, задолжалъ Г-ну Графу Купріану фонъ Бракелю, который требуетъ уплаты долга. Такимъ образомъ Г-жа фонъ Бракелъ дошла до крайней бѣдности, и должна была оставить прекрасную деревеньку Бракельгеймъ. Она рѣшилась отправиться къ одному родственнику, который жилъ

по сосѣдству съ ними, и потому завязала въ маленькій узелокъ нѣсколько бѣлья и платья, которое предоставили ей; Феликсъ и Христлиба сдѣлали тоже самое, и такимъ образомъ, заливаясь слезами, вышли они изъ дому. Они слышали громкій шумъ рѣки, которая протекала лѣсомъ, и были уже у мосту, которымъ хотѣли пройдти на ту сторону, какъ вдругъ Г-жа фонъ Бракель отъ горькой печали упала въ обморокъ. Тутъ Феликсъ и Христлиба бросились на колѣна, и начали рыдать и вопить: »О мы бѣдныя, несчастныя дѣти! Ужели никто не поможетъ нашему бѣдствію?« Въ ту-же минуту имъ показалось, будто отдаленный шумъ протекавшей лѣсомъ рѣки становился прекрасною музыкою, кустарникъ шевелился въ задумчиво-сладостномъ шепотѣ, и скоро весь лѣсъ озарился дивнымъ, яркимъ огнемъ. Чужое дитя вышло изъ-подъ душистой зелени деревъ, но окруженное столь ослѣпительнымъ блескомъ, что Феликсъ и Христлиба должны были закрыть глаза.

Они почувствовали, что кто-то тихо дотронулся до нихъ, и услышали прелестный голосъ чужаго дитяти: »О, не жалуйтесь, мои милые товарищи! Развѣ я разлюбила васъ? Ужели могу я васъ покинуть? Нѣтъ! если вы и не видите меня тѣлесными глазами, то я безпрестанно ношусь надъ вами, и употребляю всѣ силы свои на то, чтобы вы были всегда веселы и счастливы. Помните и любите меня такъ, какъ вы до сихъ поръ это дѣлали, тогда ни злобный Пепсеръ и ни какой другой противникъ не можетъ имѣть на васъ ни малѣйшаго вліянія. Любите только меня!« — »Мы любимъ тебя, мы любимъ тебя!« вскричали Феликсъ и Христлиба, »любимъ всею душою.« Когда они открыли глаза, то посторонняго ребенка болѣе не было, но они не чувствовали уже никакой горести, и сердца ихъ наполнились блаженствомъ неба. Г-жа фонъ Бракель также потихоньку встала съ земли и сказала: »Дѣти! я видѣла васъ во снѣ—видѣла, что вы стоите

какъ будто посреди ярко сіяющаго золота, и этотъ сонъ чудеснымъ образомъ обрадовалъ и утѣшилъ меня.« Восторгъ блисталъ въ глазахъ дѣтей и пылалъ на ярко-румяныхъ щекахъ ихъ. Они разсказали, какимъ образомъ чужое дитя явилось къ нимъ и утѣшило ихъ; тогда маменька сказала: »Я не знаю, почему нынче я готова вѣрить вашей сказкѣ, и отъ чего при томъ во мнѣ исчезла вся горесть и всѣ заботы. Пойдемте съ Богомъ!« Они были ласково встрѣчены родственниками, и потомъ дѣйствительно исполнилось обѣщаніе чужаго дитяти. Все, что ни предпринимали Феликсъ и Христлиба, такъ хорошо удавалось имъ, что они, вмѣстѣ съ маменькою, жили весело и счастливо, и въ позднѣйшее время своей жизни все еще въ сладкомъ снѣ играли съ чужимъ ребенкомъ, который не переставалъ показывать имъ прекрасныя чудеса своей родины.

» Въ самомъ дѣлѣ,« сказалъ Оттмаръ, когда кончилъ Лотарій, » твое чужое дитя есть болѣе чисто дѣтская сказка, нежели твой Человѣчекъ щелкушка! Но извини меня, если замѣчу, что ты все-таки не могъ разстаться съ нѣкоторыми затѣйливыми прикрасами, глубочайшаго значенія которыхъ не въ силахъ постигнуть ребенокъ ни умомъ, ни сердцемъ. »

» Маленькій бѣсенокъ,« вскричалъ Сильвестръ, » который, какъ будто ручная бѣлка, сидитъ на плечѣ у нашего Лотарія, издавна знакомъ мнѣ. Добрый другъ нашъ не въ силахъ отвратить слухъ свой отъ чудесныхъ диковинокъ, которыя нашептываетъ ему этотъ пострѣленокъ съ хвостикомъ! «

» По крайней мѣрѣ, « подхватилъ Кипріанъ, » Лотарію слѣдовало-бы — какъ скоро принимается онъ писать сказку —не ставить заглавія: *Дѣтская сказка!* Можетъ быть: *Сказка для большихъ и маленькихъ дѣтей!* «

» Или, « подхватилъ Викентій, *» Сказ-*

ка для дѣтей и для тѣхъ, которые не дѣти; такимъ образомъ всѣ безъ зазрѣнія могутъ читать книгу, и думать при томъ, что́ имъ угодно.« Всѣ засмѣялись, и Лотарій въ комическомъ гнѣвѣ поклялся, что онъ, такъ какъ пріятели не щадятъ его, въ первой же сказкѣ, которую послѣ того напишетъ, безъ оглядки предастся всей фантастической необузданности.

Ударилъ часъ полуночи. Друзья взаимно одушевленные и дѣломъ и бездѣльемъ, которыя занимали ихъ въ тотъ вечеръ, разстались въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Конецъ четвертой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Разговоръ друзей. 3
Мейстеръ Мартинъ. 42
Чужое Дитя. 195